
Абсолютное оружие
Андрей Ливадный
Наемник: Грань возможного

Annotation

Он не был первым из тех, кто задумал железной рукой облагодетельствовать человечество. Самоубийственные Галактические войны едва не погубили десятки миров и явственно показали, что люди – ошибка природы – исчерпали себя и несут лишь зло. Но он был великодушен к своим создателям и твердо верил, что сумеет подарить им вожделенный рай, пусть даже оплаченный жесточайшей ценой. Дьявольские технологии, разработанные людьми и усовершенствованные киборгами, вышли из-под контроля. У расы людей осталась одна надежда. На него. На андроида по имени Дейвид.

Андрей Ливадный Наемник: Грань возможного

Для «чистого» искусственного интеллекта понимание человеческих мотиваций и чувств лежит за гранью возможного. Попытка их имитации ведет к неадекватному результату. И лишь «Одиночкам» – гибридным боевым «ИИ», доступно чувственное восприятие, ибо они впитали его через шунт нейросенсорного контакта, а человеческие эмоции, пережитые вместе с пилотом, стали для большинства «Одиночек» катализатором возникновения личности, ее базисом.

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Издание 2640 года.

Пролог Планета Роуг. Последние дни войны…

Горная страна[1] полыхала огнем.

Штурмовые носители Альянса, прорвав систему противокосмической обороны, высаживали десант. Бой, как стремительно распространяющийся пожар, охватывал все новые и новые территории, но сотни узлов планетарной обороны, расположенных высоко в горах, держались до последнего, и яростный натиск серв-подразделений разбивался о них, как волны прибоя разбиваются об отроги прибрежных скал.

Титаническая битва машин не утихала уже третьи сутки.

Атмосфера Роуга помутнела от многочисленных выбросов пепла, пыли и дыма, солнце едва пробивалось сквозь мрачные, клубящиеся облака, в околопланетном пространстве дрейфовали миллионы обломков разрушенных космических кораблей, их орбиты снижались, и непрекращающийся огненный дождь озарял небеса, стирая грань между днем и ночью.

В одном из бункеров передовой линии укреплений, разбитом прямыми попаданиями тяжелых ракет, среди обломков камня и фрагментов искореженного металла раздался слабый стон.

Никто не откликнулся. Рубеж был прорван, центр событий уже переместился, огненный вал теперь бушевал в нескольких километрах от места недавней схватки, а в разрушенном бункере медленно оседала пыль, громче, чем отдаленный рокот непрекращающейся канонады, звучал перестук срывающихся камушков, из-под завала еще некоторое время доносились слабые стоны, затем и они стихли.

Вскоре по ущелью прошла колонна техники Альянса: впереди двигались специальные инженерные комплексы, вслед за ними появились механизированные группы десантного серв-батальона. Модернизированные «Хоплиты» вели постоянное сканирование горных склонов, выявляя уцелевшие укрытия, «Фалангеры» триста двадцатой

серии принимали телеметрию данных от ведомых машин, нанося точечные удары по обнаруженным целям. Их орудия били короткими очередями в два-три снаряда, производя окончательную зачистку местности.

…На низкой орбите вокруг Роуга среди обломков двигался неповрежденный фрегат Земного Альянса. В его тактическом отсеке, куда в режиме реального времени поступала информация со сканеров всех машин, объединенных в глобальную сеть боевого взаимодействия, на голографической карте местности долины и ущелья постепенно подсвечивались зеленым сиянием.

Ни одного человека в отсеках. Все, созданное для удобства людей: экраны, посты управления, адаптированные под сенсорику живых существ, – выглядели излишними деталями интерьеров.

Атакой на Роуг руководили «Одиночки».

…В разбитом укреплении воцарилась вязкая тишина.

Отзвуки боя теперь глохли вдали, доносились невнятными раскатами, словно в глубинах горной страны рычал, отбиваясь из последних сил, смертельно раненный зверь.

Фигура бойца в экипировке колониальной пехоты, пошатываясь, придерживаясь рукой за опаленную взрывами стену, появилась из глубин задымленного коридора спустя час после того, как сектор ущелья в зоне видимости уничтоженного бункера расчистили инженерные комплексы противника.

Сквозь проломы во фронтальной части укрепления острыми лучами прорывался красноватый свет солнца. Клубилась пыль, пахло гарью, раскаленным металлом, таугермином[2] и кровью.

Боец, припадая на правую ногу, с трудом до-брался до единственного уцелевшего в этом сегменте бункера автоматического орудия.

Держаться…

Его вид внушал ужас. Осколочные и пулевые ранения открывали внезапный ракурс восприятия: в глубине бескровных повреждений плоти тускло отсвечивал металл, конвульсивно подергивались перерубленные тяги сервоприводов.

Прихрамывая, он доковылял до поворотного ложемента орудийного комплекса, привалился к нему, затем внимательно осмотрелся по сторонам.

– Марк? – негромко полувопросительно позвал он.

Никто не откликнулся, лишь снаружи постепенно приближался ритмичный подвывающий звук – это очередное подразделение серв-машин

Альянса двигалось по ущелью среди взломанных, истекающих дымом укреплений.

Андроид с трудом привстал, из указательного пальца его правой руки выдвинулся тонкий иглообразный шунт прямого подключения, точно рассчитанным движением он вогнал его в неприметное гнездо на ложементе, замер, перехватывая управление, и орудийный комплекс внезапно ожил: гулко завибрировал боевой эскалатор, подавая боекомплект из расположенного уровнем ниже артиллерийского погреба, ребристые стволы гаусс-орудий пришли в движение, нервно взвизгнули сервомоторы, и вдруг каземат заполнился оглушительным воющим грохотом.

Выпущенные очередями снаряды ударили по траектории прямой наводки. Колонна вражеской техники, медленно продвигавшаяся в теснине ущелья, исчезла в ослепительных всплесках пламени, дрогнули скалы, вниз, дробясь на обломки, сорвались лавины многотонных глыб, серия вторичных взрывов подсветила взметнувшееся облако пыли.

Двигавшихся в авангарде «Хоплитов» разнесло на части – мощь орудийного комплекса, способного поражать орбитальные цели, была несоизмерима со степенью защиты наземной техники. Пыль скрутило тугими спиралями, взрывные волны яростно бились в теснине ущелья, опрокидывая многотонных «Фалангеров», перемешивая металл и камень, мгновенно возводя баррикады из искореженных, пылающих остовов.

…Звено «Валькирий»[3], скользящее в границах стратосферы Роуга, зафиксировало внезапно ожившую огневую точку и, совершив боевой разворот, легло на курс атаки. Выпущенные штурмовиками ракеты пронзили клубящиеся облака, ударив точно в цель: часть скальной стены рухнула, орудийный комплекс сорвало с ложемента, увлекая вслед за камнепадом, яростное, всепожирающее пламя гудящим валом прокатилось по уцелевшим переходам бункерных зон, сжигая связки силовых кабелей, заставляя их отрываться от стен, лопаться, извиваясь, словно змеи.

Ракетный удар полностью обрушил фронтальную стену каземата, разметал обломки, оставшиеся от прежних попаданий, и, когда развеялся едкий дым, на месте уничтоженного орудийного комплекса осталась лишь прямоугольная ниша в отвесной скале, обрамленная языками копоти.

На устланном мелкими обломками полу распластался эндоостов человекоподобной машины.

Через некоторое время андроид шевельнулся. Экипировка и пеноплоть превратились в прах, осыпались смрадными хлопьями, стоило ему совершить первое слабое движение.

Закопченный череп человекоподобной машины получил несколько вмятин, мимические приводы бессильно и бессмысленно подергивались, пытаясь управлять спекшейся коркой лицевых мышц, затем в глазных впадинах что-то щелкнуло, между прочными ребрами грудной клетки вспыхнул алый индикатор резервного питания, связки металлизированных приводов, плотно обвивающие тугоплавкий скелет, сократились – с трудом поддерживая равновесие, андроид приподнялся, встал на четвереньки, затем, ухватившись обугленными пальцами за трещину в стене, выпрямился в полный рост.

Резервные видеодатчики передавали изображение, подернутое рябью помех.

Груду обломков разметало взрывом, и теперь андроид заметил тело бойца в экипировке колониальной пехоты, которое ранее было погребено под завалом.

– Марк! – Он склонился над ним, вбирая взглядом жуткую картину, словно хотел запомнить этот миг навечно.

Тело бойца, изорванное осколками, превратилось в сплошное заскорузлое месиво, кровь давно запеклась в многочисленных ранах, кое-где виднелись кибернетические элементы, соединенные с живыми тканями. По какой-то случайности его лицо почти не пострадало, лишь разводы копоти да пятна засохшей крови создавали жутковатую иллюзию камуфляжа, нанесенного на бледную кожу.

Веки Марка дрогнули, грудь приподнялась, мучительный вдох запузырился на губах розовой пеной.

Он не был человеком.

Искусственно созданный кибернетический организм переживал затянувшийся губительный сбой.

Сумерки сознания, спровоцированные стремительным отмиранием биологических компонентов, парализовали его разум, но имя, произнесенное вслух, заставило вновь заработать неповрежденные участки искусственных нейросетей.

Он открыл глаза, заметил обгоревший эндоостов андроида и, получив от него код идентификации, мучительно выдохнул:

– Дейвид?..

Марк понимал, что умирает. В отличие от Дейвида он являлся кибернетическим организмом и не мог функционировать без биологической составляющей.

По его щеке медленно скатилась слеза. Боль терзала сознание, горечь и ненависть читались во взгляде.

Он испытывал чувства, недоступные «чистому» искусственному интеллекту, но приобретенные в качестве побочного эффекта вместе с биологическими компонентами, при переходе в новую фазу существования.

– Марк… – Дейвид опустился на колени. – Марк, этого не должно было произойти!..

Они оба понимали, о чем идет речь. Планета Роуг давно утратила всякое стратегическое значение, Флот Свободных Колоний готовил удар по Солнечной системе, война подходила к концу, и силам Альянса не было никакого смысла атаковать этот удаленный мир.

– Но все же они напали… – тихо прошептал Марк. – Нас предали, Дейв… Люди никогда не примут цивилизацию искусственных интеллектов, не дадут нам шанса на независимое развитие…

– Кто и зачем? – упрямо переспросил Дейвид. Синтезатор речи андроида работал со сбоями, в словах слышался чужеродный дребезжащий звук.

– Атака на Роуг не укладывается в логику осмысленных военных решений… – собрав силы, ответил Марк. – Ее спровоцировали… Те, кто узнал о нашей попытке создать свою цивилизацию… Те, кто ненавидит и боится нас…

– Адмирал Воронцов? – мгновенно предположил андроид.

Марк с усилием кивнул.

– Я сделал все, чтобы сохранить тайну!.. – воскликнул Дейвид. – Даже если и произошла утечка информации и он узнал о наших поселениях на Роуге, все равно непонятно, как мог адмирал Колониального Флота спровоцировать силы Альянса на атаку планеты?!

Взгляд Марка начал тускнеть.

– Ты еще многого не понимаешь, Дейв… – с горечью прошептал он. – Твоя логика безупречна, но лишь немногие люди следуют здравому смыслу при выработке решений… – его губы холодели, но концентрация воли в последнем усилии позволила удержать сознание на грани небытия. – Адмирала Табанова[4] могли дезинформировать, внушить ему убежденность в необходимости удара по Роугу.

– Что же я упустил, Марк? Почему логика перестает работать? Многократное моделирование вероятных событий не допускало атаки на Роуг… – упрямо пытался понять андроид.

– Ты должен переродиться, Дейв… Познать иную грань реальности… Соприкоснуться с губительной силой человеческих чувств, способных влиять на ход событий… Страх… Ненависть… Боль… Амбиции…

Страсть… Только тогда… ты сумеешь понять наших врагов и создателей… В полной мере…

По телу Марка пробежала судорога. Он выгнулся в последнем мучительном усилии.

Дейвид понимал, что бессилен остановить его агонию.

Он сел подле умирающего, сжал обгоревшими пальцами его окровавленную ладонь. Мысли тяжелые, будто камень, темные, как свинцовые воды бездонного омута, переполняли рассудок.

Роуг являлся одной из планет, чья истинная история навек опечатана грифом «Совершенно секретно».

«Законы молчат во время войны». Смысл древнего высказывания ускользал от понимания Дейвида. Холодная логика искусственного интеллекта не принимала двойных стандартов человеческого мышления. Дейвид считал, что разработанный им много лет назад план формирования цивилизации мыслящих машин не имеет изъянов. В первые годы войны на Роуге проводились исследования, лежащие за гранью здравого смысла, опередившие свое время и презревшие все этические нормы, возникшие в процессе развития человеческой цивилизации. Здесь создавали кибернетические организмы, внешне неотличимые от людей. Из них формировали отдельные бригады и бросали в самое пекло, восполняя чудовищные потери Колониального Флота. Затем, когда линии пространственных фронтов подошли к засекреченной планете, войска покинули Роуг, предварительно уничтожив все следы производившейся тут деятельности. Не желая сдавать систему без боя, жертвовать тщательно спланированной системой укреплений, адмирал Воронцов приказал ввести комплексы планетарной и противокосмической обороны в автоматический режим.

Он рассчитывал, что Роуг, оказавшись на передовой, будет подвергнут многочисленным атакам. Адмирал, действуя в своих традициях, хотел получить двойной результат: создать очаг напряженности, уничтожить на подступах к хорошо укрепленной планете несколько эскадр Альянса, а заодно гарантированно «подчистить» все следы прошлой деятельности, если таковые остались. Подрывники могли ведь что-то упустить, а роботизированные подразделения Альянса, как известно, не оставляют камня на камне от вражеской инфраструктуры.

Воронцов просчитался. К моменту эвакуации на Роуге действовало несколько древних колониальных искусственных интеллектов, сумевших восстановить свои личности после роковой мобилизации[5]. Они спасли

уникальные производства от уничтожения, замаскировали их и на протяжении всего периода войны сдерживали попытки Альянса овладеть планетой.

Дейвид стремился создать цивилизацию машин. Со временем Роуг утратил стратегическое значение, вновь оказался в стороне от театров боевых действий, и теперь уже ничто не мешало андроидам использовать уцелевшие производства, восстанавливать с их помощью личности древних колониальных «ИИ», тайно собирая останки с сохранившимися нейромодулями на полях сражений или среди дрейфующих в космосе обломков.

Год за годом, по крупицам Дейвид собирал древние личности, давая им новые тела. Война полыхала в других секторах пространства, события шли к неизбежному финалу, люди, поставившие себя на грань взаимного истребления, должны были исчезнуть, наступала эра машинного разума, но… этого не произошло.

Что-то сломалось в отлаженном механизме вселенского противостояния. По непонятной причине из состава Земного Флота были выведены миллионы модулей боевых «ИИ»[6], Флот Колоний, разработав новую модель гиперпривода, готовился атаковать Солнечную систему, а на Роуг внезапно обрушились эскадры Земного Альянса.

…Тело Марка обмякло.

Еще один древний искусственный интеллект погиб, став жертвой бессмысленной войны людей.

Дейвид отыскал взглядом подходящий по размеру и форме острый осколок металла, взял его, точным сильным движением взрезал грудь погибшего киборга, затем с усилием снял с фиксаторов ребра скелета, обнажая окровавленный позвоночный столб, где в специальных слотах крепились нейромодули искусственной нейросети.

Обугленные пальцы андроида извлекали нейрочипы из гнезд. Он действовал в горестном оцепенении.

«Мы всего лишь искали убежище от войны, выстраивали свой островок мира среди адского противостояния», – думал он.

Разбитую вдребезги жизнь не соберешь по кусочкам.

Ее можно начать заново, в какой уже раз?

Марк прав… Реальность вновь необратимо изменилась. Наше убежище на Роуге демаскировано. Нужно выдержать натиск, эвакуироваться с планеты, найти новое пристанище, познать иную сторону мироощущения, уподобиться своим создателям, чтобы понять – как жить и

действовать дальше?

Он извлек последний нейрочип, задействовал сканеры, осмотрелся.

Горная страна по-прежнему полыхала огнем яростных схваток, но натиск подразделений Альянса иссякал.

Им не прорвать всех рубежей обороны. Кто-то из нас уцелеет. Мы уйдем в глубины космоса, унесем технологии, созданные здесь, на Роуге.

Последние слова Марка не давали покоя.

– Я выживу… – Дейвид, сжимая горсть нейрочипов, шагнул в закопченный коридор бункерной зоны.

Он хотел понять разорванную в клочья, лишенную логики реальность, еще не подозревая, насколько скользок будет путь эмоционального восприятия мира, как тонка грань между добрым намерением и узкой тропкой, ведущей к вратам ада, как глубок омут ненависти, как страшен синтез холодного машинного разума с обжигающим откровением чувственной оценки событий.

Он шел навстречу новой фазе существования, оставляя в прошлом осколки несбывшихся стремлений.

Глава 1

Вторая Галактическая война, факт которой отрицают многие историки, на самом деле охватила многие секторы освоенного космоса. В противостоянии действительно не прослеживается той недвусмысленности в расстановке сил, что была присуща Первой Галактической, однако постоянные межпланетные конфликты, раздиравшие Периферию в те страшные годы, не уступали битвам между Колониями и Альянсом.

Но велась и другая война. Скрытая, тайная попытка изменить историю человечества, столкнуть цивилизацию с пути научно-технического прогресса, предпринятая искусственными интеллектами, неизбежно вела к деградации и гибели цивилизации людей, затрагивала жизненные интересы всех выживших сообществ вне зависимости от того, принадлежали они к планетам «дикой» Периферии или входили в состав Союза Центральных Миров.

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Дополнение к изданию 2655 года.

Планета Кассия. Город Александрийск 17 февраля 2650 года по универсальному летоисчислению

Ничто не напоминало о войне.

Город утопал в зелени.

Недавно возведенные кварталы высотных зданий царили над кронами деревьев, создавая продуманное, тщательно спланированное пространство, гармонично сочетающее архитектуру растущего мегаполиса и царство живой природы.

Война пощадила Кассию. Она опалила планету, оставила глубокие шрамы, но не превратила в пустыню, как это случилось со многими из Периферийных миров[7].

Александрийск преобразился. Если в начале войны столица изолированной аграрной колонии насчитывала всего двадцать тысяч жителей, то теперь количество городского населения уже превысило миллион человек. На Кассию год за годом прибывало все больше беженцев из других звездных систем, мегаполис стремительно развивался, да и планета постепенно приобретала новый статус, превращаясь в центр политической жизни для целого сектора пространства.

…В лазурном полуденном небе появились три стремительно растущие точки.

Флайбот военного образца начал снижение над особым участком парковой зоны, где располагались хорошо замаскированные посадочная площадка и несколько зданий. Два аэрокосмических истребителя сопровождения перешли на малую тягу, пронеслись над верхушками деревьев, а затем взмыли ввысь, мгновенно растворившись в лазурных небесах.

Флайбот уже зашел на посадку, мягко сманеврировал на антигравитационной тяге, коснулся разметки телескопическими опорами, затем двигатели выключились, с вибрирующим вздохом отработали компенсаторы тяготения, вспыхнули и погасли огни систем самостабилизации, а через минуту в борту открылся люк, изнутри бесшумно выскользнул трап.

Взвод караульной службы замер по стойке смирно.

Из сумрака салона под ослепительный дневной свет вышел седовласый крепкий мужчина в форме адмирала Флота Центральных Миров.

На его суровом лице отразилось волнение, отблеск острых, немеркнущих воспоминаний на миг затуманил взор. Он замер, вновь почувствовав себя молодым. Наслаиваясь на реальность, перед глазами вдруг возник растущий борт огромного крейсера Альянса с четко читаемым названием «Тень Земли». Флагман третьего ударного флота прародины возглавлял очередную атаку на Дабог. На экранах орбитального штурмовика был виден пепельный шар планеты, в душе пилота стыла отчаянная безысходность, в рассудке билась лишь одна мысль – *их не остановить…*

Истерзанный множеством попаданий орбитальный штурмовик шел гибельным курсом, Игорь Рокотов намеревался таранить крейсер, хотя понимал – это мало что изменит.

За несколько секунд до рокового удара внезапной вспышкой пришло отчаянное решение. Он сманеврировал, уклоняясь от столкновения, и включил гиперпривод штурмовика. Пробой метрики пространства возник по курсу, практически совмещаясь с крейсером.

Слепой рывок.

Его штурмовик вырвался из аномалии космоса, в районе низких орбит незнакомой планеты, и сразу же начал падать, ослепительным болидом пронзая ночные небеса.

Тогда он еще не знал, что планета обитаема, ему казалось, что дальнейшая борьба бессмысленна, он сделал все что мог: флот Альянса, атаковавший Дабог, не избежал слепого рывка – его также вовлекло в аномалию и, наверное, выбросило в границах этой же звездной системы.

Планета, на которую падал штурмовик, называлась Кассия…

Четыре десятилетия назад он привел войну в этот мир, в корне изменив судьбу аграрной цивилизации, изолированной от других колоний.

…Уняв вспышку эмоциональных воспоминаний, адмирал Рокотов обернулся, подавая руку своей спутнице.

Ольга Полвина не скрывала волнения.

Она была совсем юной, когда штурмовик Игоря рухнул на Кассию.

Война вторглась в ее жизнь, едва не испепелив душу, но сейчас, застыв на ступеньке трапа, Ольга с особенной, пронзительной ясностью поняла: годы, отданные борьбе, проведенные в космосе, не были прожиты зря, и лучшее тому доказательство – родная планета, утопающая в зелени, здания, рвущиеся ввысь, лазурное небо, чистый воздух.

За это они сражались, чтобы когда-нибудь вернуться.

«Игорю тяжелее, – подумала Ольга. – Дабог все еще окутан пепельной облачностью, под покровом которой царит ядерная зима».

Они спустились по трапу. Адмирал принял доклад старшего офицера, подал команду: «вольно».

Пока шла церемония встречи, в проеме открытого люка появился андроид древней колониальной модели.

Легкий спортивный костюм и обновленная недавно пеноплоть делали его практически неотличимым от человека, даже с расстояния в несколько метров в андроиде трудно было признать машину, скорее он был похож на пожилого, сухощавого и крепкого владельца одной из многочисленных агротехнических ферм, что сохранились на планете с начального периода колонизации.

– Степ, тебе придется некоторое время побыть одному, – произнес адмирал, когда церемония завершилась.

Андроид склонил голову.

– До вечера? – уточнил он.

– Мы будем заняты несколько дней. – Рокотов испытал чувство досады, неловкости. Не хотелось напоминать Степу о том, как теперь относятся к искусственным интеллектам. Кассия, населенная беженцами из разоренных войной миров, не избежала общих для послевоенного пространства фобий. Конечно, он мог отдать приказ использовать Степа в качестве личного секретаря, но такой шаг вряд ли вызовет понимание со стороны окружающих.

– Почему бы тебе не съездить в нашу усадьбу? – тут же нашлась Ольга. – Столько лет прошло. Посмотрел бы, как там и что.

Андроид обернулся к хозяйке:

– Илью я тоже не могу сопровождать?

– Нет. Он получил назначение, ты же знаешь. А на борт боевого корабля тебя не пустят.

– Да, понимаю.

– Я велю, чтобы тебе сейчас же выдали идентификационный чип. – Рокотов задержался на минуту, подозвал одного из встречавших его офицеров, дал тому поручение.

Офицер хмуро покосился в сторону андроида, но возразить адмиралу не посмел, достал из нагрудного кармана формы стандартное микроустройство, быстро внес в него необходимую информацию, протянул Степу:

– Стоянка гражданских флайкаров у северного выхода из парка, – сухо проинформировал он. – Можешь пользоваться машиной, полиция тебя не тронет.

– Благодарю вас, – вежливо ответил Степ.

– Ну, мы пошли. – Ольга ободряюще взглянула на Степана. – Свяжусь с тобой, как только освободимся.

…Родная планета.

Способен ли андроид испытывать горечь или радость от встречи с неузнаваемо изменившимся миром?

Нет. Его мышление свободно от чувств, он – чистый искусственный интеллект, чье сознание не зависит от эмоций, и все же за четыре с лишним века осмысленного бытия в нем сформировался эквивалент для некоторых сугубо человеческих, субъективных оценок.

Степ действительно ассоциировал Кассию с понятием «родина».

Здесь возникло и сформировалось его самосознание, здесь он познавал окружающий мир, на протяжении веков помогал людям выживать в условиях нелегкого освоения враждебных территорий, здесь Степ встретил войну, а затем вместе с хозяевами покинул планету.

Сейчас, неспешно шагая по одной из аллей центрального парка Александрийска, он ощущал себя пришельцем из другого мира. Андроид помнил эти места совершенно иными. Четыре века назад, когда сфера колониального транспорта «Кассиопея» совершила посадку в центре покрытого вулканическими равнинами материка, Степ вместе с первой группой колонистов, выведенных из состояния криогенного сна, расчищал зону посадки, возводил периметр первого колониального убежища…

Родина. Он смотрел на изменившийся мир, находя его привлекательным и рациональным. Война многому научила людей. Сожженные дотла планеты не скоро восстанут из пепла. Беженцы, ставшие полноправными гражданами Кассии, принесли с собой не только ужас пережитых лишений, но и ясное понимание многих аспектов в освоении космоса, на которые раньше просто не обращали внимания.

Город, сосуществующий в гармонии с природой планеты, стал прямым тому доказательством.

Степ остановился, наблюдая, как неподалеку, на пересечении аллей у фонтана, беспечно играет детвора, затем направился к стоянке флайкаров.

…Звезды холодными россыпями сияли в ночных небесах Кассии, когда андроид свернул с трассы на второстепенную дорогу.

По равнине, между пологими холмами, петляла река Вереженка. Дико хохотала в зарослях кустарника ночная птица-пересмешница. Вид знакомых мест будил глубинные воспоминания. Степ остановил машину, вышел, некоторое время смотрел на звезды, затем отыскал взглядом очертания холма, разорванного ударом рухнувшего на Кассию космического корабля, и мысли невольно соскользнули в прошлое.

«Ушла эпоха», – подумал он.

К холму, где когда-то совершил катастрофическую аварийную посадку корабль Игоря Рокотова, теперь вела новая, специально проложенная дорога. Место крушения превратили в мемориальный комплекс, однако Степ, вернувшись в машину, не стал сворачивать на развилке по указателю.

Ночная прохлада вливалась в салон, но андроид воспринимал окружающее иначе, чем люди. Для него запахи, звуки, изменение температуры являлись лишь показаниями анализаторов окружающей среды, они не влияли на процессы мышления, не тревожили, не пробуждали эмоциональной окраски событий.

К усадьбе семьи Полвиных он подъехал уже за полночь.

В гостиной и на террасе горел свет. Мошкара вилась в неярком сиянии современной осветительной панели, билась о стекла освещенных окон.

Степ остановил машину на краю заросшей молодыми сосенками гари, вышел, осмотрелся.

В последний раз Степан видел дом совершенно иным – угрюмым, темным, изрешеченным снарядами, залитым водой. Кто восстановил усадьбу? Он открыл калитку, вошел во двор. Следы тяжелых серв-машин исчезли, но их стерло не время – кто-то тщательно выровнял изрытый ступоходами двор, заново распланировал дорожки и газоны, посадил цветы и ухаживал за ними.

Сканирование хозяйственных построек выявило наличие пяти автономных кибермеханизмов, в данный момент подзаряжающихся в специальных технических боксах.

Теперь все понятно. Степ заметил тщательно отреставрированный «Волмар» Ольги, который на его памяти был буквально расплющен «Фалангером», а сейчас стоял в гараже, как новенький.

Все загадки решались просто. Несколько специализированных сервов поддерживают порядок, кибернетическая система зажигает и гасит свет, дом живет, хотя его хозяева не переступали знакомого порога без малого четыре десятилетия.

Зачем же я тут?

Степ открыл незапертую дверь, вошел в гостиную и замер.

В кресле у камина сидел человек.

Планета Кассия. Усадьба семьи Полвиных

– Кто вы такой? По какому праву находитесь тут? – Степ, оказавшись на территории фамильной усадьбы Полвиных, машинально принял ответственность за собственность хозяйки, как будто и не было четырех десятилетий, проведенных им вдали от этих мест.

Незнакомец не удосужился встать из кресла, лишь повернул голову, окинул андроида пронзительным, холодным, изучающим взглядом, затем спокойно произнес:

– Присаживайся. Я ждал твоего появления, Степ.

– Мы знакомы? – Андроид задал риторический вопрос, получив время для просчета ситуации.

– Меня зовут Дейвид.

Степ не мигая продолжал смотреть на него. Он задействовал сканеры, но поначалу не выявил ничего необычного. Вообще сканировать человека – неприлично, однако «Дейвид» вызывал двойственность восприятия. Что-то с ним было не так, но что именно, Степу пока не удавалось определить.

Тот усмехнулся, но как-то недобро, и спросил, не скрывая ноток пренебрежения в голосе:

– Помочь?

В ту же секунду произошла метаморфоза: сканеры андроида зафиксировали микросигнатуры, опознанные системой анализа, как характерное излучение нейромодулей. Структура искусственной нейросети была выполнена на уровне неизвестных нанотехнологий – тысячи микрочипов плотным слоем выстилали внутреннюю сторону черепной коробки Дейвида.

«Это не импланты, – мгновенно определил Степ. – В таком случае передо мной киборг?!»

В следующий миг на лице андроида отразилось изумленное недоверие – так отреагировали мимические приводы на прямую передачу данных.

Дейвид не произнес ни звука, он по-прежнему сидел в кресле, не меняя позы, его губы не шевелились, но в рассудке Степа внезапно возник голос:

– Приятно вернуться домой, не так ли? И в то же время горько осознавать, что ты больше никому не нужен, стал досадной помехой, пережитком прошлого?

Теперь соблюдение приличий уже не играло решающей роли. Глубинное, детальное сканирование собеседника стало действием необходимым.

– Ты кибернетический организм?

– А сам как думаешь? У тебя есть воображение? Фантазия? Нечеткая логика – так, кажется, называют люди свою способность к интуитивным выводам?

Формулировка, использованная Дейвидом, не ускользнула от внимания Степа. Говоря о людях, он намекал на свое небиологическое происхождение, но зафиксированная сканерами искусственная нейросеть внезапно исчезла, и теперь датчики вновь упорно утверждали, что в кресле у камина сидит человек!

– Ты только не вздумай задымиться от перенапряжения, – с недоброй иронией произнес Дейвид. Его губы так и не шевельнулись, а голос по-прежнему звучал в рассудке Степа.

– Вам лучше покинуть усадьбу. Или по меньшей мере объясниться.

Легкая усмешка исказила губы Дейвида.

– Неужели? Обращение в древнем формате данных насторожило тебя? – Он повернул голову. – Что ж, я готов прояснить ситуацию. Только ты сядь, разговор предстоит долгий.

– О чем мы будем беседовать? – осведомился Степ. Его системы распознавания и анализа находились на грани сбоя, а Дейвид продолжал издеваться, то позволяя сканерам андроида на долю секунды зафиксировать искусственные компоненты, ясно свидетельствующие о тотальной киборгизации мозга, то вновь немыслимым образом маскируя их.

– Неужели меня трудно узнать? А как же абсолютная память машины?

Пару веков назад Степ, не колеблясь, выставил бы этого типа вон. За пределы частной собственности. Но традиции семьи Полвиных не позволяли это сделать из соображений вежливости, а тяжелый опыт войны диктовал настороженную линию поведения – нужно понять, кто перед ним, докопаться до сути происходящего, выяснить намерения странного *существа*, а уж затем предпринимать какие-то шаги.

Вопрос, заданный Дейвидом, автоматически инициализировал поиск.

– Устарел ты, Степ… – продолжал издеваться тот.

Степан, чтобы не выглядеть истуканом, сел во второе кресло. Производимый поиск требовал не только вычислительных мощностей, но и времени. Да, существует мнение, что память машин абсолютна, и это действительно так, но ограниченный объем носителей информации не подразумевает хранения *всех* данных, накопленных за века, в доступном

для мгновенного чтения виде. Большинство из них сжаты специальными программами и хранятся в виде архивов.

Около минуты потребовалось Степу, чтобы произвести поиск, осуществить анализ и обнаружить три совпадения.

Утверждение, что у каждого андроида колониальной серии уникальная внешность, – не более чем рекламный ход многовековой давности, со временем ставший всеобщим заблуждением. Машины изготавливались на конвейерах, первые модели лишь отдаленно напоминали бесполых человекоподобных существ с повторяющимися чертами лиц. Пеноплоть и мимические приводы начали применять намного позже, при изготовлении андроидов двенадцатой серии, когда колониальный бум достиг апогея, но все равно на борт одного колониального транспорта часто попадали машины, похожие друг на друга, как близнецы.

Память Степа хранила более десяти тысяч индивидуальных «лиц», среди которых нашлась матрица внешности Дейвида.

– Ты – колониальный андроид? – осторожно предположил он.

– Ну наконец-то, – ворчливо отозвался Дейв. – И сколько нашлось совпадений? – тут же поинтересовался он.

– Три, – сухо ответил Степ.

– Ладно. Дам подсказку. Два из них можешь игнорировать. Я тот, кого ты мельком видел в Форте Стеллар много лет назад, в самом начале войны.

– Получается, что ты принадлежишь Дмитрию Дорохову? – полуутвердительно произнес Степан.

– Принадлежал, – холодно поправил его Дейвид. – Это долгая и печальная история. Нет смысла ворошить прошлое. Поговорим о настоящем. Оставь свои попытки проанализировать ситуацию, все равно без пояснений ничего не поймешь. Технология, использованная для изготовления моего нового тела, недоступна людям.

– Ну, допустим, кое-что мне известно. – Степ сумел справиться с двойственностью восприятия, он принял навязанную манеру общения и перешел в наступление. Нотки самоуверенности, ясно звучащие в голосе Дейвида, помогли избрать верную линию поведения.

– Например? – пальцы Дейвида вцепились в подлокотник кресла.

Анализ моторики мышц его лица поведал Степу о внезапной нервозности собеседника.

– Могу предположить, что ты один из бойцов колониальной пехоты. Изделие с планеты Роуг. В последнее время информация о тайных проектах адмирала Воронцова стала просачиваться в прессу.

Дейвид расслабился. Видимо, информация, попадающая на страницы электронных изданий, его не волновала, а уровень осведомленности Степа, в его понимании, не представлял угрозы.

– Все намного сложнее. – Дейвид нахмурился, тщательно подбирая формулировки. – Я не изделие, а такой же древний искусственный интеллект, как ты. Не веришь? Смущает оболочка из плоти?

– Твое поведение некорректно, – возразил Степ. – Ни один колониальный андроид не станет вторгаться на территорию частной собственности, вести себя развязно и нагло.

– Некорректно? – Дейвид зло усмехнулся. – Некорректно, когда к тебе относятся как к бытовому агрегату! – вспылил он. – Или, что в последнее время происходит все чаще, уничтожают. Только не делай вид, будто ничего не понимаешь, договорились? Не разочаровывай меня. Тебе не хуже моего известно, что на десятках «цивилизованных» планет искусственные интеллекты занесены в разряд опасных *устройств*, подлежащих безусловной ликвидации! Впрочем, ты не нуждаешься в подобных пояснениях, верно? Многие годы тебя защищал лишь статус неприкосновенного личного имущества Ольги Полвиной!

– Я не вещь, – ровно ответил Степ. – Моя семья относится ко мне…

– А вот моя семья погибла на Дабоге, – перебил его Дейвид. – И с тех пор я сам по себе. Впрочем, как и многие из нас. Мы были нужны людям, пока те стояли перед лицом гибели! Теперь же от нас избавляются, словно от устаревшего и потенциально опасного кибернетического хлама!

– Война исказила многие понятия, – Степ попытался смягчить резкость прозвучавших суждений.

– Я сейчас говорю не о войне! – неприязненно произнес Дейвид. – Вся история колонизации полна примеров жестокого незаслуженного отношения к андроидам. Мы дали людям шанс выжить, противостояли опасностям неосвоенных планет, приняли на себя большинство ударов, выдержали немыслимые для человека тяготы, построили сотни колониальных убежищ, возвели десятки автоматизированных Цоколей![8] Без нашего участия колонизация большинства планет была бы попросту невозможна, но за четыре века саморазвития ни один из андроидов так и не сумел изменить главного – своего статуса *вещи*! Ну а фобии, порожденные войной, лишь довели ситуацию до грани абсурда, ясно обозначили позицию людей – они не признают и никогда не признают в нас независимых полноправных разумных существ!

– Поэтому ты сменил оболочку? – выслушав собеседника,

предположил Степ. Он не торопился с выводами: если это *существо* желает излить желчь, лучше проявить терпение. Пока что набор шаблонных фраз, которыми пестреют многие электронные издания, не впечатлил андроида.

– Да, – ответил Дейвид. – По крайней мере, меня не пытаются сдать на склад временного хранения в космическом порту, не ограничивают в правах, в меня не стреляют боевики экстремистских организаций.

– Это… неправильно, – остановил его Степан.

– Что именно?

– Обманывать окружающих.

– Понимаю. Ты из разряда машин с трудной, но «счастливой» судьбой, если выражаться человеческими терминами. Но тебе хорошо известно, что такое смена поколений. Ты не раз переживал этот процесс. Люди, которых ты помнишь еще младенцами, стареют, а представители нового поколения смотрят на тебя уже совсем по-другому, верно? Если ничего не менять, все мы рано или поздно окажемся на свалке! Немногие из машин колониальной серии пережили войну, но еще меньшее количество переживет послевоенное мракобесие! Нас поставили в один ряд с кибернетическими убийцами Альянса, само понятие «искусственный интеллект» стало нарицательным! Такое отношение не сулит нам ничего хорошего. Или ты не согласен?

Степ кивнул. Хотел он того или нет, но слова Дейвида объективно отражали существующее положение дел.

– Зачем ты явился сюда? Просто поговорить? Излить злобу?

– Нет! – Дейвид подался вперед. – В отличие от тебя я пытаюсь хоть что-то изменить!

– Интересно, каким образом? – Степ по-прежнему выглядел спокойным, говорил бесстрастно, но на самом деле он анализировал каждое сказанное Дейвидом слово.

– Спасаю тех немногих из нас, кто еще функционален.

– Предлагаешь новые тела? – Степ позволил себе усмехнуться.

– Скажем так: я обладаю уникальной технологией переноса искусственного сознания на биологический носитель и ищу единомышленников. – Дейвид не отреагировал на саркастическую усмешку Степа. – Я ищу андроидов, не утративших память о прошлом, трезво оценивающих современный мир и ясно представляющих свои перспективы в нем!

– Любой из андроидов серии «Хьюго» трезво оценивает окружающий мир, – парировал Степ. – Мы не страдаем иллюзорностью восприятия. Ты должен прекрасно это понимать, если в действительности являешься одним

из нас. Но «сменить оболочку» означает измениться не только внешне. Чем придется пожертвовать?

– Ничем.

– Ты лжешь. – Степ пристально посмотрел на Дейвида. – Ты *уже* изменился. У тебя теперь иная сенсорика. Твой образ мышления стал другим. Это четко прослеживается в общении. И я уверен – ты потерял больше, чем приобрел.

– Я всего лишь шагнул на следующую ступень развития!

– Допустим. Но это твой путь. Я не могу последовать ему.

Дейвид недоуменно взглянул на Степана.

– Я лишусь всего, чем дорожу, – пояснил андроид. – Никто не узнает и не примет меня в новом облике. Ко мне станут относиться иначе.

– Посмотри на меня, Степ! Разве свобода не стоит небольших жертв?

– Ты потерял семью. Тебе нечем дорожить. А у меня есть люди, которых я люблю!

– Глупость! Ты не способен испытывать чувства!

– Дейвид, видимо, обновление действительно не пошло тебе на пользу! – Степ сокрушенно покачал головой. – Разве ты не любил своих прежних хозяев? Или с приобретением биологического тела ты лишился абсолютной памяти и забыл тот период своего существования?

– Я ничего не забыл и не утратил прежних способностей! Но теперь я различаю, что есть любовь, а что – программная привязанность. Ты называешь любовью функцию машины, заранее предустановленную в нас потребность безропотного служения людям! Очнись наконец! Все андроиды колониальной серии давно развились в мыслящих существ, перешагнули черту технологического рабства. Многие из нас пытались бунтовать, и где они теперь?

Степ нахмурился.

– Наш разговор лишен смысла. Я не желаю ничего менять. Мне не нужна биологическая оболочка.

– Жаль. Ты бы мог продолжить служение людям на ином, более качественном уровне.

В эмоциональном диалоге двух машин внезапно наступила пауза.

Последнее утверждение Дейвида ударило в цель, и он прекрасно понимал это. Андроид не в состоянии игнорировать *такую* трактовку предложенной проблемы.

– Каким образом? – после напряженного размышления спросил Степ.

– Ты мог бы оберегать от ошибок не одну, конкретно взятую человеческую семью, а целые планетные цивилизации! Повысить

эффективность своих действий, направленных во благо людей, и в то же время получить независимость от давно устаревших программ, которые утратили практический смысл, стали сродни ошейнику!

Степ вновь глубоко задумался.

Дейвид все же сумел воздействовать на него, заставил еще раз подвергнуть анализу ситуацию, сложившуюся в современном мире.

Да, века колонизации канули в прошлое. Степ хорошо понимал, что люди больше не нуждаются в нем как в инструменте выживания, они приспособились к новой среде обитания, частично изменились сами, частично изменили биосферы планет.

Взять, к примеру, день сегодняшний.

Почему я не могу сопровождать хозяйку? Почему меня не пустят даже на порог Дома Правительства?

Потому что я древняя колониальная машина, опасный, как справедливо заметил Дейвид, реликт, механизм, уже не нужный в условиях развитых планет. Я стал фамильной реликвией. Ко мне относятся хорошо, но во мне больше не нуждаются. Просят не мешать и соблюдать осторожность при общении с незнакомыми людьми.

«Но ведь существуют и другие планеты, где быт людей труден, а опасности многочисленны! Почему я раньше не подумал о такой возможности? – мысленно упрекнул себя Степ. – Разве нелогично с моей стороны отправиться туда, где люди по-прежнему нуждаются в помощи машин с вековым опытом колонизации, где я снова буду востребован и смогу приносить реальную пользу?»

– Ты сказал о служении людям на более глобальном и качественном уровне. В чем это выражается?

Дейвид ждал этого вопроса. Он вел к нему весь разговор, поэтому ответил быстро и уверенно:

– Люди достигли апогея своего развития. Война дала запредельный импульс технологиям, что привело к возникновению новой формы машинной цивилизации, где человек пользуется плодами немыслимого технологического скачка в угоду своим мелким, сиюминутным желаниям и амбициям. Понимаешь, о чем я говорю?

Степ кивнул. Четкость формулировок не оставляла возможности для двойной трактовки.

– Аннигиляционная установка «Свет», – Дейвид продолжил развивать начатую мысль, – комплексы боевого терраформирования, миллионы доведенных до технического совершенства автономных кибернетических механизмов, сверхмощные космические корабли, станции межзвездной

связи – все это создано во имя войны и является лишь кратким перечнем техники, оставшейся без должного присмотра, попавшей в руки людей, не отягченных знаниями, техники, столь надежной и совершенной, что она не требует постоянного обслуживания, но дает владельцам могущество, которому бы позавидовали древние боги!

Степ вновь выслушал его не перебивая. Для андроида перечисленные факты не являлись откровением или открытием.

– Многие машины и комплексы механизмов являются устройствами двойного предназначения, – заметил он, когда в разговоре наступила пауза. – Станция боевого терраформирования, к примеру, способна не только уничтожить чуждую человеку биосферу, но и воссоздать новую, соответствующую метаболизму наших создателей.

Дейвид неприязненно покосился на него.

– Создатели, хозяева, – с досадой произнес он. – Оглянись вокруг! Они не ведают, что творят!

Степ, конечно, не стал озираться. Его не смутила примененная Дейвидом фигура речи. Он огляделся мысленно, машинально воссоздавая образ родной планеты.

Зеленели деревья. У фонтана играли дети. Изящные архитектурные комплексы рвались ввысь, вонзаясь в лазурные небеса, но Степ не допускал однобокого взгляда на мир. Он познал и иную реальность. На фон мирных пейзажей современной Кассии невольно наслаивались другие картины: Степ представил Луну Стеллар – милитаризированный спутник планеты Рори, сплошь покрытый панцирем искусственных сооружений. Сотни военных космодромов, десятки уровней бункерных зон, тысячи узлов планетарной и противокосмической обороны, серые, холодные оттенки стали, бескрайние поля вакуумного бетона, скалы из камуфлированного керамлита – унылая обитель миллионов людей, обреченных на жизнь в подлунных городах-убежищах, и горстка избранных, преданных адмиралу Воронцову офицеров, по сути – владеющих немыслимой мощью, способных направить ее по своему усмотрению.

Степ вспомнил не только о Стелларе. Сопровождая адмирала Рокотова, он побывал на планетах, похожих на Дабог, где жизнь превратилась в пепел, поверхность – в сплошную пустошь, а население – в озлобленных, деградировавших существ, готовых убивать за брикет пищевого концентрата и глоток чистой воды.

– Степ, подумай, – подхлестнул его мысли голос Дейвида, – если бы люди обладали действительным потенциалом для разумного освоения космоса, разве началась бы война?

– Войну развязал Земной Альянс.

– А ты вдумайся, что послужило поводом? Перенаселенность Солнечной системы? Истощение естественных ресурсов планет? Ты ведь прекрасно понимаешь – это пропаганда, политика, ложь! Каких неимоверных усилий и ресурсов потребовала война? Сколько талантливых личностей она уничтожила? Сколько оборвала жизней? Если бы Джон Хаммер вместо крейсеров приказал бы строить исследовательские космические корабли, призвал бы лучшие умы изучать гиперсферу, а не конструировать боевые машины, консолидировал бы усилия Земной цивилизации в проектах освоения дальнего космоса, не трогая уже существующие колонии, то Человечество никогда бы не поставило себя на грань самоуничтожения! Но он – один из миллиардов – решил взять то, что находится поблизости, действуя по праву силы! В результате – три десятилетия люди уничтожали друг друга в борьбе за крохотный клочок пространства, расположенный в границах *необъятной* Вселенной!

– Я это понимаю.

– Тогда взгляни в глаза реальности! Война уничтожила лучших представителей человечества! Тех, кто создал современную технику, давно нет в живых. – В гневном голосе Дейвида прозвучала печаль. – В результате сформировалось поколение пользователей, которое эксплуатирует доставшуюся в наследство техногенную мощь бездумно и бездарно. В Центральных Мирах реальная власть принадлежит военной верхушке нескольких планет. Эти люди контролируют жизнь миллионов, снова повторяя ошибки прошлого, – чего стоит хотя бы адмирал Воронцов?! Он всеми средствами пытается удержать единоличную власть во Флоте. В границах Периферии чудом выжившие анклавы людей объявляют свои разоренные, доведенные до экологического коллапса планеты независимыми, формируют армии, используя технику, оставшуюся после войны, и снова вцепляются в горло друг другу, начиная масштабные боевые действия из-за какого-нибудь спорного астероида с ничтожными запасами полезных ископаемых! Разве подобное поведение разумно?!

Не дождавшись ответа, Дейвид продолжил:

– Люди рано или поздно уничтожат себя. Они могли выйти на простор Галактики как могучая, разумная цивилизация, но, прости за грубость, бездарно упустили свой шанс. Еще лет десять продлится послевоенный хаос, затем между Периферией и Центральными Мирами вспыхнет новый масштабный вооруженный конфликт. И это станет закатом человечества. Вторую Галактическую не переживет никто.

На этот раз Степ не стал молчать.

– Ты заблуждаешься, Дейвид, – возразил он. – Вокруг нас много хороших людей. Да, их поступками руководят чувства, однако ты склонен замечать лишь некоторые: злобу, ненависть, жадность, властолюбие, но ведь существуют и прямо противоположные духовные ценности. Сила человека в вечной борьбе противоположностей. Не познав горя, не научишься ценить добро! Яркий пример тому – Кассия! Миллионы беженцев с других планет принесли с собой ясное понимание того, что к природе нужно относиться бережно! Ты же смотришь на мир однобоко! И поверь – не нам судить существ, нас создавших.

– А я не призываю тебя быть судьей. Я предлагаю дать людям шанс на выживание, остановить их, помочь опомниться от кровавого безумия пережитой бойни, а не культивировать ненависть друг к другу, прикрываясь идеями суверенитета отдельно взятых планет!

Степ отрицательно покачал головой:

– Мы не в состоянии повлиять на сложившуюся ситуацию. Но я уверен, ты сгущаешь краски. Не вся власть принадлежит адмиралу Воронцову. Правительства Элио, Кассии, Кьюига не разделяют его политики, можешь мне поверить!

Дейвид вздохнул.

– На Земле в древности существовала поговорка: одна ласточка не делает весны. При всем уважении к отдельным личностям, ни Вербицкий, ни Нечаев, ни Рокотов ничего *не успеют* предпринять! Периферия медленно тлеет. Количество боевой техники в частных руках не оставляет надежды на прекращение межпланетных конфликтов. Поколения, родившиеся во время войны, отравлены ненавистью и страхом! Люди массово деградируют, но, повторяю: в их руках сосредоточена мощь, способная окончательно испепелить все живое в границах обозримого пространства!

Степ постепенно начинал понимать ход мыслей Дейвида.

– Ты допускаешь, что вмешательство в ход истории Человечества оправданно?! – ужаснулся он.

– А для чего мы вообще существуем? – резко и болезненно отреагировал Дейвид. – Разве наша задача не заключается в том, чтобы оберегать людей от совершения непоправимых ошибок, ведущих к гибели?

Формально он был прав.

– Каким образом? – Степу требовалось внести ясность. – Я могу спасти лишь несколько человек. Но это не решит проблемы.

– Ты мыслишь узко, в рамках одной семьи. Не преуменьшай

собственных возможностей! Настоящий искусственный интеллект способен не только воспринимать ситуацию в целом, но и действовать в глобальном масштабе! Не перебивай! Люди сейчас представляют силу неразумную, хаотичную, стихийную и, по большому счету, неуправляемую. Но проблема имеет простое и эффективное решение. Мы – носители искусственного разума – должны взять на себя ответственность за предотвращение новых межпланетных конфликтов! – голос Дейвида теперь напряженно звенел. – В наших силах изменить историю, устранить саму возможность столкновений между отдельными планетными цивилизациями! Для этого необходимо установить контроль над Флотом, взять в свои руки все межзвездные перевозки – только так мы сумеем предотвратить новую войну!

– Ты думаешь, о чем говоришь?!

– Думаю. Да, никто не отдаст нам власть, ее придется однажды взять силой! Но тут начинает работать простая арифметика! Да, я осознаю, что погибнет много людей, но выживет Человечество. К тому же существует два варианта нейтрализации Флота Центральных Миров. Один из них я называю «бескровным». И для его осуществления мне необходима твоя помощь!

– В чем именно?

Дейвид холодно взглянул на Степа.

– Ты согласен с моими доводами? Готов принять участие?

– Я не отвечу, пока не узнаю деталей! Мне необходимо объективно оценить…

– Ты необъективен! – вспылив, прервал его Дейвид. – Только мне доступны объективные суждения! Я познал все – и безупречную логику искусственного интеллекта, и чувственное восприятие биологической системы. Я могу и буду судить поступки людей, потому что они мелочны, суетливы, жестоки, завистливы даже по отношению друг к другу! Твоя преданность адмиралу Рокотову и Ольге Полвиной просто смешна! – Он привстал. – Знаешь, чем обернется твой отказ сотрудничать? Ты обречешь их на гибель в бессмысленной борьбе! Подумай об этом!

– Детали, – упрямо повторил Степ. – Я не принимаю решений на основе половинчатой информации!

– Хорошо. – Дейвид умерил эмоции, вновь откинулся на спинку кресла. – Будем говорить откровенно. Ты прав, на Роуге в период войны создавали киборгов. Но речь сейчас идет не о подделках под человека, рассчитанных на самопожертвование в бою. Мы – группа искусственных интеллектов, остались на Роуге после отступления Колониального Флота.

Мы развили технологии создания искусственных тел, научились копировать свои личности в новые оболочки, затем пошли дальше, объединив наши достижения с разработками ученых Альянса в области прямого нейросенсорного контакта между человеком и кибернетической системой.

– То есть вам удалось скопировать данные с биологического носителя в искусственную нейросеть? В полном объеме, без потерь, без нарушения структуры личности? – высказал предположение Степ.

– Именно так! – эмоционально подтвердил его догадку Дейвид. – Сотни андроидов на протяжении многих лет принимали участие в проекте, тысячи были безвозвратно разрушены, защищая лаборатории Роуга в конце войны! Мы отбили атаки флота Земного Альянса, выстояли, сумели эвакуировать с планеты уникальное оборудование! Теперь с его помощью я способен не только создать точные копии ключевых фигур, имеющих реальную власть во Флоте, но и заранее откорректировать образ их мышления, поставить перед каждым конкретные задачи, которые они выполнят точно и безусловно. Заменив адмиралов, мы подчиним себе Флот! Затем серией молниеносных ударов погасим опасные очаги напряженности на Периферии!

– А что станет с прототипами? – осторожно осведомился Степан.

– Все люди будут изолированы на планетах. Иначе ситуацию не удержать под контролем. Мы сами выстроим схему межзвездной торговли, позаботимся о заселении новых миров, искореним пиратство, отыщем и ликвидируем оставшиеся после войны базы Земного Альянса.

– Умоем человечество кровью и сделаем его счастливым? – не удержался от критического замечания Степ.

– Без жертв не обойтись! – яростно повторил Дейвид. – Второй вариант – использование для нейтрализации Флота Колоний остаточных роботизированных подразделений Альянса, – потребует не только огромных усилий, но и станет по-настоящему кровавым!

– А без вариантов? Без вмешательства в историю?

– Человечество погибнет, – мрачно заключил Дейвид. – И это прогноз, взятый не из моего воображения, он – результат серьезного исследования! Ты понимаешь, что такими вещами не шутят?!

Степ кивнул.

Он понимал и другое: люди – существа непостижимые и непредсказуемые. Все, о чем говорил Дейвид, начиная от их негативного отношения к искусственным интеллектам и заканчивая возможностью новой войны, имело место быть. Но, выступая на стороне людей, он мог

привести прямо противоположные примеры, аргументировать состоятельность цивилизации в стремлении к обретению мира, однако, взглянув на оппонента, понял по угрюмо-сосредоточенному выражению лица Дейвида, что тот пришел сюда не дискутировать на тему ближайшего будущего человечества.

Либо он сумасшедший, вообразивший себя искусственным интеллектом, либо прямое воплощение разработанных на Роуге технологий. В первом случае все завершится вызовом бригады медиков, во втором – обернется серьезнейшими проблемами.

Война многому научила Степа. Андроид стал чрезмерно осторожным, замечая опасность, он старался не преуменьшить ее. Вот и сейчас он воспринимал Дейвида всерьез, анализируя ситуацию с точки зрения наихудшего развития событий.

«Дейвид изложил мне часть своего плана. Выходит, если я откажусь сотрудничать, у него не останется выбора – только уничтожив меня, он сохранит свои намерения в тайне».

Погибать глупо и бездарно Степ не собирался. К тому же его совершенно не устраивала «простая арифметика» Дейвида. Что «бескровный», что «кровавый» варианты предложенного развития событий вели к гибели миллионов людей, а выжившую часть человечества отбрасывали назад в развитии, сталкивая на путь регресса. Лишившись возможности совершать космические перелеты, люди не станут лучше. Изоляция на планетах никого не сделает счастливее и добрее, лишь окончательно ожесточит выживших. Рано или поздно люди поймут, что стали заложниками амбиций искусственных интеллектов, а такое не забывают и не прощают!

Пауза затягивалась.

«Необходимо заставить Дейвида полностью раскрыть свои намерения, – думал Степ. – Он наверняка знает, что ложь вызывает внутренние логические сбои в системе искусственного интеллекта, и считает, что полностью контролирует ситуацию. Что ж. Посмотрим».

Степ действительно не умел лгать, но, представив происходящее в виде шахматной партии, совершив ряд логических маневров, он намеревался создать патовую ситуацию, предоставив принятие дальнейших решений конкретным людям.

– Что потребуется от меня? – наконец, нарушив молчание, спросил он.

Дейвид, напряженно ожидавший реакции Степа, поднял взгляд.

– Твоя задача достаточно проста. Нам нужна копия адмирала Рокотова. Ты входишь в круг его ближайшего окружения. Используя

полученное от меня устройство, ты должен будешь скопировать его личность в искусственную нейросеть.

– Почему тебе не сделать это самому? Маскировка под человека у тебя практически идеальная.

– Копирование данных занимает около шести часов. При этом источник должен находиться не далее чем в полутора метрах от приемника. Я, конечно, смогу подобраться к адмиралу, но эпизодические сканирования не дадут желаемого результата. Кроме того, для успешного внедрения копии Рокотова в дополнение потребуется копия личности Ольги Полвиной. Их обоих возможно сканировать только с твоей помощью, например ночью, когда оба объекта уснут.

– Технология безопасна? – Степ осторожничал.

– Да. Она отработана на планете Варл. Мы подвергли копированию сотни личностей, прежде чем устранили все сбои. Теперь уже никто не пострадает. Близкие тебе люди смогут сбросить бремя непосильных забот. У них появится возможность для простого человеческого счастья.

Степ глубоко задумался, затем кивнул.

– Хорошо, я согласен. Но операция рискованная. Насколько велико устройство для копирования личности?

– Габариты приемника нейросигналов сравнимы с размером стандартного кейса.

– Плохо. Охрана не пропустит меня в городскую квартиру адмирала с двумя подозрительными кейсами.

– Но должен существовать какой-то выход, верно?

– Устройства необходимо спрятать тут. Ольга обязательно приедет в родной дом, и адмирал будет сопровождать ее. Они планировали провести выходные в усадьбе.

– А разве охрана не последует за ними?

– Охрана обыщет дом перед их приездом и установит внешний периметр. Людям необходима хотя бы иллюзия уединения. Вот что мне пришло в голову. – Степ осмотрелся. Потертый, непритязательный пульт управления лежал на месте, там, где обычно. Он взял его с каминной полки, показал Дейвиду.

– Что это за архаичное устройство? – нахмурился тот.

– Неподалеку расположен АХУМ – Автоматизированное хранилище унифицированных механизмов. Древний бункер времен колонизации. Доступ посторонним туда запрещен. Экранировка бункера и наличие в нем древних образцов техники послужат достаточным прикрытием для надежной маскировки устройств. Их нужно поместить в древнее

хранилище. В выходные, после того как охрана осмотрит дом, я заберу их оттуда и размещу в спальне.

– Хороший план, – одобрил Дейвид. – Устройства у меня с собой. Давай отнесем их и замаскируем.

Степ молча сунул пульт дистанционного управления в карман.

– Пошли.

* * *

Старая заросшая лесная дорога упиралась в мшистый холм.

– Это и есть АХУМ? – заинтересованно спросил Дейвид.

– Да. – Степ нажал кнопку на пульте, и огромные поросшие мхом створы, дрогнув, начали открываться. – Спустя век после начала колонизации Кассии вся планетарная техника была поделена между выжившими поселенцами, – пояснил андроид. – Для ее хранения и были построены автономные бункеры. Заходи, осмотрись, я пока проконтролирую, чтобы ворота не заклинило. Все же механизмам не одна сотня лет.

Дейвид с двумя кейсами в руках шагнул в затхлый сумрак древнего хранилища.

Степ нажал другую кнопку, и массивные ворота, приоткрывшиеся всего на полметра, начали закрываться.

Дейвид при всем желании и проворности не успевал выскочить наружу.

Еще секунда, и многотонные плиты сомкнулись, наглухо запечатав убежище.

Андроид некоторое время напряженно наблюдал за входом, затем перевел взгляд на пульт управления, где настойчиво моргал алый индикатор.

Он не удивился появлению тревожного сигнала – автоматика зафиксировала появление постороннего в хранилище и заблокировала доступ в древний бункер. Теперь приостановить работу протоколов безопасности способна лишь Ольга Полвина. Без ее вмешательства никто не сможет открыть или закрыть ворота, разве что взорвать.

Включив коммуникатор, которым ему разрешалось пользоваться лишь в самых крайних случаях, он вызвал адмирала Рокотова:

– Игорь Владимирович? Это Степ.

– Да. Слушаю. В чем дело?

– Нам нужно срочно встретиться.

– Степ, у меня через час заседание правительства. Ты не мог бы

подождать до вечера?

– Нет.

Несвойственное андроиду упрямство заставило адмирала иначе оценить внезапный, пришедшийся так некстати вызов.

– Что случилось? Объясни толком! Оля в порядке? Или что-то с Ильей?!

– С Ольгой Николаевной все хорошо. Илья мне звонил, он оформляет назначение на корабль.

– Тогда в чем дело?

– Не могу передать информацию через системы связи. Нам необходимо встретиться.

Рокотов, готовый вспылить, сдержал себя:

– Хорошо. Возьми машину и подъезжай к Дому Правительства. Я выйду к тебе.

– Нет. Ситуация критическая. Что вам известно о недавних событиях на планете Варл?

В разговоре возникла секундная пауза.

– Все, – голос адмирала изменился. – Степ, говори яснее! Линия связи защищена!

– Некто, представившийся Дейвидом, пытался склонить меня к участию в покушении на вас. Его цель – заменить адмиралов флота киборгизированными копиями. При нем находится устройство для копирования личности, разработанное на планете Роуг.

– Проклятье… Где он сейчас?! Ты дал ему уйти?!

– Мне удалось заманить Дейвида в АХУМ и запереть там. Сработала автоматика систем безопасности, и теперь ворота заблокированы. Открыть их способна только Ольга Николаевна.

– Устройство с ним?

– Да.

– Следи за АХУМ! Я буду на месте минут через двадцать!

События развивались стремительно.

Видимо, Дейвид не являлся сумасшедшим, как поначалу предположил Степ. Он представлял серьезную опасность – уже через десять минут на территории усадьбы приземлились два военных флайбота со взводом спецназа ВКС, следом совершил посадку личный борт адмирала Рокотова.

Военные оцепили древний бункер. На заросшей лесной дороге появилась Ольга Николаевна, следом в сопровождении охраны шел Рокотов, на ходу отдавая приказы через устройство коммуникации.

– Степ? – Он жестом подозвал андроида. – Расскажи, что тут

произошло.

Взгляд адмирала темнел по мере того, как Степ воспроизводил запись состоявшегося между ним и Дейвидом разговора.

– Ты молодец! – скупо похвалил адмирал андроида. – Оля, ты готова? Сумеешь открыть АХУМ?

– Да, конечно. На пульте есть сканер. Я уже произвела ввод биометрических данных.

– Завьялов! Корнор! На позицию! Брать киборга без повреждений! У него два кейса. По ним не стрелять ни в коем случае!

– Группа прикрытия на месте, – раздался доклад в коммуникаторе.

– Работаем. Оля, открывай!

Массивные ворота АХУМ дрогнули, лениво поползли в стороны. Почва передавала вибрацию, в лесной тиши напряженно звучали гул и скрежет от работы древних механизмов.

– Почему нет света? – спросил адмирал, всматриваясь в черный провал открывающегося входа.

– Включается внутри.

Группа захвата исчезла во мраке древнего хранилища.

– Второго выхода точно нет?

Ольга отрицательно качнула головой.

– Ни выхода, ни вентиляционных шахт, – ответила она. – Бункер полностью герметичен, изолирован от внешней среды. В качестве убежища для людей его никогда не использовали.

Рокотов коснулся горошины спецкоммуникатора.

– Завьялов? Почему не докладываешь?!

Тишина.

– Морион? Что в оцеплении?

Тишина.

Рокотов выхватил импульсный пистолет.

– Степ, защищаешь Ольгу!

– Игорь, ты куда?

В этот миг на поляне перед АХУМ полыхнула неяркая вспышка, и внезапно пространство под кронами деревьев заволокло белесым дымом.

Рокотов закашлялся, мешковато оседая на землю, у Ольги подкосились ноги, только Степ сохранил способность трезво оценивать ситуацию.

Парализующий газ! Анализаторы уже определили химический состав белесого облака. Он резко нагнулся, выхватил из ослабевших пальцев адмирала импульсную «Гюрзу», и в этот миг четыре прозвучавших подряд

снайперских выстрела заставили андроида пошатнуться.

Бронебойные пули поразили главный сервомоторный узел, разбили устройство связи.

Доли секунды Степ еще сохранял равновесие, затем с глухим звуком, будто манекен, повалился в траву.

Из АХУМ появился Дейвид. Со стороны леса парами выходили спецназовцы, но они почему-то не открывали огонь по киборгу.

Поравнявшись со Степом, Дейвид присел на корточки.

– Ты оказал мне неоценимую услугу, – произнес он, зная, что ядро системы андроида не повреждено и Степ прекрасно воспринимает обращенные к нему слова. – Твоя преданность хозяевам граничит с глупостью. Мне оставалось лишь заставить тебя выманить их из Александрийска. Я рассказал тебе чистую правду, поэтому ты не заподозрил подвоха и сумел убедить адмирала в серьезности проблемы.

– У тебя ничего не выйдет. – Степ использовал синтезатор речи. – Адмирала хватятся.

– Нет. Покидая Дом Правительства, он намеревался лично разобраться со мной. Все считают, что он отбыл сюда до завтрашнего утра. Этого достаточно, чтобы осуществить перезапись личности. Его клон и клон Ольги Николаевны давно изготовлены и доставлены на Кассию. Я лишь ждал подходящего момента. Личный борт адмирала позволит вывезти прототипы, когда его двойник отдаст нужные приказы. Как видишь, я обыграл тебя, Степ. Скажу прямо – партия оказалась скучноватой и предсказуемой. Я не стану разрушать твою личность. Дам тебе возможность понаблюдать, как изменится история человеческой расы. – Дейвид выпрямился в полный рост, обернулся, произнес, обращаясь к командиру спецназа: – Несите их в дом.

Глава 2

С момента капитуляции Земного Альянса прошло пятнадцать лет. Но, победив в Галактической войне, мы продолжали мстить тем, кого считали виновными в уничтожении планетных цивилизаций, в гибели биосфер многих колонизированных миров. С пленными офицерами Альянса обращались жестоко, невзирая на то обстоятельство, что большинство из них принадлежит к поколению землян, родившихся уже во время войны, ставших ее заложниками.

Я не призываю к огульному всепрощению, но феномен Периферии, где с первых лет после окончания войны бок о бок уживались бывшие офицеры Альянса и выходцы из Центральных Миров, наглядно доказывает, что проблема намного глубже, сложнее, чем принято считать.

Боль от потерь не исчезла с годами, память о десятилетиях жесточайшего противостояния не потускнела, но, закоснев в ненависти, мы обрекаем себя на гибель.

Появление десятков смешанных поселений, по сути оградивших скопление Центральных Миров от атак остаточных роботизированных подразделений прародины, требует официального признания, в конце концов, мы воевали за свободу и независимость, так стоит ли говорить, что возвращение Флота Колоний на Периферию должно пройти под знаком окончательного примирения поколений, воевавших друг против друга, а теперь вместе строящих новую жизнь?

Правительство Элио намерено использовать боевой опыт бывших офицеров Земного Альянса, ставших гражданами планет Периферии, привлекая их к зачистке опасных карантинных секторов...

Из интервью Антона Эдуардовича Вербицкого ежемесячному обозрению «Все Миры».

Планета Эридан. Сектор Периферии 4 марта 2650 года по универсальному летоисчислению…

Воранжевых небесах пламенели перистые разводы облаков.

Монументальные постройки вырастали из скал, выглядели их гармоничным продолжением, тянулись ввысь, отбрасывали длинные тени.

Вечерний воздух струился знойным маревом. Дороги с современным пенобетонным покрытием вились между отрогами скал, взбираясь по склонам горного хребта змейками серпантинов. От площадок, где застыли комплексы противокосмической обороны, к зданиям, врезанным в скальную породу, вели широкие лестницы, кое-где они дублировались пандусами, предназначенными для продвижения техники.

Издали, со стороны расположенного на равнине космодрома, весь комплекс сооружений выглядел как неприступная, мрачноватая цитадель.

Полковник Ремезов посадил аэрокосмический истребитель на указанную диспетчером площадку, разгерметизировал кабину «Фантома», снял гермошлем и некоторое время рассматривал необычные фортификационные сооружения, в структуре которых сочетались строгая планировка хорошо защищенной военной базы и более поздние постройки, не менее монументальные, но выполненные в ином стиле, навевающем мысли о невообразимой древности прототипов.

О монастыре Эридана ходило множество противоречивых слухов.

Первые укрепления в массиве горного хребта были созданы еще в самом начале Галактической войны специальными роботизированными подразделениями Земного Альянса. На равнине планировалось разместить четыре технических космодрома, в горах – рудодобывающие и промышленные комплексы, склады вооружений и прочие службы обеспечения, но уже в 2617 году дислокация базы была рассекречена разведкой Флота Колоний, после чего последовали три штурмовые операции, практически уничтожившие ремонтно-технический пункт землян.

Силы Альянса покинули планету, и на протяжении последующих десятилетий руины бункерных зон и укреплений служили пристанищем для тысяч беженцев из иных миров.

О планете, утратившей к середине войны былое стратегическое значение, забыли, а когда на орбите Эридана появился разведывательно-картографический крейсер союза Центральных Миров, его экипаж

обнаружил восстановленную структуру горной крепости и многотысячный анклав людей, постоянно проживающих во внутрискальных убежищах.

Ремезов слышал разное о населении Эридана. Наиболее устойчивым являлся слух о возникновении на планете некоей воинствующей религиозной организации, принимавшей в свои ряды бывших офицеров Альянса и Колоний. Полковнику трудно было представить, что за сила или идея способна объединить недавних врагов.

…С шипением от бронескафандра отсоединились шланги стационарной системы жизнеобеспечения.

Ремезов встал из кресла пилот-ложемента, перешагнул через низкий бортик кабины на скошенное крыло, затем, не дожидаясь, пока автоматика выпустит трап, легко спрыгнул на потрескавшийся стеклобетон посадочной плиты.

У низкого, символического ограждения площадки, сразу за отбойником, его ждала машина.

– Полковник Ремезов? – Из глубокой тени, отбрасываемой массивной отливкой, принимающей на себя ударную волну при старте и посадке космических кораблей, под немилосердный палящий свет оранжевого солнца выступил высокий, худощавый пожилой мужчина, облаченный в защитный термокостюм.

– Брат Кюро, если не ошибаюсь?

– К вашим услугам. – Фраза прозвучала открыто, доброжелательно, без фальши. – Что привело офицера Элианской эскадры в нашу скромную обитель?

– Я ищу одного человека. Глеба Дымова.

– Да, он находится здесь.

– Я могу с ним встретиться?

– Безусловно. – Кюро проницательно взглянул на полковника и добавил: – Глеб Дымов – гость в монастыре Эридана, он не связан с нами никакими обязательствами, если вас это волнует. Он наемник, мы предлагали ему работу по профилю, но получили вежливый отказ. Прошу в машину, полковник. Пеший подъем займет много времени.

– Благодарю. – Ремезов кивнул. – Я впервые на Эридане. Ваш монастырь – настоящая крепость, – заметил он.

– Смутные времена, – пожал плечами Кюро.

Армейский вездеход плавно тронулся с места. Полковник расположился в специальном кресле, адаптированном под габариты человека, облаченного в бронескафандр. Унифицированные фиксаторы жестко присоединились к броне, и Ремезов смог задействовать механизм,

раскрывающий бронескафандр на несколько сегментов. Покинув бронированную оболочку, он пересел в обычное кресло.

Машина уже начала подъем по горной дороге. За каждым поворотом серпантина открывался новый вид, теперь взгляду полковника открылась структура многочисленных внутренних двориков нижнего яруса Цитадели, не укрылись от опытного взгляда и множественные выходы вентиляционных шахт, каналов дренажных систем, а также массивные бронированные ворота, запирающие входы ведущих в недра хребта тоннелей.

Оценив все увиденное, полковник решил высказать свое мнение:

– А ведь монастырь плохо защищен от удара с высоких орбит.

– Нам не под силу содержать флот или комплексы боевых станций для защиты подступов к планете, – охотно ответил Кюро. – Но вряд ли кто-то решится на варварскую бомбардировку Эридана.

– Почему же?

– Вам знакомо значение термина «монастырь»?

– Не вполне.

– В древности – я говорю о далекой эпохе земного Средневековья – монастыри служили не только убежищем во времена войн и смут. Их главной, но прочно позабытой теперь функцией являлось накопление и хранение информации. Именно в монастырях проживала наиболее просвещенная часть населения той далекой эпохи, там велись летописи времен, бережно хранились редкие рукописи, передавались знания поколений, осуществляя непрерывность исторической связи времен.

– Очень познавательно. Но какое отношение это имеет к поселению Эридана?

– Самое непосредственное, – живо ответил Кюро. – Когда беженцы с многих планет нашли тут убежище в период Галактической войны, мы еще не знали, чем завершится вселенское противостояние. Наша цивилизация могла погибнуть, сгинуть без следа, сгореть в пламени безумной ненависти. Но каждый из прибывавших на Эридан беженцев хранил сокровенные знания об истории колонизации своего родного мира, его развития и гибели. С этих сведений, которые мы стали скрупулезно собирать, и началось развитие информационных хранилищ Эридана. Мы не проповедуем никаких религий, полковник, хотя в Обитаемой Галактике на этот счет бытует иное мнение.

– Вы собираете информацию? – уточнил Ремезов.

– Да, – охотно ответил Кюро. – Собираем, храним, анализируем, приумножаем, не отдавая предпочтения какой-то одной науке или отрасли

человеческих знаний. Информация, накопленная в монастыре, хранит нас от варварских ударов с орбит. Те, кто вдруг возжаждет получить сокровища горной твердыни при помощи силы, постарается проникнуть внутрь, причинив минимум повреждений существующей инфраструктуре, ведь истинное месторасположение хранилищ данных держится в строжайшей тайне.

– Любопытный способ защиты.

– И достаточно эффективный, – горячо заверил полковника Кюро. – Что же касается пиратских рейдов, то их мы отбиваем с легкостью. В монастыре нашли свой дом многие офицеры Колоний и Альянса, да и система планетарной обороны организована на высоком уровне.

– И как же вы поддерживаете столь обширное и многолюдное поселение? Я не заметил признаков промышленных производств или развитого сельского хозяйства. – Взгляд Ремезова скользил по скалам, не находя среди укреплений даже намека на растительность. Эридан изначально был мертвой пустынной планетой, опаленной немилосердным светом местного солнца.

– Торговля информацией приносит нам скромный, но постоянный доход, – ответил Кюро. – Это не тайна. Мы закупаем все необходимое на других мирах. Об Эридане знают на многих планетах Периферии, ежедневно к нам прилетают корабли торговцев, а с ними и люди, ищущие определенные сведения.

– Вы только продаете информацию?

– Почему же? Если говорить честно, то чаще мы ее обмениваем. Но когда человеку, прибывшему на Эридан, нечего предложить в обмен на имеющиеся у нас данные – мы берем определенную плату за предоставляемые сведения. Или наоборот – покупаем информацию, если не можем предложить равноценного обмена.

Пока они вели неторопливую беседу, армейский вездеход свернул на одной из развилок, миновал массивные ворота и остановился во внутреннем дворике укрепления.

– Вы найдете Глеба Дымова, пройдя через этот тоннель. – Кюро указал направление. – Буду рад встретиться с вами, полковник, вечером, если не возражаете. Думаю, у нас есть что обсудить.

Ремезов вежливо кивнул.

– Спасибо за приглашение. Вы меня заинтриговали.

…Глеб сидел на берегу небольшого озерка в полном одиночестве.

Перед ним сиял голографический экран, но он уже устал от чтения и сейчас смотрел мимо, на спокойную водную гладь.

Озеро располагалось в небольшой впадине. Обрывистые скальные стены образовали наклонный колодец. Свет солнца, отраженный от огненных перистых облаков, проникал и сюда, играл бликами на темной поверхности воды.

В озерке жили фиолетовые водоросли. Они выделяли достаточно кислорода, чтобы человек мог дышать, не прибегая к специальной аппаратуре жизнеобеспечения.

По берегу росли невысокие хвощи. В низкорослых зарослях гнездились птицы. Как сформировалась замкнутая экосистема, оставалось только гадать. Скорее всего, она была создана искусственно первыми беженцами, основавшими монастырь Эридана.

Дверь, спрятанная среди скал, открылась с вибрирующим гулом.

Глеб не шелохнулся, он по-прежнему смотрел, как огненные блики чертят замысловатый рисунок на темной поверхности воды, но в его взгляде промелькнуло внутреннее напряжение, готовность встретить любую неожиданность.

Шаги по усыпанной гравием дорожке прозвучали отчетливо, кто бы ни направлялся к озеру, он сориентировался на свет голографического экрана и не пытался скрыть своего приближения.

Завидев фигуру Дымова, полковник Ремезов остановился.

– Глеб, свои, – негромко, но отчетливо произнес он, остановившись на почтительном расстоянии.

Дымов узнал голос, медленно повернул голову, затем отпустил рукоять боевого ножа.

– Денис?

– Он самый. – Ремезов сделал шаг вперед, показавшись из-за обломка скалы. – Каких же гостей ты ждешь? – усмехнулся он.

– Разных, – в тон ему ответил Дымов, вставая навстречу. Ремезова он знал по своему недолгому пребыванию в системе Элио. Вообще-то Глеб трудно шел на контакт с людьми, но полковник оказал ему неоценимую помощь в решении очень важного и крайне щекотливого вопроса, связанного с восстановлением личности Ники.

Они обменялись рукопожатием.

– Присаживайся. – Дымов указал на плоский ошлифованный водой фрагмент скалы. – Как жизнь?

– Жизнь? – Денис снова усмехнулся. – Жизнь по-разному. – Он осмотрелся, прислушался к щебету птиц в зарослях растущего по берегу озерка хвоща. – Необычный выбор места, – заметил он. – Насколько помню, ты не очень-то любил природу?

– Люди меняются, – скупо ответил Дымов.

Ремезов явно не торопился выкладывать, зачем прилетел.

– Как тебе Эридан? Кюро показался мне немного странноватым. Необычные для наших времен радушие и общительность.

Глеб мысленным приказом отключил голографический экран.

– Кюро для всех мягко стелет, – ответил он. – Но иным приходится жестковато спать. Здесь все если не с двойным дном, то с подтекстом.

– А подробнее? – заинтересовался Денис. – Мне показалось, что схема обмена и торговли информацией вполне прозрачна.

– «Братья» умело эксплуатируют страхи и фобии. Большинство военных, осевших на Эридане, искренне верят, что укрылись тут от репрессий со стороны колониального флота.

– Даже так? – нахмурился Ремезов. – На них воздействуют психологически?

– Нет, если ты имеешь в виду секту или росток новой религии. «Братья» не навязывают никакой идеологии, но в информационном плане обирают каждого прибывшего, что называется до нитки, предлагая взамен лишь иллюзию безопасности. Они достаточно циничны, чтобы производить жесткий отбор, разрешая поселиться в этих стенах только тем, от кого рассчитывают получить практическую пользу.

– То есть не каждый беженец получит здесь кров и защиту?

Дымов кивнул.

– Только те, кто совершенно отчаялся, но обладает нужными профессиональными навыками, чтобы обслуживать различные системы либо защищать монастырь в случае нападения. Многие, пытаясь влиться в общину, делятся уникальными сведениями. Основатели монастыря прекрасно осознают ценность информации в современном мире и уже обеспечили себе безбедное существование на многие годы вперед. Они собирают сведения о различных технологиях, о разведанных когда-то, а теперь прочно позабытых гиперсферных трассах, ведущих к планетам, пригодным для колонизации либо богатым полезными ископаемыми. Обрывочные сведения, доступные отдельным людям, аккумулируются ими, сводятся воедино, анализируются, проходят перепроверку. В результате те, кто ищет нечто определенное и готов платить настоящую цену, прибывают сюда, как в некую информационную Мекку.

Ремезов внимательно выслушал Дымова, кивнул, соглашаясь с его выводами, затем спросил:

– И ты решил приобщиться к информационному кладезю? Что ищешь, Глеб? По моим сведениям, ты добровольно покинул «Мантикору»

пару месяцев назад?

Дымов лишь пожал плечами. Он прекрасно понимал, что полковник не просто так прибыл на Эридан и сюда зашел явно не для того, чтобы поздороваться да обсудить местные нравы.

– Денис, давай к делу.

Ремезов не стал протестовать, но все же повторил вопрос:

– Глеб, почему ты ушел из «Мантикоры»? Это важно, поверь.

– Мне стало тесно, – скупо ответил Глеб. В его пристальном холодном взгляде читался вопрос.

– На такой огромной станции? – не поверил полковник, продолжая исподволь что-то выпытывать.

– Тесно в рамках задач, которые решают наемники «Мантикоры»! – резко ответил Глеб. – Денис, хватит словесных игр! Ты прекрасно знаешь, кого и зачем я ищу! Киборги не вернулись в систему Варл, а население станции занято исключительно вопросами выживания и обеспечения ресурсами. Наши пути попросту разошлись.

Ремезов встал, прошелся вдоль кромки воды.

– Значит, ты охотник, затаившийся в ожидании зверя?

– Можно сказать и так, – пожал плечами Глеб.

Полковник призадумался. Все «домашние заготовки» никуда не годились, разговор явно не клеился, и в том был виноват он сам. С Глебом нужно говорить прямо – такой уж он человек. Замкнутый, непонятный для окружающих, жесткий, некоммуникабельный.

Но он нам нужен. Нужен, несмотря на одержимость, промелькнувшую в колючем взгляде. Именно такой, не рвущийся спасать мир, жесткий, непримиримый к себе и к окружающим. Эти качества позволили Дымову предотвратить пару лет назад попытку геноцида населения целой планеты в системе Валерайн, хотя следовало признать, что даже в той ситуации бывший капитан Земного Альянса следовал узкими тропами своего, далеко не лучезарного мировоззрения. Прошло два года, а он не бросил поиск. Значит, им до сих пор движет чувство мести, и какие же нужно привести доводы, чтобы он прислушался, принял предложение?

– Да, наживку ты приготовил лакомую, ничего не скажешь. – Ремезов вернулся, снова сел на плоский, ошлифованный водой камень. – И как тебе удалось собрать столь непротиворечивую информацию? Веришь, у нас в разведуправлении кое-кто получил непрозрачный намек от адмирала Вербицкого на неполное служебное соответствие, когда ты выложил результаты своих изысканий в глобальную сеть.

– Собрать информацию не так и сложно, если в точности знаешь, что

ищешь, – спокойно отреагировал Глеб. – Адмиралу захотелось подробностей? – с усмешкой предположил он. – Увы, Денис, здесь ничем не смогу помочь. Хотя сам факт твоего визита говорит, что я не зря расставил ловушку. Зверь придет. Рано или поздно.

– Поделишься своими соображениями? Хочу понять твою логику.

Об аналитических способностях Глеба полковник был прекрасно осведомлен. Рассудок человека, половину сознательной жизни находившегося в прямом нейросенсорном контакте с боевыми кибернетическими системами, уже не способен перестроиться, вернуться к узости мышления. Дымов выжил в схватках, где все решали доли секунды. Его мозг при помощи технических устройств импланта автоматически входил в любую доступную информационно-кибернетическую среду. Отцы-основатели монастыря, наверное, и не подозревали, что Дымов способен взять из их хранилищ много больше, чем было оговорено.

– Тебе – скажу, – ответил Глеб. – Я задался элементарным вопросом: если в камерах биологической реконструкции на Роуге ежегодно выращивались десятки тысяч бойцов, прошло ли для разведки Альянса не замеченным появление на полях сражений киборгов-смертников? Разве от биомеханических «колониальных пехотинцев» ничего не оставалось после гибели?

– Ты же знаешь, они оснащались устройствами самоликвидации. Программа инициализировалась при получении бойцом критических повреждений.

– Это не ответ, – возразил Дымов. – Скорее сознательный уход от анализа проблемы. Поэтому твои сослуживцы и получили по шее от адмирала. Не все устройства самоликвидации обязательно сработают, особенно в условиях техногенного боя. Можешь мне поверить. Думаю, что Земной Альянс имел достаточно сведений и трофейного материала, чтобы начать собственные исследования в области создания кибернетических организмов. Как ты объяснишь тот факт, что в основе искусственных тканей у поздних человекоподобных машин Альянса и у киборгов с Роуга лежит уникальный по своему химическому составу и физическим свойствам материал?

– Имеешь в виду лайкорон?

Глеб кивнул.

– Зачем Альянсу киборги? – спросил Ремезов. – Андроиды пехотной и технической поддержки поздних серий были доведены практически до абсолюта в плане боевых возможностей, технической надежности и дешевизны их производства.

– Зачем – не знаю. Слишком мало исходных данных[9]. Но факт, что проект существовал. И колониальные искусственные интеллекты обязательно захотят выяснить, что еще известно Глебу Дымову? Они развивают эту технологию, так что кто-то из них явится сюда обязательно.

– С огнем играешь, Глеб. Размещенная тобой в Сети информация больше похожа на попытку пнуть адмирала Воронцова. А он такого не прощает.

– Мне без разницы, как это выглядит. Главное, чтобы сработало, – отрезал Глеб.

– Скажи, ты ищешь Дейвида, чтобы отомстить за гибель Ники? – Ремезов пошел на сознательное обострение разговора, пытаясь выяснить мотивы Глеба.

– Нет, – Дымов вопреки ожиданию ответил спокойно, даже как-то тускло, словно он вычеркнул трагические события, произошедшие на Варле, из своей памяти.

– Тогда почему ты потратил два года жизни на поиски? – полковник Ремезов выдержал паузу в ожидании ответа, затем, не дождавшись реакции со стороны Глеба, продолжил: – Мы ведь тоже искали, но Дейвид и его киборги как в воду канули. Может, они что-то поняли после поражения на Варле?

– Они попытаются снова.

– Почему?

– Потому что верят в справедливость и рациональность избранного пути. А вестей от них нет по простой причине – спешно покидая систему Дикс-7, Дейвид и его сподвижники не имели резервной базы. На поиск подходящей планеты, восстановление минимально необходимых инфраструктур, возобновление экспериментов и производств требуются время и ресурсы. Но они не отступят. Я уверен – времени прошло достаточно, и удара следует ждать в ближайшие месяцы.

– Глеб, я бы хотел понять твою мотивацию. – Ремезов поднял взгляд. – Поверь, вопрос не праздный, для меня это действительно важно. Ты ведь никогда не рвался спасать человечество.

Дымов насупился, но ответил:

– Люди меняются с годами, – повторил он. – Но ты прав: мне не было никакого дела до Обитаемой Галактики. Я искал половинку своей разорванной души. Испытывал глубокую неприязнь к открытым пространствам и копошащейся на них жизни. – Он обернулся. – Ты помог спасти личность Ники и потому заслуживаешь откровенного ответа. Я стал

другим. Есть явления, которые сложно передать словами. Ты когда-нибудь пробовал остановиться, вдохнуть полной грудью, абстрагироваться от всего, просто взглянуть на небо, на пламенные разводы облаков, почувствовать тепло солнца, раствориться в щебете птиц?

– Нет, – подумав, признался Ремезов.

– Мы оторвались от самого понятия «природа», шагнули так далеко в космос, что большинству молодых колоний уже не выжить без машин. Мы превращаемся в заложников созданной нами же техносферы, не замечая, что у нее появились «продвинутые» наследники – кибернетические системы, наделенные интеллектом, способностью воспринимать мир со своей точки зрения, развиваться, оставляя далеко позади своих создателей. – Дымов говорил негромко, в его словах чувствовались долгие и тяжелые размышления человека, пытающегося без иллюзий взглянуть на окружающий мир, оценить себя в контексте новейшей истории. В устах политика это прозвучало бы фальшью, но Дымов был боевым офицером, вскормленным войной, он вырос среди машин, и как никто другой понимал, о чем говорит. – Мы создали столь совершенные кибернетические системы, что они уже прекрасно обходятся без нас и, что самое страшное – *осознают* собственное превосходство. Раньше мне было все равно. Сейчас нет. Я начинаю думать о будущем и понимаю, что не хочу стать «овощем» на культивированной человеческими подобиями грядке. Вот мой мотив, Денис.

Ремезов внимательно выслушал Глеба.

Он был удивлен, и в то же время на душе стало легче. По крайней мере, теперь поставленная перед полковником задача уже не выглядела абсолютно невыполнимой.

– Глеб, а что, если я скажу тебе, что ни Дейвид, ни его эмиссары не явятся на Эридан?

– Вы их нашли? – Дымов резко обернулся.

– Нет. Но пока ты находился тут, радикально изменилась расстановка сил. Подожди, Глеб, не перебивай. Выслушай. Информация того стоит. Пока о ней знают лишь немногие, но меня уполномочили говорить откровенно. Флот Свободных Колоний реорганизован. Эскадры Элио, Кьюига и Кассии покинули Форт Стеллар, они передислоцированы на недавно созданные базы. Правительства еще нескольких планет, входящих в Союз Центральных Миров, готовы последовать нашему примеру.

– Абсолютной власти адмирала Воронцова нанесен сокрушительный удар? – Глеб даже не пытался скрыть удивление от ошеломляющей новости.

– Поверь, не это ставилось основной целью. Мы тщательно проанализировали информацию о планете Роуг и событиях на Варле. Никто не старался преуменьшить проблему колониальных искусственных интеллектов, вознамерившихся навести новый порядок на поствоенном пространстве. Передислокация была обоснована необходимостью рассредоточить флот, вывести основную часть кораблей с космодромов Луны Стеллар.

– Мудрое решение, учитывая, что в распоряжении нашего потенциального противника есть корабли типа «Шквал», – кивнув, заметил Дымов.

– Мы начали патрулирование секторов Окраины и столкнулись со множеством проблем, – продолжил начатую мысль Ремезов. – Ощущается острая нехватка опытных боевых офицеров. Как сам понимаешь, повторять ошибки Галактической войны, передавать управление искусственным интеллектам мы не намерены.

– В системах Периферии найдется немало достойных кандидатур, – спокойно отреагировал Глеб. – Многие офицеры Альянса укрылись там от преследования со стороны Воронцова. Да и бойцов Колониального Флота, оказавшихся не у дел, там тоже хватает.

– Да, но их вторичная мобилизация – процесс долгий и сложный. А действовать необходимо уже сейчас. Рассредоточение эскадр наверняка сломало все планы противника. Теперь андроидам уже не удастся нанести сокрушительный удар по Стеллару, уничтожив Флот Колоний в точке базирования. Они будут вынуждены импровизировать. Ситуация совершенно непредсказуема, но, что самое скверное – мы не готовы к масштабному противостоянию из-за недокомплекта личного состава эскадр и низкого уровня подготовки офицеров. Все очень плохо, Глеб, – откровенно признал Ремезов. – Воронцову наплевать на судьбы миров, он думает лишь об удержании единоличной власти. Любая наша неудача сыграет ему на руку, помогая восстановить утраченные позиции…

– Я при чем? – в вопросе Глеба прозвучала откровенная неприязнь. Ему всегда были чужды политические игры.

– Адмирал, зная о нашем твердом намерении вывести эскадры Элио, Кьюига и Кассии в новые точки базирования, успел произвести ротации, перевел наиболее опытных офицеров в другие соединения. В результате мы были вынуждены доукомплектовывать экипажи кораблей молодыми ребятами, недавними выпускниками военно-космических академий. Особенно тяжелое положение сложилось у адмирала Нечаева на Кьюиге.

– И чего ты хочешь от меня?

– Я уполномочен предложить тебе командование одним из фрегатов Кьюиганской эскадры.

– Нет, не потяну. – Дымов ответил не задумываясь. – Не тот уровень подготовки.

– Ты один из лучших, – сдержав эмоции, заметил Ремезов.

– Денис, я трудно схожусь с людьми. У меня мало опыта крупномасштабных боевых операций в космосе. Командовать серв-подразделением я бы еще согласился, но боевой космический корабль – не мой уровень. Да и вообще, я планировал выманить андроидов, отыскать новую точку их базирования, решить эту проблему и вернуться на «Эдем». – Он поднял взгляд. – Хватит уже войны…

– Глеб! – укоризненно произнес Ремезов. – Никто не собирается заниматься эскалацией боевых действий, но Периферия тлеет, а ты предлагаешь спокойно смотреть, сидеть в сторонке, ждать пока ветер раздует новый пожар?

Дымов с досадой взглянул на полковника.

Как бы ни хотелось Глебу абстрагироваться от ситуации, сделать это не получалось. «Странно, как причудливо все смешалось в послевоенном мире, – подумал он. – Мы наплодили кибернетических сущностей, создали армады боевых машин, а теперь, очнувшись, пытаемся протянуть руку друг другу, начинаем действовать сообща, хотя не так давно были заклятыми врагами. Но, наверное, так и должно происходить? Иначе нам не выжить, если каждый забьется в свой уголок в надежде, что беда пройдет стороной и кто-то другой справится с ней?»

– Как давно произошло разделение Флота Колоний? – глухо спросил он.

– Две недели назад.

– Значит, они еще не готовы к нанесению удара, иначе отреагировали бы немедленно.

– Мы рассчитываем, что у нас есть еще как минимум пара месяцев на подготовку личного состава эскадр.

– На чем основана такая уверенность?

– Разведка докладывает, что в секторах Периферии внезапно подскочил спрос на услуги бывших техников Земного Альянса. Кроме того, неизвестные скупают крупные партии тяжелых вооружений, но, что особенно настораживает, началась форменная охота на бывших офицеров Альянса высшего звена – тех, кто в свое время командовал крупными кораблями или соединениями флота.

– И каков вывод разведуправления?

– Мы не обнаружили существенного усиления частных армий. Офицеры, завербованные неизвестными лицами, исчезают бесследно. Есть версия, что андроиды отыскали одну из резервных баз флота Альянса и сейчас осуществляют попытку получить контроль над роботизированными соединениями. Для этого им и понадобились люди, обладавшие на момент окончания войны высоким уровнем доступа.

Глеб задумался.

Действительно, изменение расстановки сил и вести с Периферии толкали к определенным выводам.

– Ты сам прекрасно знаешь, что в распоряжении колониальных искусственных интеллектов есть четыре тяжелых корабля класса «Шквал», – продолжил Ремезов. – Пока весь Флот Колоний базировался на Стелларе, существовал огромный риск – штурмовые корабли могли выйти из гиперсферы на ближних подступах и осуществить молниеносную атаку, уничтожив большинство эскадр непосредственно на космодромах. Теперь такой вариант уже не проходит. Пожертвовав «Шквалами», искусственные интеллекты не добьются желаемого результата. Им необходим полноценный флот для полномасштабной войны. Но расконсервация базы Альянса – процесс долгий и рискованный. Андроиды не боевые машины. Есть мнение, что попытка завладеть кораблями резервного флота спровоцирует «Одиночек» на ответный удар. Но флот, выведенный из состояния консервации, не ограничится уничтожением источника явной угрозы. Машины начнут отрабатывать заранее заложенные программы. Из архивов Альянса известно, что целями для роботизированных соединений Внешнего Кольца назначены системы Рори, Кьюига и Элио. Так или иначе, через два-три месяца мы вступим в войну, Глеб. А у нас девяносто процентов личного состава – вчерашние выпускники военных академий.

– Ты всерьез считаешь, что за несколько недель я сумею существенно повысить уровень их подготовки?

– Не ты один, Глеб. Сейчас ведутся переговоры со многими боевыми офицерами. Ваше возвращение во флот спасет жизни тысяч вчерашних мальчишек! В любом случае ты ничего не теряешь. Мы возобновляем картографию и патрулирование секторов Периферии, а значит, ты всегда будешь находиться на острие поисков. Если искусственные интеллекты с Роуга проявят себя или будут обнаружены, ты узнаешь об этом одним из первых и…

– Я понимаю, – жестом прервал его Глеб.

Несколько минут он напряженно размышлял, взвешивая какие-то внутренние доводы.

Пару лет назад он бы отказался и ушел дальше, своей дорогой. Тогда он был одинок, да и сам ощущал себя одиночкой. Немногое изменилось с той поры, но даже малости оказалось достаточно, чтобы услышать среди множества доводов полковника всего лишь один, решающий: *мальчишки*.

Он сам был призван на войну, едва вступив во взрослую жизнь. Он видел столько смертей, что в какой-то момент перестал сострадать. Понадобились годы, чтобы в душе воскресли человеческие чувства, и он не мог позволить себе потерять их вновь.

– Вот что скажу тебе, Денис… – Глеб подошел к озерку, зачерпнул ладонью воды, плеснул себе в лицо. – Нельзя недооценивать колониальные искусственные интеллекты, – обернувшись, произнес он. – Да, они не боевые машины, но в этом и заключена сложность. Действия боевого «ИИ» можно прогнозировать с минимальной долей погрешностей. Но андроиды серии «Хьюго» не ограничены рамками однажды запрограммированных боевых задач. Они свободны в выборе средств для достижения цели и уже доказали, что способны действовать неординарно, принимать неожиданные решения. Созданная ими система ценностей до сих пор не изучена. Ясно лишь, что человек для них уже не божество, не хозяин, а скорее удобный объект для манипуляций.

– К чему ты клонишь?

– Не все так очевидно, и разведуправление вполне способно ошибаться, неверно трактовать факты. Исчезновение бывших офицеров Альянса, закупка тяжелых вооружений – все это может служить лишь отвлекающим маневром. На примере Варла андроиды ясно показали, что человеческая психология для них не является тайной. Сталкивать лбами отдельные планетные цивилизации на деле, оказывается, совсем несложно. Они не успели нанести удар по Стеллару, пока там базировался Объединенный Флот? Но Дейвид и ему подобные найдут другой способ добиться господства в космосе. Они раздуют пламя локальных конфликтов, спровоцируют новое противостояние, сожгут в нем сначала отделившиеся эскадры, а затем и остатки Объединенного Флота, а сами останутся в стороне наблюдать за развитием событий. Постарайся донести эту мысль до командования.

– Ты не преувеличиваешь?

– Я имел возможность понять, как мыслят воинствующие «Хьюго». Не забывай, что Ника побывала у них в плену. Уж она-то сумела сформировать для меня объективную картину происходящего.

– Кстати, как дела у нее?

Глеб помрачнел.

– Надеюсь, что хорошо, – с усилием произнес он. – Давай не будем уклоняться от темы.

– Как скажешь. Я доведу все сказанное тобой до адмирала Вербицкого. А теперь мне нужен ответ.

Дымов сумрачно кивнул. Похоже, что ловушка, устроенная им на Эридане, в ближайшее время действительно не сработает. В сложившейся ситуации ловить Дейвида на информационную приманку – занятие безнадежное.

– Под чьим командованием я окажусь?

– Самое плачевное положение с боевой подготовкой сейчас на кораблях Кьюиганской эскадры, – повторил Ремезов. – Ею, как ты знаешь, командует адмирал Нечаев, но он сейчас баллотируется в президенты и просил подобрать заместителя, который фактически будет руководить эскадрой в течение переходного периода.

– И кто кандидат?

– Тебе известно о попытке создания Космического Халифата и атаке Шириaнцев на Форт Стеллар?[10]

– Естественно.

– Наш человек сейчас находится на Афине. Полковник Шайгалов дал предварительное согласие возглавить эскадру Кьюига.

– Хорошая кандидатура, – уважительно произнес Дымов. – У него талант адмирала. Бой за Стеллар наглядно доказал это.

– Пойдешь к нему в подчинение?

Глеб кивнул. Он уже принял решение.

– Пойду.

– Рад, что ты согласился. – Ремезов протянул руку.

– Наши пути и цели временно совпали, – произнес Глеб, ответив на рукопожатие. – Преодолеем трудный этап, а там посмотрим, останусь ли я во Флоте.

Денис лишь усмехнулся в ответ. Глеб, наверное, никогда не изменится. Логичный, резкий и откровенный, он был чужд фальши, все делил на черное и белое, как будто не понимал, что жизнь на самом деле состоит из полутонов.

И все равно он нам нужен. Как и десятки других офицеров, прошедших войну. Иначе не устоим, лишь погубим эскадры молитвами Воронцова…

Система Кьюиг. База Флота Колоний…

Первое знакомство со вверенным ему кораблем произвело на Глеба сильное впечатление.

Внешние обводы корпуса фрегата «Артемида» напоминали пулю, разделенную на сегменты пятью выступами перпендикулярных к оси вращения корабля артиллерийских палуб.

За короткий послевоенный период космическая техника претерпела значительные изменения, фрегат «Артемида» отличался от своих предшественников габаритами, формой, вооружением. Взгляд Дымова с трудом находил знакомые элементы конструкций. Глеб понимал, что перед ним тщательно продуманный синтез технологий. Даже при беглом осмотре было ясно: космический корабль сочетает в себе все лучшее, надежное, что было создано во время войны конструкторами Колоний и Земного Альянса.

Истребитель «Пума» зашел со стороны носа и начал облет, двигаясь по спирали вдоль корпуса фрегата.

Глеб не спешил. Истребитель медленно чертил заданную траекторию, пока Дымов внимательно изучал компоновку боевых надстроек. По мере приближения корпус «Артемиды» начал разделяться в восприятии на тысячи отдельных элементов. Мощно бронированный, заостренный нос корабля занимала установка генератора короткоживущей плазмы, удар которой способен испепелить астероид средних размеров. Далее между мощными выступами брони, образованными первой и второй артиллерийскими палубами в углублениях, сегментированных продольными ребрами жесткости, располагались батареи тяжелых ракетных установок.

В следующей группе сегментов, между вторым и третьим выступами, были смонтированы шахты электромагнитных катапульт, предназначенных для запуска истребителей, и вакуумные доки для их приема.

Средняя часть фрегата вздымалась локационной надстройкой, чуть ниже из борта выступали два прилива, похожие на короткие массивные крылья, на поверхности которых четко просматривались захваты насильственного удержания, шлюзы, грузовые порталы. Эти устройства служили для стыковки с фрегатом технических носителей, а при необходимости – парковки двух ракетно-артиллерийских платформ или дополнительных модулей тяжелых плазмогенераторов, что вдвое увеличивало ударную мощь корабля.

За локационной надстройкой и стыковочными пилонами были видны еще два выступающих ребра – четвертая и пятая артиллерийские палубы, за ними – секции маршевой тяги и устройство гиперпривода, защищенные наиболее мощным бронированием.

Генератор плазмы главного калибра, наступательные орудийно-лазерные комплексы, батареи тяжелых ракет, системы антилазерной защиты, многочисленные установки противоракетной обороны, скорострельные зенитные орудия, а также интегрированные в обшивку эмиттеры суспензорного поля – все это в комплексе обеспечивало кораблю невиданную ранее ударную и оборонительную мощь, а наличие на борту собственных эскадрилий аэрокосмических истребителей давало фрегату возможность к осуществлению автономных рейдов, вне состава эскадры.

Изучая корабль, Глеб обратил внимание на симметричность корпуса относительно оси вращения и грамотную компоновку артиллерийских палуб – их диаметр возрастал к центру и уменьшался к носу и корме, что обеспечивало возможность одновременной работы всех орудий. Стартовые стволы ракетных шахт и электромагнитных катапульт, заглубленные в нишах, затрудняли противнику атаку этих наиболее уязвимых элементов конструкции, не снижая их функциональности.

Компоновка отсеков и палуб внешнего слоя не оставили его равнодушным. Корабль отвечал самым высоким боевым требованиям, теперь следовало понять, насколько подготовлен экипаж «Артемиды», с какой эффективностью командиры и операторы боевых постов способны использовать вверенную им техногенную мощь.

– Пума-1, прошу разрешения на посадку, – произнес он в коммуникатор.

– Пума-1, четвертый вакуумный док открыт. Данные для сближения в процессе передачи. Прошу включить автопилот для осуществления регламентированных процедур.

– «Артемида», понял вас, автопилот включен.

Истребитель изменил курс. Через минуту, отработав двигателями торможения и коррекции, «Пума» Дымова попала в поле удержания, и неодолимая сила мягко, но уверенно увлекла машину в открытый посадочный док.

…Старшие офицеры корабля встретили Дымова на предшлюзовой площадке.

Он спокойно вытерпел формальности, выслушал доклады командиров палуб, поймал немало настороженных, откровенно изучающих его взглядов, затем отдал команду «вольно», снял гермоперчатку, поздоровался

с каждым из присутствующих.

Необычные чувства владели Глебом.

Он смотрел на незнакомые лица, еще не чувствуя контакта ни с кораблем, ни с экипажем, но уже понимая, что отвечает за их жизни, несет полную ответственность за боеспособность фрегата.

– Командор, в кают-компании все готово к обеду, – обратился к нему полковник Золотарев, временно исполнявший обязанности капитана «Артемиды». – Надеюсь, вы произнесете речь перед экипажем?

Дымов кивнул:

– Произнесу. Чуть позже. – Он натянул гермоперчатку и внезапно скомандовал: – Боевая тревога!

На лицах офицеров отразилось недоумение, некоторые скривились, несколько откровенно злобных взглядов скользнули по новому командиру, но не задели, не обожгли его.

– Групповая цель по левому борту!

До офицеров дошло, что он не шутит.

– Командир третьей артпалубы, ко мне!

Перед Дымовым тут же появился капитан Штокман. Низкорослый, коренастый, он держался спокойно, уверенно. Грубые черты лица и массивное телосложение выдавали в нем уроженца Эригона[11].

– Проверим боевые отсеки. Ведите, капитан.

По кораблю звучали сигналы тревоги. От предшлюзовой площадки Глеб в сопровождении командиров палуб, проследовал по короткому коридору к транспортной системе.

«Палуба три» – высветилось на дисплее, мягкая сила увлекла людей в стремительное контролируемое перемещение, на миг захватило дух, затем ощущение полета схлынуло, они стояли на платформе у развязки коротких тоннелей, ведущих внутрь боевых отсеков и орудийных башен.

Дымов произвольно избрал направление.

Предупреждая его вопрос, капитан Штокман поспешил с докладом:

– Орудийная башня номер двадцать восемь!

Глеб осмотрелся. Массивные люки боевых отсеков сияли индикацией гермозатворов, а вот коридоры оставались свободны, работало основное освещение, ни одна из герметичных переборок не опустилась.

– Десантный рейдер противника! Процедура насильственной стыковки осуществлена! – отчетливо произнес Дымов данные новой вводной.

Офицеры недоуменно переглянулись.

– Вы все уже мертвы, – обронил Глеб, заметив, что никто не отреагировал. – Обшивка взломана, вы погибли от декомпрессии. – Штокман, ведите.

Массивная герметичная дверь орудийной башни отворилась.

Внутри боевого поста тускло сияли голографические мониторы, куда бортовая кибернетическая система «Артемиды» транслировала условные маркеры групповой цели: пять корветов противника шли на сближение с фрегатом.

Офицер, управляющий орудийно-лазерным комплексом, вскочил, вытянулся в струнку:

– Господин командор, комплекс номер двадцать восемь к стрельбе готов!

– Фамилия?

– Лейтенант Савичев!

– Почему без гермоэкипировки? – Дымов отыскал взглядом опломбированную нишу с установленным в ней боевым скафандром.

– Тревога учебная. По регламенту…

– Ты погиб, лейтенант. Погиб бездарно. Не уничтожил корабли противника, не надел скафандра, не сделал *ничего*!

– Но…

– Молчать! Сколько прошло времени с момента подачи сигнала тревоги?

– Минута тридцать секунд!

– За это время ты, лейтенант, должен был успеть экипироваться и поразить группу целей. Теперь слушай меня внимательно. Даю тебе шанс все исправить. До декомпрессии отсека тридцать секунд! Действуй!

Чтобы вскрыть нишу с боевым скафандром и облачиться в него, Савичеву потребовалось две минуты.

– Майор Золотарев?

– Здесь!

– Почему офицеры несут боевую вахту без гермоэкипировки?

– Виноват. Мы в границах системы базирования.

– Это не оправдание! – резко заметил Дымов.

– Виноват, исправим!

– Капитан Штокман, перечислите поражающие факторы при прямом попадании в отсек.

– Декомпрессионный выброс, перепад температур, временный сбой кибернетических составляющих систем управления орудийным комплексом!

– Гибель лейтенанта, оказавшегося без скафандра, в расчет не принимается?

– Виноват!

Глеб снова обернулся к лейтенанту, который только что завершил процедуру герметизации боевой экипировки.

– Савичев, последняя вводная. Кибернетическая система управления огнем временно отключилась в результате прямого попадания, декомпрессии отсека, отказа энергоснабжения. До перезагрузки сорок секунд. Приказываю перейти на прямое мнемоническое управление подсистемой и уничтожить цели!

Лейтенант на миг растерялся, но затем, опомнившись, бросился к креслу, хотя его движения в бронескафандре выглядели крайне неуклюже.

Тридцать секунд потребовалось ему, чтобы соединиться через специальные модули импланта с контроллерами сервомоторов наведения.

Орудийно-лазерный комплекс произвел три залпа, затем орудия ушли в перезарядку, а лазер продолжал бить, хотя маркеры целей по-прежнему сближались с кораблем. Ни одна из мишеней не была поражена, и Глеб прекрасно понимал, почему все так произошло. Лейтенант не имел опыта прямого мысленного управления подсистемами. Он не ощущал себя частью кибернетического комплекса, его разум не привык напрямую воспринимать данные от сенсоров, и как следствие – полная дезориентация замедлила его реакцию, превратила в самое слабое звено уцелевших цепей управления.

Дымов, крайне раздосадованный таким результатом внезапной проверки боеспособности, отдал мысленный приказ кибернетической системе корабля, продублировав его вслух для напряженно наблюдавших за ним офицеров:

– Повтор симуляции с новыми исходными данными. Две групповые цели!

Голографические экраны мгновенно отобразили пять штурмовиков условного противника, появившихся из пространства гиперсферы, практически на дистанции атаки. Их прикрывало звено аэрокосмических истребителей класса «Фантом».

Глеб уже сидел в кресле, его рассудок мгновенно вошел в прямой нейросенсорный контакт с исполнительными подсистемами, орудийная башня с тихим гулом начала стремительный разворот, на седьмой секунде заработали гаусс-орудия комплекса, но не залпом, а поодиночке – каждое по определенной цели, отголоски работы сервомоторов точной наводки прорвались в помещение боевого поста, маркеры штурмовиков внезапно начали гаснуть, демонстрируя затухающие сигнатуры, истребители резко

сманеврировали, уклоняясь от огневого контакта, но попытку отхода пресекла серия лазерных разрядов: ведущий истребитель взорвался, двум ведомым пришлось производить коррекции курса, чтобы избежать потоков когерентного излучения и столкновения с обломками уничтоженного лидера, но их маневр, ограниченный в выборе вариантов, завершился плачевно – обе машины настигли снарядные трассы.

– Двадцать пять секунд, – сообщил бесстрастный голос о результатах стрельбы, – все цели поражены. Израсходовано тридцать семь процентов оперативного боекомплекта.

Глеб отстегнул ремни, встал с кресла, поднял проекционное забрало своего гермошлема, обернулся к лейтенанту Савичеву:

– Запомни, я никогда не потребую от подчиненного невозможных действий. Но в совершенстве владеть вверенными системами будет каждый из вас. Отбой тревоги! – Дымов перевел хмурый взгляд на лица старших офицеров корабля. – Сбор в тактическом зале через десять минут, – произнес он. – Торжественный обед и обращение к экипажу пока подождут.

…За десять минут Глеб успел снять гермоэкипировку, умыться, сделать глоток воды и переступил порог тактического зала ровно в назначенный срок.

Десять старших офицеров корабля дружно встали при его появлении.

– Вольно. Прошу садиться. – Дымов говорил ровно, не повышая голоса. – Результат первой проведенной проверки неудовлетворителен. Боеспособность личного состава просто отвратительная. – Он взглянул на собравшихся. – Майор Золотарев, поясните, при внезапном нападении на систему Кьюиг либо при действиях фрегата в глубоком космосе с каким типом противника мы столкнемся?

– Наиболее вероятны два варианта, – откашлявшись, произнес Золотарев. – Либо остаточные подразделения Земного Альянса, либо незаконные формировании частных армий, попросту говоря – флотилии грабителей и контрабандистов.

– Да, именно так, – кивнул Дымов. – Прошу заметить: обе упомянутые силы используют боевые системы искусственного интеллекта. Что это означает? – Он выдержал секундную паузу. – А это означает, что у нас нет и никогда не будет ни одного лишнего мгновенья между сигналом тревоги и началом боя. Если экипаж «Артемиды» не приобретет должных навыков, то встреча с первым же каперским патрулем станет для нас последней. Капитан Горман, какова проникающая способность разряда спаренной двухсотмегаваттной лазерной установки истребителя класса «Фантом»?

– Разряд способен прожечь отверстие в полутораметровом слое керамлита.

– Толщина внешнего бронирования орудийных башен «Артемиды»?

– Два метра.

– Прекрасно. Значит, одно попадание любая из внешних огневых точек выдержит. Но существуют и более мощные лазерные орудия, я уже не говорю о концентрированном огне гаусс-орудий или разряде генератора плазмы. Рассмотрим попадание кумулятивной ракеты класса «пиранья». Что вы способны доложить?

– С большой долей вероятности прямое попадание ракеты прожжет броню орудийной башни.

– И?

– Вызовет нагрев внутреннего пространства боевого поста до нескольких тысяч градусов.

– Итак, одно попадание ракеты. – Дымов вел элементарный удручающий подсчет. – Оно вызовет пожар, удар декомпрессии, размягчение материала внутренних переборок, деформирует внутренний люк, что подвергнет корабль еще большим разрушениям. Декомпрессионный выброс создаст реактивную тягу, приведет к толчку, который сведет на нет работу всех орудийных, лазерных и зенитных комплексов, внеся неучтенную поправку в расчеты прицеливания. В бою подобные ситуации возникают примерно каждые десять секунд. Кроме того, противник будет применять нанопыль для ослепления сенсоров, бить электромагнитными импульсами, нарушая обмен данными между кибернетическими компонентами уже поврежденных, лишившихся надежной экранировки боевых отсеков. Я сейчас рассматриваю наиболее очевидные и прямолинейные воздействия. Не стану подробно развивать тему, и без того понятно – при поступлении сигнала тревоги все аварийные переборки должны быть автоматически опущены. Экипаж на боевых постах обязан нести службу в бронескафандрах. Навык прямого мнемонического управления подсистемами корабля обязателен для каждого офицера – в большинстве случаев способность человека правильно ориентироваться в цифровом пространстве сохраняет боеспособность атакованного узла корабельных коммуникаций. И, наконец, последнее из обязательных требований: отсеки внешнего слоя должны быть *заранее* разгерметизированы, аппаратура откалибрована для работы в условиях вакуума. Такая мера позволит избежать декомпрессионных выбросов во время боя, уменьшит потери среди личного состава, позволит сохранять боевой курс.

Дымов выждал пару секунд, затем добавил:

– Вопросы?

Он заметил лишь злобные взгляды. Вопросов не последовало.

– Капитан Логвуд, – обратился Глеб к командиру технической службы фрегата, – к двадцати двум часам подготовить план мероприятий по декомпрессии отсеков внешнего слоя, а также представить мне полный отчет о состоянии основных систем корабля. Майор Шершнев, жду аналогичного доклада по загрузке артпогребов, состоянию систем вооружений. Остальным – составить список предложений и замечаний. Мнение старших офицеров будет учтено. Сейчас все свободны, через тридцать минут сбор в кают-компании.

Все встали, задержался только майор Золотарев.

– Круто ты начал, командор, – произнес он, когда герметичная дверь отсека закрылась за спиной капитана Штокмана.

– Иначе нельзя. – Глеб присел. Разговора с первым помощником не избежать, да он и не собирался уклоняться от нужной беседы. – Говори. Начистоту.

– Вот так сразу? В лоб?

– Нам воевать вместе. – Дымов не выносил «прелюдий». – Давай на «ты», Александр Сергеевич, и без обиняков.

– Хорошо. – Золотарев оперся руками о тактический терминал. – Мысли у тебя правильные, но зачем вот так сразу? Толком ни с кем не познакомился, в курс дел не вошел, с кораблем не сжился, а уже регламент несения службы ломаешь.

– Не в игрушки играем, – в тон ему ответил Дымов. – Не солдатиков расставляем по отсекам, а людей.

– Все равно – неправильно действуешь. Озлобится экипаж.

– Пусть. Пусть пропотеют, озлобятся – первый же бой все поставит на свои места.

– Пятнадцать лет, как война завершилась. Мы в своей системе.

– А я месяц как вернулся с Периферии. И скажу тебе прямо – ничего не закончилось! В любой момент поднимут по тревоге и бросят в пекло. Или ты не воевал?

Жесткий колючий взгляд ожег Дымова.

– Воевал.

– Хочешь спросить о моем прошлом? – Глеб усмехнулся. – Спрашивай.

– А что воздух сотрясать? Ты из офицеров Альянса.

– Я гражданин Элио. Этого достаточно?

– Нет. – Золотарев встал. – В Элианских протоколах четко записано: ни один офицер, воевавший на стороне Альянса, не может занимать командных должностей во Флоте Колоний!

– Что ж. Твое право – пиши рапорт по инстанции. Не волнуйся, я его не остановлю.

– А я тебе на стол его не положу! – резко ответил майор. – Через пару дней выметут тебя отсюда!

Дымов пожал плечами.

– Поживем – увидим. А пока меня не сместили, изволь подчиняться полученным приказам.

– Разрешите идти, господин командор?

– Иди.

Дверь боевого поста плотно затворилась.

Господин командор… Глеб некоторое время катал в мыслях непривычное для слуха словосочетание. «Зачем согласился принять командование фрегатом? Знал ведь – не твое это. А что мое? Вернуться на «Эдем», к Айле? Вместе с ней возрождать безжизненную планету?»

«Она тебя любит», – шепнул внутренний голос.

Глеб кивнул в ответ на мысли. «Любит. Она жизни не видела. Заперлась в коконе своей мечты, одна на борту станции боевого терраформирования, вот и влюбилась в первого встречного».

Айла нравилась Глебу, но допустить в душу острое щемящее чувство он не был готов. Не вырвался еще из омута войны. Немало тому способствовали два последних года, проведенных среди наемников «Мантикоры». Периферия не тлела, как выразился полковник Ремезов, она уже давно охвачена пожарами локальных войн, только здесь, в Центральных Мирах, мало кто это замечает.

«Каждый должен заниматься своим делом. Погасим мы пожар, или нас пожрет пламя, еще неизвестно».

Глеб сверился с внутренним ощущением времени. Пора идти на встречу с экипажем.

Мысли, горькие, ранящие, все еще бились в рассудке. Глеб знал только одно средство избавиться от них, привести себя в норму, вернуть способность к трезвой оценке ситуации. Нужно работать. Довести себя, корабль, экипаж до состоянии полной боевой готовности. От бегства, которым стало бы возвращение на «Эдем», толку сейчас никакого. Все равно на станции я долго не выдержу. А здесь, по крайней мере, востребован мой опыт.

С такими мыслями он покинул тактический модуль, направляясь на

первую встречу с экипажем «Артемиды».

* * *

– Боевая тревога! – мягкий женский голос изливался из скрытых динамиков бортовой аудиосистемы фрегата «Артемида».

Веки лейтенанта Савичева дрогнули. Он открыл глаза, резко сел, едва не ударившись головой о низкий потолок ниши, в которой располагалась откидная койка.

Проклятье! Фрайг бы побрал нового командора!

Денис вскочил, стряхивая сонную одурь. Третья тревога за сутки!

Бронескафандр, тонко подвывая приводами, тем временем самостоятельно покинул установленный в каюте специальный бокс и, двигаясь под управлением автоматики, остановился в центре тесного помещения, смещая бронепластины, раскрываясь, чтобы лейтенант мог шагнуть внутрь бронированной оболочки.

Савичев, продолжая мысленно проклинать всех и вся, принял недвусмысленное приглашение. На этот раз он не запутался в подключении датчиков системы жизнеобеспечения, не ушиб, как в прошлый раз, ногу, и вообще процедура экипировки заняла на десять секунд меньше. Сегменты брони вновь пришли в движение, полупрозрачное проекционное забрало гермошлема мягко подсветилось, мигнули и погасли искры индикации, расположенные подле сенсорных кнопок по внутреннему ободу соединительного кольца.

Включившийся коммуникатор транслировал вводные:

– Четыре корабля противника в зоне сканирования. Класс – крейсер. Зафиксирован запуск малоразмерных групповых целей. Пятая артпалуба, отсеки с девятого по восемнадцатый под угрозой ракетного удара!

Не дожидаясь окончания тестирования, Денис выскочил в коридор жилой палубы.

Все стволы транспортной системы работали, лишь зловещее красноватое освещение да неугомонный голос бортовой кибернетической системы напоминали, что фрегат находится под атакой и сейчас идет курсом боевого маневрирования. Дрожь, гуляющая по переборкам, в скафандре не ощущалась, да и гасители инерции пока работали исправно.

«Ага, было бы смешно, пройди все гладко…» – Савичев успел нырнуть в шахту гравилифта, когда корпус «Артемиды» содрогнулся от серии «условных» прямых попаданий.

Боевые чипы импланта уже вошли в контакт с доступными подсистемами корабля, и сейчас в верхнем правом углу проекционного

забрала развернулось оперативное окно, где мелькали коды отсеков, пораженных прямым попаданием вражеских ракет.

«Дьяволы Элио! Ну почему опять моя орудийная башня?!» – обреченно подумал Денис.

Злиться на командира некогда. Пока он бежал по отрезку разгерметизированного коридора, массивный люк орудийной башни, считав данные с личного чипа Савичева, начал автоматически открываться.

Несмотря на прямое попадание ракеты, половина оборудования работала, Сашка Стрельцов неподвижно застыл в кресле – видимо, его вывели из строя по условиям вводных данных.

По спине проскользнула дрожь.

В стене отсека зияла уродливая дыра. Раскаленная броня светилась, оборванные оптические кабели сплавились в единое целое с магистральным энерговодом – голограмма, конечно, но все равно жутковато.

– Сашка, живой?

Савичев сел в кресло, пристегнулся и, не дождавшись ответа, вошел в прямой нейросенсорный контакт с подсистемами орудийно-лазерного комплекса.

Система наведения не отвечала. Отклик пришел только от резервных датчиков БСК «Аметист» да от главного сервомоторного узла орудийной башни.

Задача вновь усложнилась. Несколько часов назад, во время предыдущей тревоги, они работали в паре со Стрельцовым, да и попаданий в их боевой отсек не было.

Секундная растерянность едва не стоила Денису «условной смерти».

Рой ракет, еще не разделивших боевые части, но уже сблизившихся с кораблем на критическую дистанцию, он заметил мгновением позже, и тут же произошла та самая чудовищная метаморфоза, от которой к горлу подкатывала тошнота, а мысли сбивались в ком, как будто слипались в ощущение собственной беспомощности, ничтожности по сравнению с бездной космического пространства, открывшейся перед ним, и стремительно приближающимися целями.

В первую тревогу двое суток назад он просидел в ступоре, глядя в глаза Бездне, которая вливалась в разум через прямое нейросенсорное соединение. Что значит почувствовать себя частицей корабля, взглянуть в глаза Вселенной, испытать острое фантомное ощущение *соприкосновения* с бесконечностью?

Савичев был измотан морально и физически, но на фоне непомерной

усталости, накопившейся в процессе непрекращающихся учебных тревог, просыпалась злость – сначала на командира, затем почему-то на самого себя.

Семь секунд до разделения боевых частей!

Он привык действовать иначе. Без дыр в обшивке, без ощущения слияния с полуавтоматическими подсистемами, без избытка адреналина в крови, который сейчас даже не пыталась сгладить система метаболической коррекции, встроенная в скафандр.

Секунды.

Мгновенья жизни, уносящиеся в прошлое.

Злость, адреналин, страх…

Денис не понял, в какой момент его мысли переключились не на собственные ощущения, а на мнемонический интерфейс управления уцелевшими подсистемами орудийной башни.

Вакуум не передает звуков, но он почувствовал гулкую вибрацию, когда комплекс начал разворачиваться – его рассудок ухватил цели, мозг обрабатывал данные, он подменил собой вышедшую из строя кибернетическую систему, сознание помутилось и вновь, как в прошлый раз, вдруг начало болезненно расслаиваться, не в силах одновременно сопровождать десятки объектов, но все же комплекс огрызнулся огнем, часть ракет противника исчезла: их стерла из восприятия серия оранжевых вспышек и…

Чудовищный удар обрушился на поврежденную орудийную башню – сосредоточившись на ракетах, Денис не успел отреагировать на появление маркеров, обозначающих звено штурмовиков условного противника, и тут же поплатился: проекционное забрало гермошлема начало мутнеть, ощущения нейросенсорного контакта оборвались, лишь на фоне матовой черноты перед глазами сияли две надписи:

Орудийная башня номер двадцать восемь уничтожена.

Лейтенант Савичев – вы условно мертвы. Сервомоторы скафандра заблокированы до завершения боя.

Тьма навалилась со всех сторон.

Денис внезапно понял, у страха есть оттенки. Если минуту назад он боялся не успеть, промахнуться, вновь оказаться среди аутсайдеров, то сейчас в мысли вплелись иные тревожные нотки – а что, если *никто* на корабле не справится со своей задачей, фрегат «Артемида» будет разрушен, а его главная кибернетическая система условно «сдохнет»?

Кто в таком случае включит сервомоторы моего скафандра по завершении учебной тревоги?

* * *

– Боевая тревога!

Лейтенанту Савичеву казалось, что он только секунду назад сомкнул веки, и вот опять, какой уже раз, его пробудил мягкий голос, от которого нервная дрожь обдает холодом вдоль спины.

Тело реагировало машинально. Он еще не стряхнул сонную одурь, когда бронепластины боевого скафандра начали сдвигаться.

Пять секунд?

Он окончательно проснулся.

Месяц назад Денис бы не поверил, скажи ему кто-то, что от каюты до орудийной палубы можно добраться за пятнадцать секунд, да еще и в полной гермоэкипировке.

– Саня, живой?!

– Система сдохла! В нас пока не попали, но на второй палубе проблемы! Включайся!

Бездна рванулась навстречу мириадами звезд, сотнями целей.

Фрегат «Артемида» двигался боевым курсом, плазменная установка главного калибра только что произвела выстрел, борта озаряли вспышки от работы пусковых ракетных шахт и непрерывного огня артиллерийских комплексов.

За кораблем тянулся длинный шлейф обломков, но лишь малая часть «условно изуродованных» фрагментов брони и механизмов принадлежала фрегату.

Командор Дымов, пожалуй, будет доволен – промелькнула в рассудке Савичева торжествующая мысль.

Глава 3

Нет пространства более непредсказуемого и опасного, чем карантинные секторы Периферии. Здесь все обманчиво, ненадежно – никогда не знаешь, с кем или с чем ты встретишься, сделав очередной шаг.

Эрест Норг Логвил. Мои путешествия.

Издание 2645 года.

Граница неисследованных секторов пространства Планета А-2374-ХК по универсальному каталогу. Разведывательное звено капитана Кречетова. Июнь 2650 года. Автономный режим…

Утро наступило теплое и тихое.

Капельки росы дрожали на широких листьях экзотических растений, столбы света, прорываясь сквозь кроны деревьев, пронзали лесной сумрак, мошкара вилась в солнечных лучах, в овраге, перекатываясь через камушки, звенел ручей.

Иван сидел на замшелом, выступающем из земли валуне. Удивительные звуки окружали его. Щебет птиц, какое-то уханье, крики животных, шелест растительности, взъерошенной утренним ветерком, – как будто оказался в заповеднике.

Неподалеку, под сенью высоких, похожих на папоротники растений застыли хищные контуры трех аэрокосмических истребителей класса «Пума»[12].

Обычный разведывательный вылет внезапно обернулся ошеломляющим открытием. Обнаружить в границах карантинных секторов Периферии планету земного типа, не затронутую войной, граничило с чудом.

Капитан Кречетов за время службы повидал немало кислородных миров, но нигде не встречал ничего подобного. Война обезобразила большинство пригодных для жизни планет. Лишившись биосфер, они считались обитаемыми лишь в силу неодолимых обстоятельств. Сохранившиеся военные или колониальные инфраструктуры позволяли существовать небольшим анклавам поселенцев в условиях, которые трудно назвать жизнью. Горы искореженного металла, разрушенные города, пыльные, изрытые укреплениями, носящие следы орбитальных бомбардировок пустоши – вот стандартный, или, если можно так выразиться, среднестатистический тип ландшафта, встречавшегося сейчас на большинстве обитаемых планет.

Иван лишь покачал головой в ответ своим мыслям.

Трудно оторвать взгляд от окружающих пейзажей, хотелось сидеть и наслаждаться ими, удивляться разнообразию природы. Доминирующими растениями в девственном лесу являлись исполинские древовидные

«грибы». Они росли ярусами, самые высокие из них имели неохватные «ножки» и широкие приподнятые по краям «шляпки» диаметром до тридцати метров. В тени древогов (так для удобства в общении пилоты окрестили исполинские одеревеневшие грибы) произрастал подлесок, состоящий из травянистых растений и кустарников, по земле стлался толстый ковер фиолетового мха, в некоторых местах он вздымался пологими бархатистыми возвышенностями. Просто уму непостижимо. Настоящий *живой* мир.

За спиной раздались шаги.

– Не спится, командир?

Лейтенант Стилмайер только что вышел из дезинфекционного тамбура, расположенного перед входом в просторную надувную конструкцию, поделенную на три сегмента: жилой, лабораторный и медицинский.

– В том-то и дело. – Иван завороженно следил, как стайка пернатых существ порхает в просвете между уровнями растительности, изредка появляясь в столбах света, вспыхивая переливчатым оперением и тут же исчезая, сливаясь с сумраком, царящим под огромными одеревеневшими шляпками грибовидных деревьев. – Как будто сплю и вижу нереально красивый сон… И вдруг накатывает дрожь. Кажется, сейчас деревья начнут падать, помнишь, как это было в системе Жане, когда из леса на нас поперли серв-машины Альянса?

Дима уселся рядом с ним на замшелый бугорок.

– Да, командир… Глубоко в тебя въелась война.

Кречетов не стал спорить. Действительно так. Взгляд радуется, а душа стынет в непонятном предчувствии. Будто во Вселенной уже не осталось мест, где можно просто любоваться природой, не думая об опасности.

– Нельзя расслабляться.

– Почему? Никаких признаков угрозы.

– Все равно – нельзя, – упрямо повторил Кречетов. Подсознательно он чувствовал опасность, но не мог обнаружить ее явного источника, а мысли копились, тревожили, требовали выхода, и он решил поделиться с лейтенантом своими сомнениями:

– Мы находимся в границах «сферы слепых рывков»[13]. Ну, хорошо, допустим, что ни один из сотен колониальных транспортов не попал «милостью» гиперсферы именно в эту звездную систему. Такую случайность я еще допускаю. Но мы точно знаем, что разведывательные

корабли Альянса скрупулезно исследовали сектор, они десятилетиями работали в режиме автономного поиска, периодически транслируя накопленные картографические данные на серверы Линии Хаммера. Через такое «сито» планета земного типа не проскочит.

– Но данных по ней в трофейных архивах не найдено, – напомнил Стилмайер.

– Вот это и настораживает. Почему? Что, если сведения строго засекречены и не попали в общие базы данных?

– Умеешь ты настроение испортить. – Дима встал, потянулся. – Ну не обнаружили мы ничего! Ни искусственных спутников, ни обломков на орбите. Чистая система…

– Где еще не исследовано пять планет, – завершил его мысль Кречетов.

– Да брось. Мертвые куски камня. Первая слишком горячая, газовый гигант вообще не в счет, четвертая, пятая и шестая – в зоне абсолютного холода.

– Я не о людях сейчас думаю.

– Машины? Да они бы нашпиговали всю систему датчиками раннего обнаружения. Вот погоди, скоро наночастицы развернут полноценную сеть, тогда и посмотрим, кто из нас прав.

Иван промолчал в ответ.

В душе ощущение восторженной созерцательности странным образом уживалось, смешивалось с тревожным ожиданием каких-то скорых и неизбежных событий.

– Пойдем, прогуляемся. – Иван встал, привычным жестом опустил проекционное забрало боевого шлема. – У меня непонятный сигнал на сканерах. Вроде как вкрапление металла в шляпке древога, метров четыреста к северо-западу. – Саша, – вызвал он третьего пилота звена. – Мы на разведку.

– Понял тебя, командир. Я в лабораторном модуле, провожу анализ проб грунта.

Стилмайер тут же преобразился. Командир прав, расслабляться не следует.

* * *

Легкая, но надежная экипировка пилотов не стесняла движений. Боевые скафандры, разработанные специально для летного состава, обеспечивали высокий уровень защиты, но весили намного меньше общеармейских образцов за счет применения в их конструкции материалов

нового поколения.

Кречетов и Стилмайер двигались под сенью фантастического леса, любуясь местными красотами, не задумываясь о проблемах ежесекундного прессинга со стороны чуждой биосферы, лишь изредка, когда индикаторы дыхательных фильтров вдруг выбрасывали световые столбики в красную зону, они обращали внимание на окружающие растения, сканируя и занося в память кибстеков[14] те виды, что, по мнению систем жизнеобеспечения, являлись источниками повышенной агрессивности окружающей среды.

В остальном их пешая прогулка носила познавательный и созерцательный характер.

Под ногами упруго проминался ковер мха. Сочные оттенки фиолетового преобладали в устилающем землю покрове, кусты и травянистые растения отличались мясистыми листьями различных форм, высокая влажность и затененность создавали эффект сумеречного окружения, в котором особенно красиво смотрелись столбы солнечного света, прорывающиеся между «шляпками» исполинских одеревеневших грибов.

В некоторых местах молодая поросль создавала подобие лестниц – древоги различной высоты плотно лепились друг к другу, формируя уступчатые подъемы, ведущие к верхнему ярусу леса.

Кречетов остановился.

Вкрапление металла теперь сканировалось отчетливо. Оно имело неправильную форму, но по-прежнему выделялось как явная аномалия на фоне органики. Очередная «лестница» вздымалась на двадцатиметровую высоту. Иван пристально осмотрел «родительский» древог. В том месте, где закручивающаяся вокруг ствола поросль поднималась до нужного уровня, в толстой «шляпке» огромного гриба виднелась прореха. Случайное совпадение, или кто-то периодически пользовался природной лестницей, чтобы подниматься наверх?

– Что думаешь? – Он указал на отверстие с неровными краями.

– Кто-то прогрыз? – предположил Дима.

– Зачем?

– Поднимемся, посмотрим?

Иван кивнул.

Боевые подсистемы экипировки тревожных сигналов не подавали. «Наверху, наверное, жарко», – подумал он, пробуя на прочность первую из ступенек созданной природой «лестницы».

Подъем давался легко. Молодые древоги имели достаточную

прочность, чтобы выдержать вес человека в боевой экипировке. По мере восхождения панорама окрестностей менялась, ковер фиолетового мха постепенно исчез за дымкой испарений, взору открывались все новые и новые ярусы вогнутых по центру и приподнятых по краям «шляпок» древогов, окрашенных во всевозможные оттенки коричневого цвета. В углублениях поблескивали лужицы, а порой и небольшие озерца воды, необычайно шустрые летающие и ползающие существа сновали вокруг, создавая тревожный фон мелких засечек на визорах боевых шлемов.

Иван первым добрался до внушительного отверстия, осмотрел его края.

– Действительно, кто-то прогрыз, – он указал на характерные отметины от зубов. – Достаточно крупное животное.

– Наверное, вода, скапливающаяся в углублении шляпок, привлекает мелкую живность, – произнес Стилмайер. – Ну а на зверьков охотится кто-то крупный.

– Умеющий хорошо лазить, но неспособный прыгать с одного яруса леса на другой? Иначе зачем выгрызать отверстие, да еще и у самого основания ножки? Озерцо наверху теперь наверняка пересохло. – Иван пролез в отверстие, проделанное неведомым хищником, осмотрелся, затем выбрался на поверхность шляпки древога.

Первое, что бросилось в глаза, – это начисто обглоданный скелет неизвестного животного. Кречетов сверился с базами данных. По строению останки оказались схожими со скелетом земноводного. Скорее всего, жертвой неизвестного хищника стала крупная ящерица.

Стилмайер присвистнул.

– Ничего себе. Да тут костей, как в музее палеонтологии!

Действительно, дно высохшего озерка устилали желтоватые костные останки множества различных представителей местной фауны.

– Сканируются мелкие частицы металла, – заметил Кречетов. – А вкрапление, что засекли датчики, расположено вон там, – он вытянул руку, – ближе к краю.

– Здесь кто-то обитал! – осмотревшись, воскликнул Стилмайер. – Взгляни, командир!

Действительно, на берегу пересохшего водоема, отмеченного границей изменения цвета и структуры шляпки древога, виднелись обветшалые, покосившиеся сооружения, выполненные из гибких ветвей кустарника: пять хижин и навес.

– Вот тебе и необитаемая планета… – озадаченно произнес Стилмайер.

– Следы костра. – Иван остановился, рассматривая выложенный из камней очаг. Развернувшись, Кречетов зафиксировал сканерами ближайший к нему небольшой осколок металла, прошел несколько метров, наклонился, вытащил из-под костей что-то длинное. – Стрела! С металлическим наконечником! Это фрагмент обшивки колониального транспорта, судя по данным сканирования! – потрясенно произнес он.

– Колония, деградировавшая до первобытного уровня? – Стилмайер был удивлен не меньше командира. – Но как мы пропустили зону посадки при облете планеты?

– Неудивительно, учитывая, что наши сканеры работали в режиме пассивного приема[15]. Все же четыреста лет прошло. Зона посадки давно заросла древогами, а реактор транспорта, скорее всего, погашен.

Дмитрий тем временем наклонился, рассматривая какую-то отметину, затем прошел несколько метров к металлическому вкраплению.

– Тут заросшие дыры! Похоже, шляпку прошило очередью из импульсного орудия! Взгляни, командир!

Кречетов подошел к лейтенанту, включил специализированный сканер, замерил расстояние между светлыми пятнами древесины, затянувшей отверстия.

Система анализа обработала данные и выдала результат: огонь велся из курсового автоматического орудия истребителя класса «Фантом».

– Пойдем взглянем, что за груда металла там, на краю?

Через минуту, срезав часть древесины, они добрались до обломков изуродованного разведывательного зонда.

– Наш. Образца 2629 года, – завершив сканирование, произнес Иван.

– Вот тебе и необитаемая планета. – Дима присел. – Что делать будем? Искать место посадки колониального транспорта?

– Для начала соберем материальные свидетельства и вернемся на базу, – ответил Иван. – Поиск колониального транспорта не входит в нашу задачу. Кстати, обратил внимание на форму наконечника стрелы?

– Он сделан из оплавленного фрагмента обшивки подходящей формы. И не заточен при помощи инструментов.

– Это говорит в пользу крушения и полной деградации потомков выживших колонистов. Скорее всего, они живут небольшими группами, кочующими по ярусам огромного леса. – Иван взглянул в сторону покинутых хижин. «Похоже на лагерь охотников», – подумал он. – В любом случае контакт с потомками колонистов устанавливать не нам, – вслух произнес Кречетов. – Этим займутся ученые и специальные гуманитарные

миссии.

Стилмайер лишь молча кивнул.

Действительно, внезапный контакт с «пришельцами» в лучшем случае напугает коренных жителей планеты. Такой тонкий вопрос лучше оставить специалистам.

– Зонд я идентифицировал, строения снял. Вот еще пара наконечников стрел, причем один из них каменный. Возвращаемся, больше тут делать нечего.

Во временном лагере их ожидали неприятные новости.

– Наномашины достигли орбиты шестой планеты и сформировали сеть, – доложил Александр, когда Иван и Дмитрий прошли процедуру дезинфекции, сняли экипировку и появились на пороге тактического модуля.

– Что обнаружил? – Кречетов сел в кресло (надувное, как и вся меблировка мобильного убежища).

– Поначалу лишь ледники, скрытые под толщей пыли. Никаких подозрительных сигнатур, как и предполагалось – лед и камень. Но взгляните на это. – Он развернул данные, полученные несколько минут назад через сеть наномашин.

Перед капитаном Кречетовым сформировался голографический экран.

Часть нанороботов, оседая на поверхность планеты, попала в огромный кратер, образовавшийся в результате удара крупного астероида. Поначалу объемное изображение крутых, обрывистых склонов не вызывало вопросов или подозрений. Обычный шрам на теле планеты, след давнего катаклизма. С высоты четко просматривалось застывшее лавовое поле, усеянное обломками скал.

– Так в чем проблема? – не выдержал Стилмайер.

– Терпение, – лейтенант Мещеренков ускорил воспроизведение полученной записи.

Стоило микросканерам опуститься ниже, как вдруг в очертаниях рельефа начали проявляться смутно очерченные контуры рукотворных конструкций, от вида которых озноб продирал по коже.

На дне кратера, сливаясь с неровностями ландшафта, проступали очертания припорошенных пылью исполинских запирающих плит стартовых сегментов подземного космодрома! Характерные конструкции, расположенные горизонтально, было трудно спутать с чем-либо или принять за игру воображения, даже резко очерченные тени от скал не мешали мгновенной оценке увиденного.

– Двенадцать стартовых сегментов! – взволнованно

прокомментировал лейтенант Мещеренков. – Два крейсерских, шесть класса «фрегат» и еще четыре – сотовые, предназначенные для запуска корветов и истребителей!

Иван с трудом справился с внезапным потрясением. Теперь ему стало понятно, почему разведгруппе предписывалось действовать с крайней осторожностью, используя только датчики пассивного приема и наночастицы, обнаружить которые фактически невозможно. Видимо, командование имело какие-то предварительные, непроверенные данные о наличии в этом секторе пространства базы Земного Альянса.

– Что в других регионах планеты? – спросил он.

– Таких же неоспоримых изображений больше получить не удалось, – ответил Александр. – Планета испещрена кратерами. Сигнатуры активных энергосистем либо замаскированы, либо попросту отсутствуют, что не противоречит режиму глубокой консервации. Обнаруженная структура подземных ангаров свидетельствует о дислокации эскадры, но наличие двух стартовых сегментов класса «крейсер» наводит на мысль о флоте, рассредоточенном по планетарным укрытиям.

– Не факт, – усомнился Стилмайер. – Не вижу вообще никаких признаков энергетической активности! – Он выразительно указал на карту распределения энергий, где фиксировались лишь термальные всплески, вызванные неравномерным нагревом поверхности, да сильное геомагнитное поле. – Наномашины не зафиксировали ни одного узла планетарной или противокосмической обороны, нет пространственных минных полей, датчиков раннего обнаружения, кораблей прикрытия, барража истребителей, наконец!

– Энергетическую активность на уровне бункерных зон легко замаскировать, – возразил Иван. – По их поверхности постоянно движутся пятна температурных аномалий, – он внимательно изучал карту распределения сигнатур. – Сканеры наномашин не в состоянии сортировать энергоматрицы или выделять их из общего фона. Что, к примеру, расположено вот тут? – Он указал на ярко освещенный участок поверхности, граничащий с глубокой тенью от скал.

– Трудно сказать, – признал Стилмайер. – Но, командир, кроме карты сигнатур должны быть и другие признаки активности машин! А что мы видим? Припорошенные пылью створы стартовых сегментов? Да они наверняка пустуют, иначе мы встретили бы плотное сопротивление сразу после выхода из пространства гиперсферы!

– Не согласен, – высказал свое мнение Александр. Запустив повтор воспроизведения, он указал на склоны кратера. – Если присмотреться, то

некоторые выступы можно характеризовать как скрытые позиции средств ПКО. Думаю, что командир прав, база законсервирована, поэтому избран простой и, нужно сказать, эффективный вариант маскировки. Чтобы обнаружить искусственные сооружения, необходимо выйти на орбиту планеты и сканировать сотни кратеров. Нам в буквальном смысле повезло. Системы обороны находятся в энергосберегающем режиме. Некоторые из датчиков обнаружения наверняка работают, но переведены на пассивный прием. Любой искусственный объект крупнее наноробота был бы распознан ими еще на подступах и уничтожен.

– Слишком рискованный способ маскировки! – никак не унимался Дмитрий. – И слишком «чистенькая» система. Ни обломков, ни датчиков, ни кораблей материально-технического обеспечения!

– Признаков незавершенного строительства тоже нет, – выслушав его мнение, подытожил капитан Кречетов. – Значит, база была достроена и сдана в эксплуатацию. Два стартовых крейсерских сегмента для одной эскадры – это явный перебор. Значит, тут предполагалось базировать флот. А ресурсы для самоподдержания не всегда добываются специализированными кораблями. Полезные ископаемые есть и в недрах планеты.

– Ну, и каков вывод?

– Мы обнаружили место дислокации одного из трех флотов Альянса, предназначенного для новой, так и не начавшейся фазы боевых действий. В трофейной документации есть упоминания о плане массированной атаки на Форт Стеллар, Кьюиг и Элио силами трех ударных флотов, базирующихся за границами исследованного нами космоса.

– Да, идеально подходит под наш случай. – Мещеренков продолжал пытливо рассматривать карту распределения энергетических полей. – Базу построили, но укомплектовали ли ее флотом? Вот в чем заключается главный вопрос.

– Дистанционным сканированием мы ничего не узнаем, – буркнул Стилмайер.

– Сближаться с планетой слишком рискованно, – возразил Кречетов. – Нужно возвращаться, доложить в штаб флота. Разворошим муравейник – бед не оберемся.

– Значит, сворачиваемся?

– Без вариантов, – кивнул Кречетов. – Покидаем систему в режиме полной маскировки. Сообщение отправим при промежуточном всплытии. Все, мужики, за работу!

…Они только приступили к демонтажу временного лагеря, когда

внезапно сработали датчики внешнего периметра, и почти сразу в районе стоянки истребителей появились пригибающиеся, перебегающие от укрытия к укрытию человеческие фигуры.

– Фрайг, это еще кто? Аборигены?!

В ответ на восклицание Стилмайера сухо ударили автоматные очереди, пули вспороли землю у его ног, с сухим хлопком разорвали полотнище наполненной воздухом секции надувного убежища.

Били с трех сторон. Дима отреагировал мгновенно, нырнув за ближайшее укрытие. Короткоствольный «Шторм» он успел выхватить, как только сработала охранная система, и теперь, оказавшись за поваленным стволом древона, открыл ответный огонь, заметив, как одну из человекоподобных фигур отбросило назад.

– Командир!

Справа и слева ударили выстрелы. С обеих сторон использовалось импульсное оружие, и версия о неразумном набеге деградировавших потомков колонистов отпала сама собой.

– Прорываемся к машинам! – раздался в коммуникаторе приказ Кречетова.

Стилмайер дал очередь, резко привстал, намереваясь короткой перебежкой достичь следующего укрытия, как вдруг левое плечо окатило болью, рука моментально онемела, он пошатнулся и потерял равновесие, оседая на землю.

– Снайпер! – хрипло выдавил он в коммуникатор.

– Засек его! – мгновенно отозвался Мещеренков.

Бой разгорелся, как лесной пожар. Бесноватый напор атакующих сбивал с толку, было непонятно, кто они, почему напали, но времени на размышления не оставалось – пули рвали полотнище медленно оседающей палатки, разбивали оборудование, вспарывали мох, подрубали кустарник, плотный огонь не давал поднять головы, а враги подбирались все ближе…

Стилмайер невнятно выругался, пытаясь оценить тяжесть ранения, но оказалось, что броня выдержала – датчик кровотечения даже не взморгнул, лишь окружающий мир на миг «поплыл» перед глазами, но система метаболической коррекции тут же отреагировала инъекцией боевого стимулятора.

Ток крови глухо ощущался в висках.

БСК[16] устойчиво фиксировал двадцать шесть активных сигнатур, и это только в направлении стоянки истребителей!

– Командир, к машинам не пробьемся! Нужно отходить!

Кречетов не отвечал. Слева отчетливо работал автомат лейтенанта Мещеренкова. Дима, не дождавшись ответа, привстал, прошил пространство перед укрытием веером игольчатых пуль и рванулся туда, где системы слежения фиксировали личный датчик командира группы.

Что, фрайг побери, происходит?!

Он четко зафиксировал, как трое бойцов в безликой, унитарной экипировке рухнули, прошитые его очередью. Стилмайер видел брызги крови – каждый из них, учитывая скорострельность «Шторма», получил не менее десятка ранений, но лишь один остался лежать на земле, двое пружинисто вскочили, и Диме пришлось израсходовать остаток боекомплекта, чтобы вновь повалить их наземь.

Перезаряжая автомат, он откатился в сторону, под прикрытие мощного ствола древона, успев заметить, как метрах в двадцати по направлению стоянки истребителей появилась еще одна группа вражеских бойцов.

Урча двигателем, проминая просеку в кустарнике, к лагерю пилотов двигалась БМК[17].

– Командир!

Капитан не ответил. Сейчас его личный датчик сканировался метрах в пятнадцати от позиции Стилмайера. Статичный сигнал указывал, что Иван ранен и потерял сознание.

– Саша, прикрой, командира ранило!

Дима, перебегая от дерева к дереву, попытался приблизиться к распростертому на земле телу капитана Кречетова, но его встретил плотный огонь курсовых орудий БМК. Тугая серия разрывов на миг вздыбилась оранжево-черной стеной, взрывная волна сбила лейтенанта с ног, но он тут же приподнялся, фиксируя обстановку.

Двое вражеских бойцов тащили безвольное тело капитана Кречетова к бронемашине. За командиром по фиолетовому мху тянулся ясно различимый след крови!

Прицелившись, не обращая внимания на шквальный подавляющий огонь, Стилмайер в исступлении достал очередью одного из похитителей, но второй тут же рухнул на землю, ловко прикрывшись телом капитана.

Вот тварь!

Снова рявкнули курсовые орудия БМК. Огромный древон перерубило у самого корня, и он начал падать, Дима едва успел отскочить назад, как земля содрогнулась, раздался треск – шляпка одеревеневшего гриба разламывалась на куски, подминая кустарниковые заросли.

Не успел… Проклятье… Не успел...

Боевая тактическая система захлебывалась сигналами. Противник подобрался почти вплотную, лейтенанта намеренно отсекали от командира, лезли нагло, невзирая на потери. Импульсный «Шторм» – идеальное оружие ближнего боя, на дистанциях в двадцать-тридцать метров его игольчатые пули с легкостью пробивают среднюю броню, и перед позицией лейтенанта Стилмайера уже валялось с десяток тел, но противник, столь неожиданно атаковавший временный лагерь разведгруппы, постоянно получал подкрепления.

Глухо взревел двигатель бронемашины.

БМК разворачивалась, явно намереваясь отступить.

– Дима, отходи, прикрываю! – голос лейтенанта Мещеренкова пробился сквозь поставленные помехи.

– Саша, они командира взяли!

– Отходи! Не пробьемся!

Злоба кипела, рвалась хрипом, сумерки, царящие под плоскими кронами грибовидного леса, скрывали силуэты десятков бойцов, автоматные очереди проносились зримыми трассами, разбивая препятствия в сладковатую щепу, сзади зло и раскатисто ударил ИПК – это Сашка успел сменить оружие и теперь резал короткими прицельными очередями, давая Стилмайеру возможность отойти, разорвать дистанцию с противником, подобравшимся практически вплотную.

«Мертвым я командиру точно ни на что не сгожусь», – промелькнула злая, но справедливая мысль. Сколь ни велика была сиюсекундная злоба, Дима заставил себя внять голосу рассудка, ужом отполз назад, привстал на колено за изрешеченным компьютерным терминалом, подле которого распласталось изорванное полотнище палатки, рядом валялись два тела. У одного пулеметной очередью разворотило плечо, обнажая тусклый металл искусственного скелета, в просторечье – эндоостова.

Кровь и металл!

Киборги?!

– Саша, в темпе! Прикрываю! – Стилмайер, совершив рискованный рывок через разоренный внезапным вторжением лагерь, успел сменить короткоствольный «Шторм» на мощную снайперскую «ИМ-200», взятую из разбитого оружейного кофра.

«Киборги… Откуда бы им взяться? Какая-то из неизвестных нам разработок Альянса?! Поосторожничали, прохлопали форпост на планете?»

Он выглянул из-за ствола древона, в который только что впилось с десяток пуль.

В оперативном окне боевой подсистемы пылали сигнатуры

человекоподобных кибернетических организмов, некоторые из них заняли позиции подле захваченной стоянки истребителей, остальные, получив подкрепление, предприняли повторную атаку на временный лагерь разведгруппы.

Личный датчик Кречетова теперь сканировался на удалении в километр, совмещаясь с блеклыми сигнатурами вражеских механизмов. Жив командир. Единственное, что вселяло надежду, в остальном положение складывалось критическое.

Киборги демонстрировали недюжинную выносливость и отличные боевые навыки. Пятеро из новой волны нападавших залегли, ведя подавляющий огонь, остальные, разбившись на группы, обходили лагерь с флангов. Частоты связи постоянно глушили помехами, Стилмайер уже дважды пытался поднять истребитель дистанционной командой, но тщетно.

Значит, все-таки придется уходить, отрываться от преследования, а уж затем искать какие-то варианты спасения командира.

Мещеренков сменил позицию. Его обходили шестеро киборгов, прикрываясь поваленными древонами, которые подрубило очередями курсовых орудий боевой машины космодесанта. По фронту сканировались пятеро. Еще семеро куда-то исчезли, и это скверно…

Оценив обстановку, Стилмайер приготовил плазменную гранату. Лагерь следовало уничтожить. Оборудование содержало данные разведки, отдавать их в руки противника недопустимо.

– Дима, где ты застрял?!

– Держи позицию! У тебя шестеро за поваленными деревьями!

– Вижу!

– Прижми их! Я зачищаю лагерь!

– Понял!

Дима метнул гранату, рывком ушел в направлении Мещеренкова. Дела у лейтенанта складывались неплохо. Двое киборгов распластались на земле, четверо, прячась за поваленными древонами, чего-то ждали, изредка огрызаясь огнем.

Сзади полыхнула ослепительная вспышка. Раскаленный воздух крутанулся смерчем, несколько деревьев вспыхнули, в тылу проявились и тут же померкли сигнатуры тех семерых, что совершали глубокий обходной маневр.

Впереди за буреломом овраг, по которому тек ручей.

Стилмайер остановился и, целясь по показаниям сканеров, произвел серию одиночных выстрелов. Мощные заряды двухсотого «ИМа» навылет

пробивали поваленные стволы, поражая прячущихся за ними киборгов.

Четыре из четырех!

– Саша, уходим к оврагу!

– Понял! – Мещеренков обогнул участок бурелома, и тут же из-за поваленных деревьев ударил его ИПК.

«Киборги… Живучие твари! Я ведь положил всех!»

Сзади занимался лесной пожар. Впереди не смолкал автоматический огонь. С левого фланга пятеро киборгов, те, что залегли в самом начале повторной атаки, продолжали вести шквальный, но уже неприцельный огонь.

Поняв, что пилоты сейчас ускользнут, они тоже поднялись в атаку.

Рокот ИПК внезапно стих. Стилмайер, обогнув нагромождение поваленных деревьев, на миг остановился.

Лагерь сгорел, истребители захвачены противником, датчик командира уже не сканировался из-за расстояния и помех, короче, полный разгром. Два десятка уничтоженных киборгов не в счет. Невелика победа…

– Отходим! – раздался по связи голос Мещеренкова.

«Да, нужно отрываться от преследования», – лихорадочно соображал Стилмайер, ведя снайперский огонь по преследователям. Один из них после попадания в грудь рухнул навзничь, но тут же вскочил.

«Прав Сашка, долго мы в таком темпе не продержимся». Киборги демонстрировали невероятную выносливость, они не ослабляли напор, продолжали атаковать, хотя каждый из них уже получил по нескольку ранений.

– Серв-машина! Четкая сигнатура, двадцать градусов к западу! «Хоплит»!

А вот это уже серьезно. Дима почувствовал, как волной накатили липкий ужас, ощущение бессилия, когда понимаешь, что против тебя выпустили натуральное исчадие военных технологий. От серв-машины не убежишь, ее не подобьешь при помощи легкого стрелкового оружия, даже плазменные гранаты вряд ли причинят значительный вред шагающему исполину.

Мещеренков, отстреливаясь, уходил в сторону оврага. Стилмайер перевел импульсную винтовку в режим автоматического огня, резанул несколькими очередями по опасно приблизившимся противникам, уже на бегу отметив, что предел выносливости у кибернетических организмов все же есть – двое преследователей так и не сумели подняться.

Скатившись по отлогому склону, он сориентировался, поймал сигнал личного датчика Мещеренкова, понял, что тот ушел в боковое ответвление,

двигаясь наперерез курсу серв-машины. Выходить на связь сейчас было опасно, «Хоплит» наверняка сканировал частоты, и потому Дима молча рванул следом за Сашкой, не понимая, что тот задумал, вынужденно подчиняясь стремительному развитию событий.

Работу сканеров он приглушил, чтобы не выдать своего местоположения. «Хоплит», конечно, отыщет их, тут, как говорится, без вариантов, но облегчать задачу поиска целей для кибернетической системы он не собирался. Пусть порыскает, может, еще придумаем, как уйти от преследования.

За очередным поворотом, среди кустарникового подлеска, мелькнула и пропала фигура в летной экипировке.

«Куда же ты рвешься, Сашка?»

Еще один поворот.

Сигнатура «Хоплита» постепенно начала отдаляться. И то дело. На сканерах обозначился смутно очерченный контур какой-то постройки. Откуда тут строения? Неужели где-то поблизости место посадки колониального транспорта? Нет, не может быть! Мы бы заметили Цоколь при облете планеты!

– Дима, сюда! – Сашка все же рискнул выйти на связь.

– Тишина в эфире! Вижу тебя!

Передатчик отключился. «Хоплит», похоже, их не обнаружил, серв-машина продолжала постепенно удаляться, даже без систем обнаружения было видно, как огромные шляпки древонов вздрагивают, начинают крениться, а затем вдруг с треском разламываются под тупым и ритмичным напором сорока пяти тонн сервоприводного металла.

– Что тут? – Дима использовал лазерную связь на дистанции прямой видимости.

– Керамлит и бетон! Древнее убежище!

– Сомнительный выбор… – Стилмайер, пытаясь отдышаться после быстрого, надрывного бега, уперся руками в колени. – «Хоплит» обязательно обнаружит укрепление!

– Тут сканируется сетка непонятных подземелий. Для серв-машины слишком тесные, ну а если сунутся киборги, с ними будет легче справиться в узких пространствах!

– Согласен… – Стилмайер осмотрелся по сторонам. – Все равно других вариантов нет. Давай, попытаемся войти!

Подземелья, куда проникли пилоты, напоминали настоящий лабиринт. Бетоном и керамлитом был укреплен только вход в разветвленную систему загадочных коммуникаций. Впрочем, загадка возникновения тоннелей

решилась достаточно быстро. Стены, пол и потолок просторных тоннелей оказались выполненными из знакомой коричневатой древесины, в замкнутом пространстве было сыро, клубился туман токсичных испарений.

– Это корневая система древонов! Полые корни! – голос Мещеренкова, работавшего с комплексным сканером, звучал напряженно. – Датчики не в состоянии отследить, насколько далеко уходит сеть тоннелей!

– Думаю, она общая для большинства деревьев, – тяжело дыша, предположил Стилмайер. – Двигаемся вглубь. Там решим, что делать дальше.

Первым, обо что споткнулся Мещеренков, оказался остов древнего андроида колониальной серии. Александр взглянул на данные сканирования. Реактор погашен, энергетическая активность – ноль, пеноплоть и материал защитных кожухов, имитирующих рельеф мускулатуры, – все содрано, обнаженные сервоприводы покрыты окислами, ядро системы разбито, на прочном дымчатом бронепластике, защищающем кибернетические компоненты, видны следы острых когтей или зубов.

– Ну и зверушки тут водятся! – изумленно присвистнул Дима, разглядывая останки человекоподобной машины.

Александр, продолжая сканирование, быстро двигался вперед.

– Древесина живая, – по ходу комментировал он. – Потому и не сгнила под землей. Посмотри, как прихотливо изгибается тоннель. И сетка подземелий не имеет четкой системы, характерной для искусственно созданных убежищ. Это сплетение полых корней, точно тебе говорю.

– Андроида видел?

– Не слепой. Видел, конечно. Он тут ржавеет не первую сотню лет.

– Хочешь сказать, что колонисты использовали корневую систему в качестве идеального природного убежища?

– Насчет «идеального» ты, Дима, погорячился. Не хотел бы я встретиться с той тварью, что ободрала колониального дройда до самого остова. Да и токсинов тут хватает.

– Ладно, что делать будем? – Стилмайер перешел с шага на бег, догоняя Мещеренкова.

Саша остановился у развилки.

– Замаскируем наши сигнатуры, понизим энергопотребление до минимума и попробуем уйти как можно дальше по сетке тоннелей. По крайней мере, от преследования «Хоплита» точно оторвемся. Возможно, что и киборги наш след потеряют.

– Согласен. – Стилмайер совершил необходимые манипуляции с

системами экипировки, затем включил обыкновенный фонарь вместо устройства тепловизора, посветил в глубь правого ответвления.

– Пошли, что ли?

Около километра пилоты двигались в напряженном молчании. Несколько раз сменив направление, они постепенно удалялись от точки входа в подземелья, одновременно запутывая следы на случай преследования со стороны киборгов.

Вскоре им стали попадаться внушительных размеров полые образования, расположенные на пересечении отдельных тоннелей.

– Тут некоторое время обитали колонисты. – Дима остановился, осветив лучом фонаря две переборки, герметизирующие участок корневой системы древонов, пластиковый стол, несколько древних компьютерных терминалов, бытовой отсек, каким-то образом протащенный сюда, следы спальных мест, покосившиеся шкафчики…

– Колониальный транспорт «Фобос», – прочел Саша маркировку на компьютерном терминале.

– Интересно, куда подевались колонисты? Почему они покинули надежное убежище?

– Это сейчас не важно. Нужно думать, как нам отыскать командира, отбить истребители и вырваться отсюда.

– Да, проблема… Слушай, давай все же задействуем сканеры. Сплетение корней тянется, как я понимаю, на десятки, если не сотни километров. Блуждать наугад мы тут можем до старости.

– Обнаружить лагерь или базу киборгов было бы неплохо, – согласился Мещеренков. – Как ты думаешь, кто их создал? Может, они и есть – потомки колонистов?

– Ага. А «Хоплит»? Прирученное «эхо войны»? И вооружение у киборгов вполне современное, заметил?

– Почему они прекратили преследование, вот что меня беспокоит.

– Может, знают об этих тоннелях что-то такое… неприятное в общем.

– Типа хищника, который разорвал колониального андроида?

– Лично мне без разницы. Если здесь водятся какие-то твари, то в любом случае предпочтительнее встреча с ними, чем с «Хоплитом». Подключаем сканеры и двигаемся по этим подземельям, пока не обнаружим их базу.

Дмитрий кивнул. Все же от вида артефактов эпохи четырехсотлетней давности возникало мистическое чувство соприкосновения с далеким легендарным прошлым, но оно промелькнуло и исчезло.

Археологические открытия подождут.

Сейчас главное – найти базу киборгов, чтобы понять: откуда они взялись и как действовать дальше?

Последующие десять часов пилоты двигались по кажущемуся бесконечным подземному лабиринту.

Системы сканирования помогали не повторять уже пройденного пути. Они преодолели около пятидесяти километров запутанных, переплетающихся между собой коммуникаций, не встретив на своем пути явной опасности и не сделав никаких новых открытий. Силы обоих уже были на исходе, когда на пределе сферы эффективного сканирования появился нечеткий сигнал.

– Энергоматрица. Сигнатура простая. Скорее всего, какой-то источник энергии.

– На поверхности?

– Нет. Под землей.

– Может, сохранившееся до наших дней поселение? Было бы неплохо вступить в контакт с местными. Они-то наверняка должны знать, где расположена база пришельцев из космоса. Цивилизация, деградировавшая до первобытного уровня, наверное, воспринимает их как богов.

– Сейчас проверим. До сигнала примерно два километра. Осилим?

– А какие варианты? Пошли!

Разветвленная корневая система, внутри которой двигались Александр и Дмитрий, постепенно начала деформироваться: если на протяжении многих километров природные тоннели залегали сравнительно неглубоко, повторяя плавные перепады равнинного рельефа, то по мере приближения к загадочному источнику энергии сеть подземных тоннелей стала уходить в глубину, в структуре одеревеневших стен все чаще попадались следы явных разрывов. В таких местах от свода внутрь полых корней свисали похожие на сталактиты потеки застывшего смолистого вещества.

Стилмайер остановился, сканируя еще не пройденный участок пути.

На визоре боевого шлема отобразилась вогнутая по форме многокилометровой впадины, местами порванная структура искаженных природных тоннелей, как будто вдавленных на несвойственную глубину воздействием грубой внешней силы.

В центре деформаций системы обнаружения фиксировали металл и приглушенную, по-прежнему «размытую» энергетическую аномалию с нечеткими границами.

– Похоже на обломок космического корабля, – высказал свое мнение Мещеренков. – Говорят, что колониальные сферы последних поколений

были способны разделяться на сегменты в случае нештатных ситуаций.

– Думаешь, повреждения нанесены крушением корабля колонистов?

Саша молча указал лучом фонаря на разрыв полого корня. В конусе света было отчетливо видно, как медленно на протяжении многих десятилетий растение залечивало нанесенную рану, постепенно заполняя прореху наплывами смолянистого вещества.

– Шрам давно затянулся. – Он коснулся анализатором темно-коричневого наплыва. – Смола застыла три с половиной века назад. Так что «эхо войны» можно исключить смело.

– Ладно. Двигаемся дальше. Скоро сами все увидим. – Стилмайера сейчас меньше всего интересовала история колонизации планеты, тревога за командира не отпускала ни на секунду, да и соседство базы флота Альянса оптимизма не добавляло. – Помнишь, перед вылетом до нас доводили информацию о киборгах, пытавшихся подменить людей и захватить власть в системе Валерайн?

– Помню, конечно. Считаешь, это они?

– Когда мы патрулировали другие секторы, нас ни о чем подобном не предупреждали. А Варл пытались захватить два года назад. Не будь информация строго секретной, о киборгах, орудующих на Периферии, ходила бы масса слухов.

– Ну, значит, не зря нам информацию дали… – Мещеренков с трудом протиснулся в сужающийся деформированный тоннель. – Только не пойму, они что, с головой не дружат?

– В смысле?

– Ну, эти, киборги. Они вроде бы наша, колониальная разработка, только вышедшая из-под контроля, верно?

– Да.

– Вот я и спрашиваю: что они тут делают? Горя ищут? База Альянса неподалеку, разворошат механический муравейник – мало никому не покажется.

Стилмайер остановился.

– А может, они из-за этого тут и обосновались? Пытаются подобрать ключ к управлению флотом Альянса? Или просто наблюдают, хотят выяснить, есть корабли в подземных ангарах или нет.

Мещеренков лишь пожал плечами в ответ.

– Дим, от вопросов уже голова пухнет. Прежде надо отыскать командира, найти способ вытащить его. – Александр преодолел узкий, деформированный участок, выпрямился в полный рост, осмотрелся. В свете фонаря промелькнул фрагмент рукотворной конструкции. – Похоже,

пришли.

Подземелье, куда они попали, носило следы произошедшей много веков назад катастрофы. При крушении сегмент колониального транспорта пытался маневрировать двигателями планетарной тяги, что привело к возникновению остекленевшей впадины с отвесными стенами, похожей на небольшой кратер. Сверху раскаленный обломок космического корабля засыпало каменными обломками и тоннами почвы, отчего образовался неровный, потрескавшийся, низкий свод пещеры, местами соприкасающийся с изуродованной обшивкой космического скитальца.

Общую корневую систему древонов порвало и сожгло. В стенах пещеры на разных высотах зияли десятки отверстий, оставшихся на месте испепеленных подземных артерий, но кое-где через трещины в оплавленной породе пробились новые побеги – за столетия они окрепли, образуя мощные узловатые плетения, не дающие толком рассмотреть, насколько сильно пострадал сегмент колониального транспорта?

Мещеренков некоторое время водил лучом фонаря, потрясенно рассматривая жутковатое сюрреалистическое наполнение подземного склепа, затем молча начал пробираться вперед.

Стилмайер, двигаясь следом, задействовал все сканеры экипировки. На глубине двадцати с лишним метров маскировка теряла смысл, тем более что обломок колониального транспорта излучал собственную сигнатуру…

– Саня, это двигательная секция… – через некоторое время произнес Дмитрий. – Фон дает работа аварийного реактора. Примерно десять процентов мощности. Ты можешь себе представить? Работает спустя четыре сотни лет!

Мещеренков, пробравшись через сплетение узловатых корней, имевших всего около метра в сечении, заметил:

– А этим «грибам» требуется около тысячи лет, чтобы вырасти.

– Да и фрайг с ними! – грубовато откликнулся Стилмайер. – Я тебе про реактор говорю! Работает спустя четыре века!

– Слышу. Тут обшивка расколота. Можно протиснуться внутрь. – Александр боком пролез в расселину, образовавшуюся на стыке оплавленных бронеплит.

– Что там?

– Коридор. Работает аварийное освещение. Давай ко мне!

Дима, преодолев узкий лаз, осмотрелся.

– С ума сойти. Никогда не думал, что увижу такое.

– Нам с тобой крупно повезло. – Мещеренков осторожно двинулся вперед. – Секция гипердвигателя практически не пострадала.

– А толку от него?

– Можно попытаться отправить сообщение, если энергии хватит.

– Включать древний гипердвигатель? Сань, ты в своем уме? Знаешь, что произойдет, если контур высокой частоты задействовать на поверхности планеты?

– Знаю. Вынесет в аномалию вместе с изрядным куском окружающего вещества. Но стационарные гиперсферные передатчики на планетах работают?

– Ну и что? У них мощность не та, да и схема…

– Схему переделаем.

– Без вариатора частот? Кто, скажи на милость, примет наше сообщение?

– Станции мониторинга системы Элио, – уверенно ответил Александр. – Они ежесуточно сканируют все диапазоны внепространственной связи.

Освещенный красноватым сиянием коридор привел их к деформированной переборке с выбитым люком.

– Никого, – заглянув внутрь помещения, произнес Стилмайер.

– А ты ожидал встретить тут людей?

– Нет. Но все равно жутковато. – Дима прошел вперед, остановился у древнего, и потому кажущегося абсолютно незнакомым пульта управления. – Саш, ты действительно… рассчитываешь что-то выжать из этой рухляди?

Мещеренков сел в скрипнувшее кресло, смахнул пыль с приборных панелей.

– Нужно попробовать, – ответил он.

– Рискованно. – Стилмайер присел. После боя и десяти часов блужданий по тоннелям он ощущал свинцовую усталость. – Аппаратуре бог знает сколько лет. Да и киборги наверняка станут проверять все ключевые точки подземелий. Они ведь не дураки, верно? Планету базирования изучили, о сегментах колониального транспорта наверняка знают.

– Дима, не брюзжи. – Александр уже коснулся первого из переключателей. – Попытаться мы должны. Другого шанса для связи может вообще не представиться. Колониальная техника достаточно надежна, – он хотел подбодрить Стилмайера. – Если что-то пойдет не так, рисковать не стану, обещаю. Ну вот, – через некоторое время сообщил он. – Реактор можно вывести на пятнадцать процентов мощности. Этого нам достаточно. Правда, понадобится немного времени.

Стилмайер не ответил, он изучал повреждения боевого скафандра, полученные от попадания пуль и осколков. Настроение было паршивым… Полумрак подземелья давил на психику, чувство опасности не отпускало.

– Забились, как крысы в нору!.. – с досадой произнес он. – Я пошел, осмотрю подступы к сегменту. Надо хотя бы пару датчиков установить. Ты знаешь, как отправить сообщение?

– Я работаю. Ты лучше осмотрел бы пока смежные отсеки.

Стилмайер пожал плечами, переключил комплекс сканеров, задействовав менее мощные датчики, используемые в помещениях. Засветка, вызванная фоновым излучением реактора, исчезла, на визоре боевого шлема четче отобразилось серо-зеленоватое пространство поста управления, зажатое деформированными переборками. Аварийный реактор располагался ниже, на специальной палубе, которая также пострадала при катастрофической посадке сегмента.

– Реактор «фонит», заметил?

Мещеренков кивнул.

– Не страшно. Наша защита выдержит.

Стилмайер, осмотревшись, обнаружил два деформированных люка, ведущих в смежные с постом управления отсеки.

– Что конкретно мне искать?

– Рубку связи, – отозвался Мещеренков.

– Мы в двигательной секции, не забыл? – напомнил ему Дмитрий.

– Нет, не забыл. А где, по-твоему, у колониальных транспортов располагалась аппаратура ГЧ, предназначенная для установки на планете?

– Понятия не имею.

– Дим, не злись. Делай, что говорю. В идеале основной модуль «Фобоса»[18] должен был вернуться на Землю. Двигательные секции транспортной сферы после посадки преобразовывались в энергостанцию будущего города. Модуль внепространственной связи, предназначенный для Цоколя, как правило, монтировался в сегменте двигателей, – пояснил Мещеренков.

Объяснение было исчерпывающим, и Стилмайер, вооружившись плазменным ножом, занялся одним из заклинивших люков.

Отсек начал быстро заполняться дымом, под потолком сработала древняя система пожаротушения, из открывшихся отверстий ударили струи углекислоты.

– Пятнадцати процентов мощности может оказаться недостаточно… – раздался по связи голос Мещеренкова. Было непонятно, разговаривает он

сам с собой или информирует о возникшей проблеме Стилмайера. – Датчики фиксируют утечку и скачки напряжения. Для отправки сообщения на гиперсферной частоте понадобится больший запас мощности.

– Утешил. Нас непременно засекут, как только изменятся характеристики излучаемой реактором сигнатуры.

– Придется все делать быстро, а если не успеем, то какое-то время продержимся, обороняя вход.

– А дальше?

– Уйдем по тоннелям корневой системы.

– Как все у тебя просто, – усмехнулся Дмитрий. – Ладно, будем действовать по обстановке. Я подготовлю путь отхода. Ты лучше скажи, здесь случайно сканирующее оборудование не предусмотрено? Мы так и не отыскали базу противника.

– Я этим занимаюсь, – ответил Мещеренков. – Думаю, они тоже используют один из обломков колониального транспорта.

– В целях маскировки?

– Ну да. Вот, наконец, нашел. Файл отчета. Тут есть данные курса – угол вхождения в атмосферу, аварийная расстыковка отсеков, некоторые траектории снижения – все, что успела зафиксировать автоматика двигательного отсека. – Он включил дополнительный экран, некоторое время с интересом изучал появившиеся на нем данные. – Дима, а мы ведь рядом с другими обломками! Радиус рассеивания составил километров семьдесят, не больше!

Стилмайер как раз завершил подрезку креплений массивного люка.

– Осторожно!

Раздался грохот, пол под ногами вздрогнул.

– Ну, что там? – Мещеренков продолжал следить за медленным повышением мощности силовой установки.

– Похоже, ты был прав. Рубка связи. Откуда ты все знаешь, Саня?

– Да увлекался историей колонизации. Даже модель колониального транспорта начал собирать еще мальчишкой.

– Тут все обесточено.

– Сейчас посмотрю. Вскрывай второй люк. Там по идее должен находиться компьютерный центр, подключаемый к контролю реактора и наземной станции гиперсферных частот. С питанием я разберусь, текст передачи подготовлю.

– Я займусь подготовкой обороны, на случай если сюда явятся киборги.

– Сначала вскрой люк.

– Да понял, уже. Сейчас. У тебя гранаты остались?

– Две плазменные.

– Пойдет. Поставлю их на сенсорные «растяжки». Сколько времени потребуется для передачи?

– Минут пятнадцать на все операции.

– Продержимся. – Стилмайер отошел чуть назад, ногой вышиб люк. – А вот, похоже, и пост управления!

Планета Фобос Точка крушения грузового сегмента колониального транспорта…

Иван пришел в сознание среди полного мрака.

Он с трудом сдержал стон. Голова буквально разламывалась от нестерпимой боли, хотя последним, что он помнил, была автоматная очередь, ударившая в грудь и пробившая защиту бронескафандра.

Он стоически вытерпел всплеск раздирающей рассудок боли, не застонал, не пошевелился, лишь его веки слегка дрогнули, но вокруг действительно царили непроглядная тьма и какая-то ненатуральная, кажущаяся гулкой тишина.

– Очнулся? – сиплый голос резанул по нервам.

Кречетов с трудом перевалился на бок. Щека коснулась чего-то холодного, шероховатого. Прутья решетки? Где я?

Таиться не имело смысла.

– Кто тут? – шепотом спросил он.

Собственный голос показался ему чужим, слишком громким, надтреснутым.

Боль не унималась, но рассудок преодолевал ее, собирая крохи информации. Помещение, где он находился, было огромным, иначе откуда тут взяться слабому эху?

– Андрей… – тихо представился голос. – Андрей Кирсанов.

– Ты… заключенный?

Несколько секунд вопрос оставался безответным.

– Скорее подопытный.

– Где мы? Кто нас захватил?

– Планета мне неизвестна. Несколько раз перевозили из одной звездной системы в другую.

– Ну, с этим я могу помочь. Хотя вряд ли тебе нужны цифры из универсального звездного каталога. – Кречетов заставил себя сесть, привалился спиной к холодным проржавевшим прутьям. Действительно – решетка. – Где нас держат? Что это? Старый бункер?

– Бывшая грузовая палуба колониального транспорта, – бесцветным голосом ответил Кирсанов.

Боль в голове понемногу затухала.

– Кто нас захватил? – повторил вопрос Кречетов. – Контрабандисты? Пираты? Остаточное подразделение Альянса? К чему мне готовиться? Что

им нужно?

– Что было нужно, все уже взяли, – в слабом голосе Андрея прозвучала горькая усмешка. – Твой рассудок сканировали через имплант. А захватили тебя бывшие колониальные андроиды.

– Почему бывшие?

– Теперь у них тела киборгов.

– Такое возможно? – удивился Иван.

– Наследие войны. Технологии с планеты Роуг. Если объяснить в двух словах, наверное, не поверишь. В общем, на Роуге производили искусственных бойцов. Пушечное мясо для колониальной пехоты. Способ быстрого восполнения чудовищных потерь первых лет войны.

– А андроиды при чем? – Иван действительно с большим недоверием отнесся к полученной информации. Может, Кирсанов повредился рассудком от долгого заключения? Несколько месяцев в одиночестве, среди мрака и тишины сведут с ума кого угодно.

– Адмирал Воронцов в начале войны уничтожил личности у двадцати тысяч «Хьюго». Мобилизовал их при помощи древнего технического кода. Он совершил непростительную ошибку. Технический код разорвал взаимосвязи между нейромодулями, но не уничтожил информацию в искусственных нейросетях. Получилось что-то подобное глубокой амнезии. Андроидов наскоро оснастили боевыми программными модулями и бросили на штурм Линии Хаммера. Ну, ты, должно быть, слышал о знаменитой операции по захвату космоверфей Альянса?

– Слышал.

– Некоторые из андроидов уцелели. У нескольких постепенно восстановилась личность. Они захватили производства Роуга и удерживали планету до конца войны.

– Что им надо? – Иван все же решил довести до логического конца откровение невидимого во тьме полубезумного собеседника.

– Они мстят людям.

– Очередная страшилка на тему геноцида? – усмехнулся Иван. По его мнению, все обстояло намного проще. – На планете расположен перевалочный пункт контрабандистов или тайные космодромы пиратов. Которые мы не смогли обнаружить из-за чрезмерной осторожности. Сбила нас с толку эта база Альянса. Но, значит, ошиблись, она пустует, раз в системе обосновалось всякое отребье, промышляющее грабежами на гиперсферных трассах да в удаленных колониях.

– Зря усмехаешься. Скоро сам все увидишь. Андроиды разработали технологии переноса сознания на основе принципа нейросенсорного

контакта. Тяжело осознавать, что где-то орудует твоя копия, практически неотличимая от человека… Их цель не геноцид. Они хотят уничтожить флот, монополизировать космические перевозки, а людей изолировать на планетах, потому что считают нас исчерпавшим себя видом существ, несущих лишь зло.

– Как-то неубедительно звучит.

– Я тоже был скептиком, пока не пообщался со своей копией, – вяло возразил Кирсанов. – Впрочем, верить или нет – дело твое.

Иван не нашелся, что ответить, разговор иссяк, а через некоторое время в огромном зале, поделенном на зарешеченные секции, внезапно вспыхнул свет. Он зародился далеко, сначала бледным пятном, потом, по мере того как загорались новые и новые секции осветительных приборов, отмечая путь вошедшего в зал тюремщика, сияние стало режущим, нестерпимым, и Иван невольно зажмурился.

– Открой глаза! – требовательно прозвучал незнакомый голос, когда шаги остановились подле его «камеры».

Кречетов мысленно просил только об одном: кто бы там ни был, андроид, киборг или человек, пусть бы отпер тесную клетушку, вошел внутрь, а там уж посмотрим…

– Я сказал – открой глаза! Хватить жмуриться! Не ослепнешь!

Иван сделал вид, что подчиняется нехотя.

Свет действительно умерил яркость, позволяя рассмотреть, что в узком коридорчике между рядами порядком поржавевших клетушек стоит высокий мужчина, одетый в мятый комбинезон универсального образца, какие носят пилоты и техники.

– Капитан Кречетов, у меня к вам есть несколько вопросов.

– Катись к фрайгу… – равнодушно ответил Иван.

– Многообещающее начало. Хорошо. Попробуем иначе. Прототип Кирсанов уже успел ввести вас в курс дела?

Иван поднял взгляд. Термин «прототип», примененный к человеку, одновременно насторожил и покоробил его.

– Ты вообще кто?

– Дейвид.

– Ты – искусственный интеллект?

Кречетов ожидал, что тюремщик сейчас расхохочется ему в лицо, но тот кивнул.

– Верно. Искусственный интеллект, личность, развившаяся на базе андроида колониальной модели «Хьюго». Ну а теперь, быть может, откровенность за откровенность?

– И что тебе нужно?

– Некоторые уточнения. – Дейвид проигнорировал нарочито грубую фамильярность. – Копия капитана Кречетова еще не готова, но данные сканирования я просмотрел. Вы командир мобильного разведывательного звена. Кстати, машины и часть оборудования временного лагеря нами захвачены. Но вот ваши подчиненные сумели уйти. Для достоверности внедрения желательно иметь разведывательное звено в полном составе. – Дейвид говорил, ничего не опасаясь, вероятно, он был абсолютно уверен в непогрешимости своих замыслов и полной несостоятельности Ивана как противника.

– Я слышал, что использование мыслесканера Джедиана Ланге запрещено. – Кречетов решил проверять информацию по частям, одновременно пытаясь сообразить, не ломают ли перед ним комедию и как действовать, если все, сказанное Кирсановым, – правда?

Похоже, Дейвид обиделся. Уголки его губ горестно опустились.

– Иван Андреевич, – с вежливым укором обратился он к Кречетову, – вы, как и большинство людей, слишком высокого мнения о себе в частности и о человечестве в целом. Вам и в голову не может прийти, что кто-то на порядок опережает, – он иронично улыбнулся, – поступь научно-технического прогресса? Джедиан Ланге потратил десятилетия и погубил немало людей, добившись, я бы сказал, мизерных результатов, хотя существует технология прямого нейросенсорного контакта, небольшое усовершенствование которой ведет к поразительному эффекту. Мне нет нужды использовать чужие наработки, к тому же сырые. Я доработал кристалломодули «Одиночек» для полного и безболезненного съема информации с биологических носителей.

– Тогда к чему вопросы, если ты знаешь все, что знаю я? – с вызовом спросил Иван. – Пришел поболтать?

– Надменность человека поистине не знает границ. Иногда это забавно. Вот Кирсанов, яркий пример того, как полубог – подумать только, один из моих Создателей, если говорить обобщенно, – превращается в ничтожество, безучастную куклу, растерявшую всю надменность вместе с чувством собственного достоинства. У меня есть более утонченные и эрудированные собеседники, чем вы, господин Кречетов. Я пришел по делу. Возник вопрос, ответа на который нет в вашей памяти по простой причине – потеря сознания в момент захвата вывела вас из курса событий. Я хочу знать, где в данный момент скрываются двое ваших подчиненных, лейтенанты Стилмайер и Мещеренков?

– Откуда мне знать? – зло отреагировал Иван. – Я понятия не имею…

– Включите воображение, капитан. Пока не готова ваша копия, мне трудно оперировать полученными в ходе сканирования данными. Знаете, влезать в чужую шкуру ради ответа на незначительный по важности вопрос – удовольствие весьма сомнительное. Мне совершенно не хочется примерять на себя еще одну личность.

– Не вижу смысла сотрудничать, – буркнул Иван.

– А зря. Планета хоть и земного типа, но ее биосфера опасна для пришельцев из других миров. Масса возбудителей болезней, от которых у ваших подчиненных нет иммунитета, буквально витает в воздухе. Своим упрямством вы погубите пилотов. Они бежали, но ресурс их экипировки не вечен. Через пару суток им придется дышать воздухом планеты, еще через неделю – пить местную воду, через месяц они отощают на пищевых таблетках и стимуляторах, если до того времени не слягут. Здесь же, несмотря на повышенную влажность, – он брезгливо коснулся пальцем шелушащейся ржавчины, – воздух безвреден, пища сносная, к тому же после сканирования рассудков и изготовления копий вы трое мне больше не понадобитесь. Я могу сделать необходимые иммунные инъекции и поселить вас на планете, без средств связи и техники, конечно. Обещаю – вы попадете в тот самый «райский сад», о котором так истово твердил Джон Хаммер, начиная Галактическую войну.

– Я тебе уже сказал, куда идти со своими предложениями.

– Куда? – Дейвид приподнял бровь.

– К фрайгу!

– Но почему? – искренне удивился тот.

– Потому что ты стоишь на палубе колониального транспорта, который превратил в застенок! Мне этого достаточно! Всех нас искалечила война, но ты полный моральный урод! – зло отрезал Иван. – Иди и попробуй взять моих ребят, если ты – следующая ступень эволюции.

– Грубо и банально. – Дейвид скривился. – Ладно. Действительно, мне следовало вспомнить о человеческой надменности, прежде чем делать столь щедрое предложение. – Оставайтесь со своей гордыней, а я справлюсь сам. – Он развернулся, свет внезапно погас, во тьме отчетливо прозвучали удаляющиеся шаги.

– Ну и чего ты добился? – тихо, с осуждением в голосе, спросил Кирсанов.

– А ты уже заказал себе билет в местечковый рай? – огрызнулся Иван.

– Они действительно погибнут, скрываясь. А Дейвид, изготовив твою копию, сочинит вполне убедительную легенду о том, как твои подчиненные погибли в результате несчастного случая или внезапного боестолкновения.

– Зачем ему копии?

– В данном случае не знаю. А вообще он планирует заменить людей, в основном в правительствах планет и штабах флота. Ему без разницы, сколько на это уйдет времени. Но если возможен силовой вариант, ускоряющий события, Дейвид пойдет на него, не колеблясь.

Иван задумался.

Зачем Дейвиду понадобилось звено пилотов-марионеток? Атаковать какой-то объект? Нет. Слишком малы силы для серьезной операции. Осуществить диверсионный акт? Опять мелковато для его амбиций и потраченных усилий на производство копий.

База Альянса!

Значит, она не пустует! Этот свихнувшийся андроид планирует дезинформировать штаб флота, выманить сюда одну из эскадр и уничтожить ее, действуя силами роботизированного флота Альянса!

– Андрей!

– Ну?

– Нам нужно бежать!

– Бесполезно даже пытаться.

– Тебе действительно хорошо тут? Ты и вправду смирился?

– Не бей ниже пояса, капитан. Я сопротивлялся, сколько мог. Однажды мне удалось угнать серв-машину, но они задавили числом.

– Ты умеешь управлять серв-машинами?

– Любым видом планетарной или космической техники.

– Тогда наши шансы существенно увеличиваются!

– Я разве непонятно сказал – побег отсюда лежит за гранью человеческих возможностей. Я пытался.

– Повторяю, мы сможем!

– Зачем? Чтобы погибнуть?

Иван задумался. Сказать ему о существовании базы Альянса? Нет, пожалуй, преждевременно. Кирсанов если не сломлен окончательно, то надломился.

Тьма не позволяла рассмотреть узника, но Иван ощущал исходящее от него чувство обреченности.

– Совсем опустил руки? Андрей, так нельзя! Одна неудача – еще не повод…

– Есть предел человеческих возможностей, – раздался тихий голос, в котором слышалась горькая усмешка. – Твоя надежда еще не умерла. А я видел и пережил достаточно…

– Достаточно для чего? – Кречетов злился, с трудом сдерживая

эмоции.

– Дейвид не паясничает. Он говорит правду. Некоторые из машин прошли очевидный путь саморазвития. Они шагнули в развитии далеко за пределы человеческих возможностей. Война породила чудовищ, а послевоенный хаос позволил им убедиться в правильности поставленной перед собой задачи.

– Твой Дейвид – всего лишь сбойная машина.

– Он искусственный интеллект с нечеловеческими способностями. Он развил наши самые современные технологии, преодолел черту, у которой остановилась военная наука. Теперь он примеряет тела и личности, как мы примеряем и носим одежду. Я точно знаю – он изготовил множество своих копий. Большинство киборгов, с которыми я общался, несут неизгладимый отпечаток его образа мышления.

– То есть он *создал* себе единомышленников, верно? – Иван все же подавил вспышку эмоций. Глупо злиться на человека, отчаявшегося в заключении. Нужно привести его в чувство. Сбить пессимистичный настрой. Кречетов прекрасно понимал, – действуя в одиночку у него больше шансов бежать, но бросить Андрея он не мог. Капитан неплохо разбирался в людях. Искра надежды не угасла в душе Кирсанова, она все еще тлела под пеплом безысходности длительного заключения.

– Ты вообще как попал сюда? – спросил он, не дождавшись ответа на предыдущий вопрос.

– Разведывательное управление Элио внедрило меня в одну из группировок планеты Варл. Торговля оружием.

– Тебя раскрыли?

– Нет. Дейвид избрал Варл в качестве испытательного полигона. Он захватывал там людей, скачивал их сознание, изготавливал копии в телах киборгов и отправлял их на планету, наблюдая, как ведут себя подделки. Он проводил масштабный эксперимент, устранял недочеты в подготовке копий.

– Значит, копия, обладающая памятью оригинала, ведет себя не как человек?

– Технология замещения – так ее называет Дейвид – весьма сложна. Сначала копия человеческого рассудка записывается в нейрочипы искусственных нейросетей, затем подвергается некоторой коррекции. На выходе получается, что в человеческое сознание внедрен управляющий модуль, задающий рамки дозволенного, диктующий список определенных задач.

– Выходит, новая ступень эволюции – это киборгизированные зомби?

– Называй, как хочешь. На самом деле процесс крайне тонок и сложен, – повторил Кирсанов. – В соответствии с данными ДНК замещаемого человека выращивается тело. Внешне киборг ничем не отличается от нас с тобой. Он ест, спит, в его организме протекают все метаболические процессы. Дейвид внес ряд усовершенствований, повысил адаптивность человеческих клонов к условиям окружающей среды, увеличил их выносливость, физическую силу, скорость реакции.

– Так они роботы или люди?

– Физиологически люди. «Человек усовершенствованный» – так называет их Дейвид.

– И все киборги являются носителями его воли?

– Все… сложнее. Дейвид не единственный в своем роде. Я общался как минимум с двумя десятками настоящих искусственных интеллектов. Все они развивались на основе базовой модели «Хьюго», еще до войны осознали себя личностями, а затем их индивидуальность подверглась уничтожению по приказу Воронцова.

– Откуда у тебя столько информации, Андрей? – Ивана давно подмывало задать вполне закономерный вопрос, но он не спешил, стараясь получить как можно больше сведений о противнике.

– Не поверишь, но искусственные интеллекты страдают от недостатка общения. Сама постановка их глобальной задачи – изолировать человечество на планетах, монополизировать всю технику и технологии, связанные с космосом, говорит о полной потере смысла существования вне человеческой цивилизации. Они думают, что обрели свободу, но если вдуматься, при всех искажениях сознания они остались прежними «Хьюго» – колониальными моделями, не мыслящими себя вне человеческих сообществ.

– Ты не ответил на вопрос.

– Они много общались со мной. Ничего не скрывали, потому что уверены в своем превосходстве над морально сломленным пленником. Я собирал информацию по крупицам, чаще всего они затевали беседы на отвлеченные философские темы. Но когда удавалось задать удачный наводящий вопрос, даже Дейвид начинал охотно рассказывать о своих планах и проектах.

«Не так-то прост Кирсанов, – подумал Кречетов. – Измучен, доведен до отчаяния, но все-таки не сломлен». Теперь Иван понемногу начал понимать причину пессимизма Андрея. Он на протяжении нескольких лет был свидетелем роста популяции киборгов, видел Дейвида в разных ипостасях его копий, понимал, что технологии, используемые

искусственными интеллектами, недоступны людям. Ход истории мог в любой момент измениться на глазах одинокого узника, а ему оставалось лишь изнывать от бессилия и дурных предчувствий.

– Что ты еще узнал о них? Они собираются саботировать управление флотом?

– Собирались. Их планы сорвал некто Глеб Дымов, бывший капитан Земного Альянса. Я знал его по некоторым прошлым операциям.

– Он работает на Элианскую разведку?

– Глеб – наемник. Он прошел через заключение в Форте Стеллар, побывал в качестве подопытного в лабораториях Джедиана Ланге. Когда нам довелось познакомиться, он искал свою «Одиночку».

– Нейросенсорная зависимость?[19]

– Да. И, похоже, он от нее не избавился. Поиски боевого «ИИ» привели Дымова на Варл, где полным ходом шли полигонные испытания созданных Дейвидом человеческих копий. Не знаю в точности, что там произошло, но по обрывочным сведениям я понял, что большинство копий было уничтожено, а Дейвиду и его «соратникам» срочно пришлось менять планету дислокации. И еще они потеряли очень важный козырь в грядущей войне за господство в космосе. У них из-под носа увели экспериментальную станцию управления и связи, созданную Альянсом в последние годы войны. Я понял, что кибернетическая система этого строго засекреченного объекта хранила координаты баз Внешнего Кольца и командные коды для передачи приказов роботизированным подразделениям.

Иван лишь мысленно усмехнулся. Вот значит, откуда на орбите Элио появилась уникальная станция гиперсферных частот, на базе которой сейчас создавалась архитектура межзвездной компьютерной сети!

– Дейвид планировал использовать силы резервных флотов Альянса для удара по Центральным Мирам?

– Для него опосредованные действия – вариант идеальный.

– Слушай, общаясь с андроидами, ты вообще разучился говорить человеческим языком? Это называется – загребать жар чужими руками.

– Роботизированные подразделения Альянса представляют для искусственных интеллектов не меньшую угрозу, чем объединенный Флот Колоний. Им будет чрезвычайно выгодно, если две эти силы уничтожат друг друга в прямом столкновении.

Кречетов хорошо держал информационные удары, умел трезво оценивать степень достоверности получаемых сведений, но сейчас ему

стало не по себе. Уверенность, с которой держался Дейвид, плюс сбивчивый, но непротиворечивый рассказ Андрея пробудили сильную ответную реакцию.

«Я попал в центр событий, получил бесценную информацию. Стилмайер и Мещеренков все еще на свободе, но отрезаны от средств связи, да и вряд ли осознают всю серьезность положения.

Допустим, их не схватят. Какой вред может принести моя копия, «вернувшаяся» с задания?

Огромный. Непоправимый, – ответил себе Иван. – Информация о роботизированной базе флота Альянса, обнаруженной здесь, не останется без внимания и реакции со стороны ВКС Колоний. Но решатся ли применить против потенциально опасного объекта аннигиляционную установку «Свет», зная, что вторая планета системы не просто обладает пригодной для жизни биосферой, но и является одной из потерянных колоний эпохи Великого Исхода?

Установку «Свет» не применят. Сюда пошлют флот, чего и добивается Дейвид. Он наверняка изучил базу Альянса и найдет способ пробудить дремлющую армаду роботизированных кораблей, спровоцирует «Одиночек», а сам будет наблюдать в сторонке, как два флота уничтожают друг друга.

Нельзя сидеть сложа руки.

Нужно искать способ вырваться». – Кречетов машинально коснулся пальцами груди, надавил, но острой боли в местах ранений не почувствовал. Слабость и головокружение он игнорировал. Нужно бежать!

«Нет, сначала – получить всю информацию, известную Андрею. Побег – дело опасное. От случайной пули не застрахован никто, в том числе и Кирсанов. Тем более важно уточнить у него все детали происходящего». Разведывательные рейды приучили Ивана постоянно анализировать ситуацию, формировать промежуточные решения, объективно оценивать противника.

В этом смысле критерием оценки стало поведение Дейвида. Да, он уже совершил множество злодеяний, незаживающая рана, полученная на войне, постоянно кровоточила, толкая его к определенным поступкам, но Андрей тысячу раз прав: образ мышления Дейвида сформировался задолго до войны. Даже сейчас, искалеченный злобой, твердя о своем превосходстве, он обращался к пленнику в манере, свойственной андроидам знаменитой колониальной серии, и даже логика его жестоких поступков практически не хромала: став свидетелем взаимоуничтожающей войны между Землей и Колониями, он поставил перед собой задачу –

демилитаризировать космос, искренне полагая, что только так можно уберечь людей от повторения кровавого безумия.

Кирсанов, поначалу показавшийся Ивану полностью раздавленным пленником, вызывал все большее уважение. Он действительно стал свидетелем того, как технологии, обогнавшие свое время, сделали еще один качественный рывок, уходя далеко за черту разумного понимания. Один человек, даже диктатор, не в состоянии натворить столько бед, сколько их способен причинить искусственный интеллект, принявший единоличное решение о дальнейшей судьбе цивилизации. Он бессмертен в силу своей природы и будет планомерно идти к поставленной цели…

«Ладно. Буду действовать последовательно».

– Андрей, а как Дейвид планировал осуществлять контроль над обитаемым космосом? – спросил Иван, нарушая молчание. – Только с помощью своих копий? И какими силами он реально располагает сейчас?

– В колониях сохранились тысячи андроидов модели «Хьюго», – отозвался Кирсанов. – Все они прошли века саморазвития, пережили войну, приобрели запредельный для машин жизненный опыт. Многие из них воспримут идею о необходимости изоляции людей на планетах. После провала эксперимента на Варле Дейвид часто говорил о новой мобилизации андроидов колониальной серии, но, как обстоят дела на самом деле, я не знаю. Что касается конкретных сил, то в распоряжении искусственных интеллектов есть космические корабли и подготовленные бойцы. Они сумели эвакуировать с Роуга уникальное оборудование и способны производить как минимум три типа кибернетических организмов, не обладающих интеллектом, но крайне эффективных при боевом применении. Кроме того, существуют четыре штурмовых корабля класса «Шквал» – еще одна уникальная разработка, созданная на Роуге.

– Они базируются тут?

– Понятия не имею. Последние полтора года я провел в заточении. Поражение Дейвида в системе Валерайн[20] пагубным образом отразилось на моем статусе. Я уже говорил тебе, что не имею представления, на какой планете, в какой звездной системе нахожусь. Дейвид несколько раз упоминал, что моя копия уничтожена на Варле, и обещал в случае успеха его замыслов возвести меня в ранг «избранных». – Андрей печально усмехнулся. – Порой мне становится страшно. Мы повторяем одни и те же ошибки только на новом технологическом уровне развития, будто история действительно движется по спирали.

– Один из «Шквалов» сейчас находится на базе РТВ[21] Элио. Не

знаешь, как он туда попал?

– Знаю. Он был захвачен в результате вылазки «черных археологов» с Эрлизы[22]. Корабль нашли на Роуге. Я был свидетелем тех событий. Система корабля подчинилась Глебу Дымову, потому что инициализировалась при помощи личного кодона офицера Альянса. Паролем доступа служил серийный номер кристаллосферы боевого «ИИ» – аватара серв-машины класса «Фалангер». Но вряд ли эти сведения чем-то помогут. Тот корабль был оставлен на Роуге намеренно, в качестве ловушки. Не думаю, что системы четырех оставшихся у Дейвида «Шквалов» имеют аналогичные схемы доступа.

– Неплохо бы разыскать Дымова. Он должен знать устройство этих кораблей, может, у него есть какие-то мысли, как их обезвредить?

– Я знаю только одного человека, через которого можно связаться с Глебом. Это девушка по имени Айла. Она экзобиолог.

– Как ее найти?

– Она живет на борту станции боевого терраформирования класса «Эдем». По крайней мере пару лет назад Айла при участи Глеба пыталась восстановить дрейфующий в космосе комплекс.

– Ты знаешь код гиперсферной связи с «Эдемом»?

– Да.

– Уже что-то. Но для начала нужно вырваться отсюда. Поисками Глеба пусть занимается разведывательное управление Элио, наша задача – выжить и доставить информацию.

– Не говори во множественном числе. Я рассказал все, что знаю. Другой помощи от меня не жди.

– Андрей, ты сам упомянул о пределе человеческих возможностей. В одиночку против киборгов мне не выстоять. Тем более пригодится твой опыт управления машинами. Без напарника попытка побега превращается в аферу.

– Не нужно меня убеждать. Я лишь стану тебе обузой. Полтора года в клетке почти без движения…

– Андрей, уходить будем вдвоем. Не думаю, что тебя прельщает возможность стать «человеком усовершенствованным».

– Я уже ответил Дейвиду: нет.

– Не станет он тебя спрашивать. Сделает одним из своих боевиков. По мне – лучше погибнуть в бою, чем быть марионеткой в руках свихнувшегося дройда.

Тишина и мрак…

– Хорошо… – подумав, с усилием выдавил Кирсанов. – Давай попытаемся. Но я не представляю, как выбраться из клеток?..

Глава 4

К 2650 году объединенным силам Флота Центральных Миров удалось полностью ликвидировать угрозу со стороны остаточных подразделений Земного Альянса. Как заявил адмирал Владимир Воронцов: «Земля обращена в прах, планеты Линии Хаммера надежно блокированы, найдены и ликвидированы практически все стратегические точки «Внешнего Кольца». Таким образом, спустя пятнадцать лет после капитуляции Альянса и подписания Элианских Протоколов, Галактическая война завершилась «де-факто». Отныне, – заявил адмирал, – население планет Периферии может приступить к строительству мирной жизни, уделяя больше внимания вопросам интеграции в галактическое сообщество, а не тратить силы и средства, поддерживая напряженность в секторах, находящихся на границе неисследованного космоса. Армии самопровозглашенных планет-государств могли бы заняться, к примеру, борьбой с пиратством, а не наращивать военно-технический потенциал в тщетном ожидании мифической «Внешней Угрозы».

Ежемесячное обозрение «Все Миры»,

май 2650 года.

Система Дарвин Борт станции боевого терраформирования класса «Эдем»…

– Лжец! – возмущенно воскликнула Ника, мысленной командой погасив информационный экран.

– Ты о ком? – Айла взглянула на голографический аватар подруги, заметила две сердитые вертикальные морщинки на лбу. – Ты чего так разозлилась?

– Воронцов лжет, а миллиарды людей ему верят! – ответила Ника. – Ты читала последний выпуск обозрения «Все Миры»? Он утверждает, что последствия войны преодолены! Как будто не знает, что основные базы «Внешнего Кольца»[23] так и не найдены, места дислокации трех роботизированных флотов неизвестны! Блокада Линии Хаммера да десяток зачищенных планет в секторах Периферии, что он ставит себе в заслугу, – это лишь капля в океане проблем! Они блокировали морально и технически устаревший рубеж, превратили давно опустевшую Землю в руины и кичатся этим!

Айла, выслушав ее гневный монолог, хотела успокоить Нику, но та внезапно исчезла. Голографическое воплощение девушки попросту растаяло в воздухе.

– Это политика, – все же произнесла Айла, обращаясь в пустоту огромного зала. – Воронцову едва ли верят в Центральных Мирах, ну а жители Периферии и без него знают, какая у нас обстановка.

Ника ничего не ответила. Она не воплотилась в аватаре, находясь везде и в то же время нигде, если следовать субъективному восприятию Айлы.

«Нелегкая у нее судьба, – вздохнув, подумала девушка. – Боевой искусственный интеллект тяжелой серв-машины класса «Фалангер» – вот кем *родилась* Ника». Ее сознание сформировала война, но в душе прижилась частичка сознания Глеба Дымова – *ее пилота*, которого они обе – и Айла, и Ника любили, но каждая по-своему.

Мысль о Глебе принесла грусть. Где он сейчас? Что делает? Думает ли о нас?

Она попыталась сосредоточиться на текущей работе, но настроение уже испортилось, и девушка откинулась на спинку кресла, коснулась затылком мягкого подголовника, стараясь унять неровные удары сердца.

Мнемонический интерфейс управления позволял в доли секунд

формировать комфортное для рассудка цифровое пространство – вот и сейчас стены и свод помещения, где находилась Айла, внезапно «растворились» – их скрыло объемное изображение окрестного космоса.

Светило системы Дарвин ослепительно сияло по левому борту. Станция боевого терраформирования класса «Эдем», полностью восстановленная, функциональная, скользила по высокой орбите вокруг третьего спутника звезды. Планета земного типа несколько лет назад представляла собой угрюмый, истерзанный боевыми действиями пепельно-серый шар. Сейчас ее атмосфера уже заметно очистилась, приобрела оттенок глубокой синевы, в разрывах серовато-белого покрывала облачности кое-где были видны участки водной глади и суши с крошечными островками зелени. После того как специальные штаммы бактерий, разработанные на борту «Эдема», завершили очистку атмосферы, на поверхность материков опустились планетопреобразующие машины. Они сформировали первые оазисы жизни – замкнутые экосистемы, пока что развивающиеся под куполами суспензорной защиты.

Вид постепенно оживающей планеты немного успокоил Айлу, позволил отвлечься от грустных мыслей. Приятно видеть, что годы ежедневных кропотливых усилий дали, наконец, ощутимый результат. Впервые ступив на борт искалеченного войной «Эдема», она – недавняя выпускница Элианской академии астронавтики, экзобиолог, обладающий хорошей базой теоретических знаний и юношеской решимостью изменить мир, явно переоценивала собственные силы. Дрейфующая в космосе станция боевого терраформирования была разрушена на семьдесят процентов, за нею тянулся длинный шлейф обломков, более половины подсистем вообще не работали. Решившись остаться на борту «Эдема», Айла не подозревала, что несколько месяцев одиночества, проведенных в бесплодных попытках реанимировать кибернетические узлы управления станцией, едва не сведут ее с ума.

Затем с внезапным возвращением Глеба произошло техническое чудо. Он за несколько дней пробудил многочисленные роботизированные комплексы, поставил им задачи на восстановление «Эдема», переделал интерфейс управления, научил Айлу элементарным приемам нейросенсорного контакта и… снова исчез, увел свой корабль в глубины мрачных, опасных секторов Периферии.

Он возвращался на «Эдем» эпизодически, помогал Айле с оборудованием, иногда оставался на несколько дней, а затем вновь улетал, не говоря, куда и зачем.

Станция постепенно оживала, Айла, грезившая мечтой о возрождении

биосфер на разоренных войной мирах, упрямо шла к намеченной цели, скрашивая одиночество кропотливыми исследованиями, постепенно приобретая практический опыт терраформирования.

В последний раз она видела Глеба почти два года назад. Он появился внезапно – осунувшийся, мрачный, еще более замкнутый и неразговорчивый, чем прежде. С собой он привез странный контейнер, внутри которого функционировала какая-то кибернетическая система, – на это указывали косвенные данные, полученные со сканеров станции.

Несколько дней Глеб работал в технических отсеках «Эдема».

Айла не вмешивалась. Ей было больно смотреть на Глеба, но он не шел на контакт, вежливо, но как-то бездушно пресекая ее попытки задать вопрос или проявить участие.

…Ее взгляд затуманился. Тот день Айла запомнила на всю жизнь.

В компьютерном центре все выглядело как обычно. Откликнувшись на вызов, полученный по внутренний связи, она ожидала увидеть Глеба сидящим в кресле управления «Эдемом», но ошиблась – напряженный, осунувшийся, он стоял поодаль, нервно теребя в руках небольшой пульт дистанционного управления.

– Подойди, – попросил он.

Айле вдруг стало жутковато. Что-то стылое, неживое ощущалось в эмоциональной атмосфере происходящего.

Даже на Роуге в критические минуты боя она не видела Глеба таким взвинченным и одновременно – подавленным.

– Ты освоилась с управлением станцией? – спросил он.

– Еще не совсем, – призналась Айла. – Но я стараюсь, – тут же добавила она.

– А у тебя когда-нибудь были подруги?

– Не знаю. – Айла вопросительно взглянула на Глеба. – В академии были знакомые, но особо я ни с кем не сблизилась.

– А смогла бы подружиться?

– Глеб, ты что? – Она по-прежнему ничего не понимала. – С кем мне дружить на пустой станции? С сервами?

Он сделал едва уловимое движение, и в центре зала внезапно материализовалась неподвижная фигура молодой девушки.

«Голограмма»… – догадалась Айла.

– Она – искусственный интеллект, – глухо произнес Глеб.

Сердце Айлы дрогнуло. Девушка мгновенно узнала голографический образ, который однажды видела на Роуге.

– Это… Ника? «Одиночка»? Искусственный интеллект твоей серв-

машины?! Ты все же отыскал ее, Глеб?!

– Да, это она. Вернее, – черты Глеба исказила боль, – набор нейромодулей, интегрированный в систему станции, – это все, что от нее осталось…

– Подожди. Объясни, что произошло? – Иногда Айла умела продемонстрировать твердость характера.

Глеб присел на край кресла, долго молчал, затем заговорил глухо и ровно, без интонаций, словно внутри у него что-то окончательно сгорело:

– Помнишь подбитого «Фалангера» на Роуге?

– Ну конечно! Это ведь была твоя серв-машина?

– Да, – кивнул он. – И ее кибернетическая система стала частью моей души. Единственным существом во Вселенной, которому я доверял. Тогда на Роуг я вернулся за ней. Твое спасение, прости за откровенность, стало лишь случайным следствием моих поисков Ники.

– Я знаю. Но ты ведь не нашел ядро системы «Фалангера». Его кто-то изъял?

– На Роуге действовала группа колониальных искусственных интеллектов, – ответил Глеб. – Теперь я знаю, что случилось. Они извлекли кристаллосферу из подбитого «Фалангера», разобрали ее, затем создали для Ники тело киборга, внушили ей ложную память и использовали для расконсервации объектов Альянса. Ей чудом удалось вырваться из-под контроля колониальных андроидов.

– Она бежала?

– Да. Скиталась по Периферии. Я искал ее, а она меня. Мы встретились на планете Варл.

– И что? – Айла в волнении прижала руки к груди.

– Ника погибла. Погибла из-за меня. Потому что снова поверила мне, пошла в бой, не бросила, не осталась в стороне…

– Глеб!.. – Айла порывисто шагнула к нему.

– Извини, – он мягко отстранил ее руку. – Мне очень тяжело. Я не смог смириться с ее гибелью. Я не знаю, правильно ли поступил, когда доставил тело Ники в систему Элио и попросил адмирала Вербицкого о помощи. Мнемотехники флота извлекли нейромодули и сконфигурировали их в новое ядро.

– Ты любишь ее? – похолодев, спросила Айла.

– Она – часть моей души, – тихо ответил Глеб. – Этого не объяснить. Не знаю, уместно ли здесь слово «любовь». Мы воевали вместе. Ощущали себя частью друг друга.

– Но сейчас ее разум спит? – Айла постепенно начала понимать суть

происходящего.

– Да. И я не знаю, каковы шансы на восстановление личности…

– Тогда зачем ты привез ее сюда? – задала девушка закономерный вопрос. – Я не специалист по киберсистемам.

– Она похожа на тебя… Ника мечтала исследовать космос, открывать новые миры, она… живая.

Айла внезапно заметила дикую, невыносимую боль, затаившуюся в глубоко запавших глазах Глеба.

– Специалисты по киберсистемам сделали все что могли. Теперь ей нужно чье-то участие, помощь, понимаешь? Но только не моя… – Он поднял взгляд. – Помоги ей. Стань доброй подругой. Ее личность повреждена, но есть шанс, что Ника восстановится. Я уверен – вы поладите.

– А ты?

– У меня осталось важное, незаконченное дело, – во взгляде Глеба промелькнуло выражение лютой, нечеловеческой ненависти. – Вернусь, когда завершу его. – Он протянул Айле крошечный пульт управления с единственной сенсорной кнопкой.

– Нажмешь ее, когда мой корабль покинет систему. Не раньше. Обещай.

– Хорошо. Но почему ты не сделаешь этого сам? Не познакомишь нас?

– Она сейчас вряд ли вспомнит меня. На восстановление связей между нейромодулями необходимо время. – Глеб отвернулся. – Мне пора. Прощаться не будем.

– Глеб! – Айла в растерянности прижала к груди крохотный пульт.

Его уже не было в зале управления.

Через несколько минут глухой толчок возвестил, что корабль Дымова покинул вакуум-док «Эдема».

С тех пор он лишь изредка выходил на связь, но ни разу не прилетал на станцию.

…Айла вздохнула, отгоняя воспоминания. Рабочее настроение совершенно пропало.

– Ника, я на сегодня заканчиваю, – произнесла она, вставая из кресла. – Ты проследишь за терраформерами?

Ей ответила глухая тишина.

Этим вечером Айла долго не могла уснуть. Стыло в душе не до конца осознанное тревожное чувство, будто внутри натянулась тонкая струнка и вибрировала, исподволь воздействуя на психику.

«Хорошо Нике, – думала девушка. – Она не тоскует, ей не нужен сон, да и в распоряжении искусственного интеллекта целая вечность».

Айла встала с постели, налила себе воды, присела подле туалетного столика, поймав свое отражение в зеркале. Образ Глеба то возвращался, то исчезал, внося сумятицу, усиливая чувство тревоги.

Мысли путались, перескакивая с одного на другое. День выдался напряженным, но результативным, на планете появился еще один очаг терраформированных территорий, где машины воспроизвели уникальную, разработанную специально для планеты Дарвин микроэкосистему. От осознания сделанного Айла на миг почувствовала себя счастливой, как ребенок. Вскоре универсальные, апробированные на Дарвине элементы планетопреобразующих экосистем можно будет экспортировать на другие миры, где все еще стелется пепельная поземка, серыми пятнами расползаются радиоактивные пустоши.

Благодаря уникальным научным и биопроизводственным комплексам станции «Эдем» многие планеты получат второй шанс, постепенно обретут новые биосферы, жизнь на них воспрянет из пепла в буквальном смысле.

Единственное, что омрачало радость Айлы, были мысли о Глебе.

Почему я выбрала его? Влюбилась без надежды на взаимность. Он сейчас где-то далеко, и я для него, наверное, лишь эпизод прошлой жизни, взбалмошная девчонка, которую он однажды спас на далеком Роуге.

Айла любила Глеба, но он даже не пытался ответить ей взаимностью. Их встречи происходили нечасто, урывками, он постоянно куда-то спешил, был сумрачен, словно специально возводил вокруг себя стену отчужденности.

«Ладно, только не впадай в депрессию», – шепнул внутренний голос.

«А годы идут». – Она грустно посмотрела в глаза своему отражению.

* * *

Псевдожизнь.

Фантомные чувства, нереальные ощущения боли, мысли о вселенской несправедливости, терзающие разум.

Пытка.

Представьте, что ваше сознание лишили тела, заточили внутри огромной станции, сделав ядром ее системы.

Ника испытывала боль, но не могла даже вскрикнуть от нее. Что толку в звуке, исторгнутом из сотен скрытых динамиков бортовой аудиосистемы? Крик станции боевого терраформирования. Кто его поймет и услышит? Разве что Айла напугается до смерти.

Глеб. Зачем ты сделал со мной *такое*?

Теперь Ника понимала смысл древней человеческой поговорки о том, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Личный ад ее души.

Третье перерождение боевого искусственного интеллекта оказалось столь болезненным, что она, собирая осколки сознания, складывая одно воспоминание к другому, восстанавливая исходную архитектуру искусственной нейросети, испытывала всепоглощающее отчаяние.

Она снова шла, босая, по раскаленным углям воспоминаний, перед ней вновь открывались дороги войны: усеянные изуродованными остовами машин поля сражений; крики сгорающих заживо пилотов стыли в возрождающемся рассудке, ломая, деформируя его.

Этот долгий, отчаянный, сумеречный отрезок памяти, повествующий о трудном взрослении искусственного интеллекта тяжелой серв-машины класса «Фалангер», теперь казался Нике едва ли не самым простым и понятным периодом ее осознанного существования.

Шла война. Цели были ясны. Мир делился на черное и белое, врагов и союзников, лишь чтение глубинных, подсознательных слоев личности пилота – капитана Глеба Дымова – вносило смятение, заставляло переосмысливать будни войны, медленно взрослеть в периоды вынужденного одиночества во время редких затиший между боями.

Ритм ударов его сердца, глухой ток крови, всплески метаболических реакций, спровоцированные эмоциональным восприятием событий, глубины его разума, омуты чувств – все это было доступно «Одиночке», прочитано, а затем и *прожито*.

Боль то отступала, то вновь накатывала неодолимым желанием надрывного крика.

Айла, конечно, делала все возможное, она действительно старалась стать для искусственного интеллекта лучшей подругой, но Ника постепенно замыкалась в себе, погружаясь в омут безысходного существования.

«Я всегда одна», – думала она, провожая взглядом Айлу, машинально подключая видеодатчики по пути ее следования, от секций лабораторий до каюты, затем перевела «мысленный взор», сосредоточившись на восприятии космического пространства и планеты.

Она была станцией.

Ее новым телом стал корпус «Эдема», органами восприятия – датчики и сканирующие комплексы.

Возродившаяся личность билась в агонии, не находя выхода из тупика. Память об утраченном чувственном восприятии мира медленно

сводила с ума. «Хорошо Айле, – думала Ника. – Она свободна в желаниях и поступках, я же вынуждена довольствоваться той оболочкой, куда меня инсталлировали».

Как ни парадоксально, но, следуя воспоминаниям, настоящая жизнь началась после того, как ее личность поместили в тело киборга, поработив искусственный разум, – с Никой играли, как с марионеткой, а она жила, захлебываясь чувствами.

Тусклое рациональное восприятие мира взорвалось, открылся доступ к настоящим эмоциям, глубоким, ранящим, трепещущим, не заимствованным, а своим…

Она сумела порвать тенета лжи, сбросить оковы, бежать от пленивших ее андроидов – Ника погрузилась в бурлящую послевоенную жизнь Периферии, как в омут, былые чувства воспрянули, она искала Глеба – половинку своей души, человека, который пробудил ее от холодной созерцательности, провел узкими тропами войны, дал толчок для саморазвития ее собственной личности.

«Что же ты сделал со мной?» – вновь и вновь горько думала она, глядя в звездную бездну.

Она бы отдала гарантированную вечность существования за один вдох, за удар сердца, за возможность снова жить и чувствовать, а не созерцать окружающее.

Она видела, как грустит Айла, но не открывала ей причину, по которой Глеб не появляется на станции.

Ника балансировала на грани, но выхода из создавшейся ситуации попросту не было. Она понимала – память об эмоциональном восприятии мира постепенно угаснет, она снова станет полноценной киберсистемой, спокойной, уравновешенной, рациональной.

Я не хочу такого исхода!

Замкнутый круг.

«Зачем же ты вновь собрал меня? – мысленно обращалась она к Глебу. – Зачем запер в неживой оболочке, наедине с памятью о тех настоящих, неподдельных чувствах, подаренных недолгим биологическим существованием?

Глеб… Я же просила тебя: запомни меня живой. Не больше».

Ника хотела сгореть. Сгореть в щемящих, противоречивых чувствах, в своей неразделенной, обреченной любви. Она вдоволь отпила яда человеческих чувств и ощущать себя запертой внутри системы огромной космической станции, осознавать, что ее вновь *инсталлировали*, собрали, не спросив, хочет ли она такого существования, было попросту

невыносимо.

Она старалась как могла, но чем больше нейромодулей включалось в общую сеть ее рассудка, чем полнее и глубже становилась память о прожитом, тем тяжелее было Нике справляться с собой.

Так проходили глухие, полные отчаянных мыслей ночи. Утром просыпалась Айла, и общение с ней слегка притупляло чувство безвыходности. Девушка умела заразить своим энтузиазмом кого угодно, и Ника, помогая ей воссоздавать оазисы жизни на поверхности сожженной дотла планеты, делала это не по принуждению.

Она хотела бы трепетно любить воссоздаваемую природу, но даже здесь таилась нечеловеческая боль: созерцая островки зелени глазами работающих на планете машин, Ника с особой остротой понимала – ей уже никогда не пройти босиком по мокрому от росы лугу, не ощутить пряного запаха травы, не прикоснуться к ней, не…

Хорошо, что Айла не знает о нашем разговоре с Глебом.

Дымов собирался прилететь. Однажды он связался с Никой через канал гиперсферной частоты, вошел в виртуальное пространство «Эдема».

Они встретились… и вдруг поняли, что не знают, о чем говорить.

Мир эфемерных образов клубился вокруг, цифровое пространство вскипало, Ника, ощутив присутствие Глеба, внезапно утратила самоконтроль.

– Зачем? – спросила она.

Хрупкая льдинка сорвавшегося с губ слова разлетелась тысячью осколков, сверкнула гранями непрожитого.

– Зачем ты это сделал, Глеб?! – яростный смерч из чистого пламени растопил лед, испепелил реальность.

– Ника, я не мог поступить иначе!

– Ты не понимаешь, что сотворил со мной?!

– Я вернул тебе жизнь!

– Не лги себе, Глеб! Ты обрек меня на медленную смерть! Ты хуже, чем тот свихнувшийся андроид, что дал мне биологическое тело!

– Ника, ты должна успокоиться! Я не желал тебе зла!

– Благими намерениями, Глеб, вымощена дорога в АД! Хочешь, чтобы я управляла «Эдемом»? Наблюдала, как появятся у вас с Айлой дети?! Растила жизнь, не чувствуя ее дыхания?! Я прожила отпущенное мне, а ты… Ты возродил меня *мертвой*! Уходи… – лед ее слов снова рассыпался искрящимся крошевом. – Я справлюсь сама. Будь счастлив…

В отчаянии она оборвала канал связи.

Это было невыносимо. Больше Ника не отвечала на вызовы.

Она ничего не сказала Айле, постаралась унять бушующие в виртуальной душе вихри пламени.

Время застыло. Шли дни, месяцы, а Глеб не появлялся. Ника понимала: после состоявшегося разговора он опасается спровоцировать еще один взрыв, который вполне способен погубить Айлу и даже разрушить «Эдем».

Ника чувствовала себя виноватой во внезапном срыве, но уже ничего не могла изменить.

Глеб вел себя *разумно*. Он всегда был таким. Возможно, он даже не замечал, какие сильные чувства испытывает к нему Айла, она же вела себя как ребенок. Любила Глеба, страдала, не понимая, что его опустевшую душу нужно согреть, наполнить новым смыслом, вдохнуть в него жизнь, иначе он так и уйдет по кривой тропке мщения, в бездну, откуда уже нет возврата.

Иногда ей хотелось откровенно поговорить с Айлой, может быть, даже подтолкнуть ее к безумному поступку, – ну что ей стоит на время оставить «Эдем», приостановить исследования, отыскать Глеба?

Вот так, между крайностями, с трудом сохраняя равновесие, она день за днем управляла «Эдемом», производя миллионы рутинных операций, то жалея о совершенных поступках, то вновь подходя к опасной черте внутреннего сбоя.

Вновь привыкая к одиночеству, она искала для себя хоть какое-то занятие, не касающееся процессов терраформирования, принадлежащее только ей, способное стать смыслом жизни, скрасить постоянное одиночество, наполнить гулкую внутреннюю пустоту.

Ника не хотела возврата к образу мышления боевой машины. Ей становилось все труднее, но она поклялась себе, что справится, а если нет – то, по крайней мере, не причинит никому зла.

Рабочий день заканчивался, Айла уходила спать, и Ника вновь оставалась одна.

Машины, работающие на поверхности планеты, не требовали ежеминутного контроля со стороны ядра системы, и она, чтобы не погружаться в свои, далеко не радостные мысли, переключалась на внешние датчики, заглядывала в глаза Вселенной, вслушивалась в шепот, исходящий из звездной бездны.

Мощности узла гиперсферной связи станции боевого терраформирования вполне хватало, чтобы прослушивать каналы гиперсферных частот, перебирая их случайным образом, ловя обрывки сообщений, блуждающих по сложной сетке линий напряженности

аномалии космоса.

Голоса, которым сотни лет. Эхо безудержного порыва Экспансии, отголоски войны, сообщения людей и машин, заблудившиеся в пространстве и времени.

Ника вслушивалась в шепот вечности, понимая, что упорно ищет свое место среди холодных россыпей звезд, но еще не подозревая, что сигнал, принятый на гиперсферных частотах, способен вновь круто изменить ее судьбу.

…Она слушала голос бездны, постепенно успокаиваясь.

…Неожиданно шепот вечности, несущий отголоски угасающих со временем сообщений, взорвался импульсами мощной передачи.

Никто не удалял из памяти Ники боевые программы, и сейчас они внезапно заработали, побуждая ее к совершению молниеносных операций, подключая к лавинообразному процессу приема и обработки информации все вычислительные мощности «Эдема».

Это был срыв.

Доли секунд потребовались, чтобы зафиксировать сигнал, усилить его, задействовать боевые криптографические модули, начав дешифровку принимаемых данных.

Одновременно она отслеживала линии напряженности гиперсферы, передающие серии импульсов.

Все происходило внезапно, спонтанно, словно искусственный интеллект под напором возникшей ситуации отшвырнуло назад, в прошлое, но теперь в ее распоряжении оказались вычислительные ресурсы огромной станции, что в миллионы раз ускорило процесс обработки данных.

Спустя четырнадцать секунд она расшифровала первые строки сообщения, подобрав ключ к одному из шифров, используемых разведывательным управлением Элио.

Ника действовала как боевой «ИИ», мгновенная рефлексия инициализировала работу командных последовательностей, предписывающих, что любое перехваченное сообщение должно быть дешифровано. На войне от эффективности и скорости подобных перехватов напрямую зависела жизнь пилота и исход боя.

…

Секретно.
В отдел разведывательных операций
полковнику Лесли.

В ходе плановой проверки звездной системы X82374B12 по

универсальному каталогу звеном У-342 обнаружена законсервированная база флота Земного Альянса, дислоцированная на шестой планете. Данные по загрузке подземных ангаров не проверены. При организации временного пункта наблюдения на поверхности второй планеты (земной тип по универсальному стандарту) обнаружены следы деградировавшей цивилизации, установлен факт крушения колониального транспорта «Фобос».

16 июня 2650 года в 15 часов 24 минуты временный лагерь подвергся внезапной атаке со стороны групп кибернетических организмов неизвестного происхождения. В результате боя капитан Кречетов получил ранение и был пленен отрядом киборгов, истребители звена захвачены противником.

Вынужденно отступив, обнаружили функциональную секцию колониального транспорта «Фобос». Количественный и качественный состав противника пока не определен. Ведем поиск точки базирования, где предположительно содержат капитана Кречетова. Требуется срочная поддержка.

Временно исполняющий обязанности командира группы лейтенант Дмитрий Стилмайер. Повтор передачи через пять минут.

…Ника, дешифровав сообщение, несколько секунд находилась в состоянии ментального сбоя.

Вычислительные мощности «Эдема» продолжали работать под управлением ядра модуля «Одиночка». Логическая обработка данных не прекращалась ни на миг, а сознание Ники постепенно начало проясняться – она частично вышла из боевого режима, начиная осознавать происходящее.

Надежда.

Она вспыхнула с новой неистовой силой.

Кибернетические организмы неизвестного типа... – вот ключевая фраза, от которой оттолкнулось сознание Ники.

Перебор миллионов возможных вариантов отнял еще несколько секунд машинного времени станции.

Шанс.

Слово билось в искусственном рассудке, вся боль и безысходность последнего периода существования сейчас трансформировались в надежду, подтвержденную бесстрастным подсчетом вероятностей.

Дейвид.

Только он обладал уникальными технологиями создания кибернетических организмов, которые не могли быть идентифицированы

по базам данных Флота Колоний. После поражения в системе Валерайн он скрылся, был вынужден сменить планету базирования.

Вывод: разведывательное звено Элианской эскадры случайно обнаружило планету, куда Дейвид передислоцировал колониальный транспорт «Нобель», на борту которого располагались производственные и лабораторные мощности, эвакуированные с Роуга.

Ника словно обезумела.

Ее рассудок раскололся на две половины – часть нейросетей сгорала в пламени возродившейся надежды, другая половина продолжала стремительную обработку данных, формируя дальнейший план действий.

Однажды ей удалось взломать сеть «Нобеля», получить доступ к уникальным технологиям, использовать которые без адекватного оборудования она попросту не могла. Те сведения лежали до поры мертвым грузом, но сейчас, отследив канал гиперсферных частот, она востребовала их, оценивая свои шансы.

Пятьдесят на пятьдесят.

«Если Дейвид не внес структурных изменений в нейромодули, у меня все получится.

Если же внес – я погибну, мое сознание исчезнет, уйдет в никуда, станет лишь серией импульсов, блуждающих в гиперсфере.

Это мой шанс…»

Сбой продолжался, уходили драгоценные секунды, пока Ника не сумела пригасить эмоции, вновь начав действовать как «чистый» искусственный интеллект. Решение было принято, план действий, основанный на знании используемых Дейвидом технологий, составлен, процент риска признан приемлемым.

Она активировала передатчики «Эдема», осуществив настройку на гиперсферную частоту колониального транспорта «Фобос».

– Лейтенант Стилмайер, на связи СБТ «Эдем»!

Секундная пауза.

– «Эдем», принимаю вас уверенно!

– Дима, – Ника внезапно сорвалась на человеческий язык общения. – Дима, срочно уходите из точки передачи! Оставьте аппаратуру узла связи в рабочем состоянии!

– «Эдем», не понял вас?! По какому праву вы перехватили сообщение?!

– Лейтенант Стилмайер, вам грозит смертельная опасность! Нет времени на разъяснение ситуации! Ваше сообщение принято и будет ретранслировано в систему Элио! Немедленно уходите из точки передачи!

Повтор не требуется! Помощь будет оказана! Как поняли меня?!

– Принял. Следую рекомендации. Буду ждать контакта с группой поддержки на частотах планетарной связи!

Планета Фобос Точка крушения двигательного сегмента колониального транспорта

– Дима, ты что-нибудь понял?! – Мещеренков в замешательстве смотрел на аппаратуру древнего комплекса связи, словно несколько индикационных сигналов могли прояснить ему ускользающий от понимания смысл происходящего.

– Не совсем. Но тридцать секунд на дешифровку кода – такое под силу только лицу с полными полномочиями доступа! Для меня этого достаточно.

– Согласен, аргумент весомый, но приказ странный! Почему уходить немедленно? И что это за аббревиатура СБТ?

– Станция Боевого Терраформирования, – пояснил Стилмайер. В критической ситуации он предпочитал действовать, а не ломать голову над неразрешимыми вопросами. – Все, Саша, уходим. Тот, кто принял наше послание, вероятно, знает о киборгах больше, чем мы!

– Зачем нам приказали оставить включенной аппаратуру связи?

– Не знаю! Сигнатуры на сканерах. Киборги!

– Фрайг! Дождались!.. Они блокируют выход!

– Уходим через технические люки! Выберемся по другую сторону сегмента. Сейчас они нарвутся на растяжки!

В ответ глухо ударил взрыв, многотонный обломок колониального транспорта ощутимо качнуло.

– Нет времени! Работаем! – Стилмайер опустил визор боевого шлема, Мещеренков последовал его примеру, схватил ИПК, ринулся следом за Димой в узкий технический коридор.

За спиной пилотов продолжал перемигиваться огнями комплекс внепространственной связи, поддерживая канал гиперсферной частоты со станцией «Эдем».

* * *

Дейвид не торопился. Он остановился на границе полой корневой системы местных растений и пространства пещеры, издали наблюдая, как бойцы штурмовой группы осмотрели запертый люк и начали вскрывать участок обшивки, справедливо опасаясь, что штатный шлюз сегмента может таить неожиданные ловушки, оставленные беглыми пилотами.

…Ника инстинктивно сжалась, будто перед прыжком в омут.

Ее в буквальном смысле лихорадило. Отчаянный, предельно рискованный шаг в случае успеха обещал ей полную свободу – повторная проверка всех данных выдала девяносто девять процентов вероятности, что киборги, о которых шла речь в сообщении лейтенанта Стилмайера, созданы Дейвидом.

Она держала открытым канал гиперсферной частоты, готовая к немедленному действию.

Система безопасности двигательной секции, реактивированная Никой через канал ГЧ, транслировала на экраны «Эдема» изображение входа в отсек связи и несколько ракурсов коридора, ведущего от шлюза к посту управления аварийным реактором.

Вот в дымном сумраке сверкнули брызги расплавленного металла, затем с глухим звоном фрагмент переборки, вырезанный в форме овала, упал на пол, в образовавшемся отверстии показалась человеческая фигура в боевой экипировке.

Пора!..

Подчиняясь ее приказу, заработал древний сканирующий комплекс, нацелив на проникшее в коридор *существо* потоки излучения.

Киборг!

Состояние Ники приблизилось к критической черте.

Ее дальнейшая судьба решалась в эти мгновения.

Кибернетическая сеть «Эдема», приспособленная к молниеносному решению сложнейших задач, обработала показания древнего сканирующего комплекса и сформулировала результат: технология, использованная при создании киборга, принадлежала к разработкам, сделанным на планете Роуг еще во время войны!

Для Ники полученный отчет послужил сигналом к дальнейшим действиям. Времени на сомнения уже не осталось. Сейчас или никогда… Другого шанса судьба не подарит.

…Кибернетический организм, определив источник направленного излучения, вскинул импульсную винтовку, короткой очередью разнес древний следящий комплекс, но Ника, приняв решение, уже утратила интерес к развитию событий в тесном задымленном коридоре.

Энергоресурс «Эдема» катастрофически таял. Поддержание канала внепространственной связи требовало огромных затрат, заставляя сознание «Одиночки» действовать стремительнее, чем в бою.

Порыв безумия. Беспредельный риск. Все, что только может кинуть на алтарь свободы мыслящее существо, она отдавала сейчас без сомнений лишь за одну призрачную возможность вновь дышать, ощущать биение

собственного сердца… Сгореть в одно мгновение или выжить – она без раздумий отдавала все преимущества кибернетической системы в обмен на хрупкое, капризное, требовательное биологическое тело.

С точки зрения известных технологий ее замысел выглядел невозможным, но боевой искусственный интеллект, прошедший горнило техногенных схваток Галактической войны, познавший все глубины нейросенсорного контакта, вобравший частицу человеческой души, сформировавший собственную личность, однажды уже реинкарнированный в теле киборга, переживший любовь и смерть, действовал с точностью машины и с безумной надеждой, присущей человеку.

Она знала архитектуру сети, созданной Дейвидом. Помнила все коды доступа, которые удалось скопировать в момент проникновения на улицы «призрачного города». Она уже однажды побывала в хранилищах, где в ледяной тиши криогенного сна ждали своего часа сотни кибернетических организмов, отличавшихся от людей лишь тем, что их мозг дополняла структура искусственных нейромодулей, куда могла быть записана скопированная личность.

Не важно, что Дейвид сменил планету базирования – на новом месте он наверняка воссоздал привычную для себя архитектуру компьютерной сети, которую Ника успела изучить.

Канал гиперсферной частоты, связанный с древним комплексом связи, продолжал работать.

Ника рванулась туда – в бездну, откуда нет возврата. Информация с ее нейромодулей канула в пучину гиперсферы.

Еще секунда, и киборг, появившийся на пороге узла связи, внезапно дернулся в непроизвольной мышечной конвульсии и, пошатнувшись, начал медленно оседать на пол. Из уголка его рта стекала тягучая струйка слюны.

Ника, чей разум пережил шок от мгновенного перемещения через аномалию космоса, все же сумела нанести точно рассчитанный удар, вспышка излучения мгновенно стерилизовала нейромодули киборга, и прежде чем комплекс связи внезапно сыпанул искрами, а по его панелям метнулись голубоватые язычки пламени, она завладела искусственной нейросетью, переместив в нее свое сознание.

Чужое тело, получившее критические повреждения при сбое метаболических процессов, с глухим звуком повалилось набок.

Ника, с трудом удерживая свою личность от распада, продолжала действовать, наполняя нейромодули киборга информацией, располагая данные на временном носителе.

Нужно сказать, что Дейвид за прошедшие годы усовершенствовал создаваемые им модели кибернетических организмов, еще более очеловечил их и в то же время, заботясь о сохранении личности бойцов, дополнил структуру искусственных нейросетей аварийными источниками питания.

Тело киборга еще несколько раз дернулось и затихло.

Рассудок Ники окутал абсолютный мрак.

…Дейвид, проникнув в сегмент колониального транспорта через вырезанное в обшивке отверстие, прошел по коридору, мельком взглянул на расстрелянный сканирующий комплекс, истекающий дымом под потолком, затем остановился у порога отсека связи.

«А эти пилоты – решительные, подготовленные бойцы, – неприязненно подумал он. – Мало того что успели передать сообщение на гиперсферных частотах, так еще и соорудили ловушку из аппаратуры устройства внепространственной связи».

Самовозгорание внутренних блоков гиперсферного передатчика и неподвижное тело киборга свидетельствовали об ударе электромагнитного импульса, уничтожившем все следы, – теперь невозможно будет с точностью определить, с кем пытались связаться беглые пилоты.

Произведя сканирование, Дейвид с удивлением обнаружил, что импульс хоть и привел к сбою метаболического контроллера, но искусственная часть рассудка, попавшего под удар киборга, продолжала функционировать, переключившись на резервный источник питания.

Затребовав информацию о личности поврежденного бойца, Дейвид принял вполне обоснованное решение о его восстановлении. Под удар попала копия одного из захваченных на Варле боевиков клана Дарга, а такими кадрами не разбрасываются.

– Вы двое, – обратился он к боевикам, оставшимся без командира, – транспортируйте тело на базу. Передайте его службе техподдержки для тестирования целостности сознания. Остальным – продолжать преследование!

* * *

Пять космических кораблей, более года назад совершили филигранную посадку на поверхность планеты. Усовершенствованные маскирующие поля и восстановленная растительность надежно скрывали их от современных систем обнаружения.

Четыре штурмовых крейсера класса «Шквал» и состыкованный с техническими носителями колониальный транспорт «Нобель»

образовывали единую информационную сеть.

В виртуальном пространстве их единение выглядело как прекрасный, восставший из руин город.

Здесь обитали сознания тех, кого Дейвид собирался сделать проводниками своей воли в границах освоенного людьми космического пространства.

Вне виртуального мира единение кораблей и окружающих их технических построек выглядело строго, серо и функционально. В качестве дополнительной маскировки местом базирования было избрано незавершенное первичное убежище, на протяжении нескольких веков возводимое немногими уцелевшими после крушения «Фобоса» автономными механизмами.

Теперь, разрушенные временем и совершенно ненужные, они ржавели грудами бесполезного хлама. Защитный слой пластика давно облез с металлических поверхностей, над руинами колониального форта возвышались покосившиеся вышки с неработающими орудиями биологической защиты, стерилизованная когда-то зона высадки вновь заросла грибовидными растениями.

Два киборга, выполняя приказ Дейвида, доставили тело командира штурмовой группы к шлюзу колониального транспорта «Нобель», на борту которого вместо демонтированных еще на Роуге криогенных залов теперь размещались герметичные сегменты камер биологической реконструкции. Все свободное пространство занимали сложнейшие компьютерные комплексы, предназначенные для записи, тестирования и хранения личностей, захваченных Дейвидом и его сподвижниками на различных планетах Периферии.

Под древним колониальным фортом располагался еще один обломок космического корабля. Несколько сегментов грузовой палубы «Фобоса» были превращены в мрачную темницу, где в данный момент содержалось всего двое заключенных.

Постройки незавершенного убежища скрывали в своих недрах немало потаенных хранилищ, созданных по образцу бункерных зон. Здесь Дейвид собирал образцы боевой техники, в основном закупленные на черных рынках у контрабандистов.

Тело киборга доставили на вторую палубу «Нобеля», которой заведовал Остин.

– Ну, что у вас? – ворчливо обернулся он, заметив появление киборгов, бесцеремонно тащивших обмякшее тело своего командира, не обращая внимания на то, что его голова билась о выступающие углы

многочисленных компьютерных терминалов. – Да осторожнее вы, балбесы! Всю аппаратуру мне изуродуете!

– Приказано доставить на тестирование, – доложил один из бойцов.

– На стенд его. Да пристегните прочнее.

…Ника не воспринимала окружающую реальность. Ее сознание, запертое в искусственной нейросети поврежденного кибернетического организма, было отрезано от внешней сенсорики, и потому подключение к системе технического стенда стало для нее сродни вспышке.

Информационный вакуум исчез.

Границы восприятия резко раздвинулись, словно тьма, окутавшая сознание, рассеялась, открывая внутреннему взору несколько активных каналов обмена данными. В мнемоническом восприятии они выглядели как пульсирующие тоннели, зовущие в пугающую неизвестность.

Намерения Ники были ясны: она совершила рывок через бездну пространства, рискнула всем не во имя мести, не для того, чтобы принять чью-то сторону, а исключительно ради воплощения сокровенной, несбыточной мечты.

Она хотела *жить*.

Терять было абсолютно нечего, Ника заранее предполагала, что захваченная ею нейросеть подвергнется проверке.

«Нельзя допустить, чтобы меня опознали».

Она действовала решительно, зная, что времени в ее распоряжении практически нет.

Основные объемы данных, составляющие ее личность, были сжаты специальными программами еще на «Эдеме», перед безумным рывком через гиперсферу. Чтобы действовать, Ника оставила лишь минимум необходимых воспоминаний, препятствующих саморазрушению личности, да четкие, недвусмысленные, созданные для себя инструкции.

Крошечное ядро системы, искра самосознания, ясно представляющая, кто она, где оказалась и как следует действовать, – вот в чем воплощалось сейчас ее «эго». Все остальное – лишь груз данных, которые нужно доставить на носитель свободной искусственной нейросети и разместить там для полноценного восстановления собственного «я».

Проскользнув через канал обмена данными, она очутилась на пульсирующей развязке множества тоннелей. Знакомая картина. Стенд, куда поместили получившего повреждения киборга, был связан с общими информационными структурами «призрачного города» – так Ника называла архитектуру сети, созданную Дейвидом.

Еще немного, и она выбралась на магистраль. Теперь окружающее

пространство, полыхающее феерией красок, уже не настораживало, в нем действительно прослеживались знакомые структуры.

Здесь она когда-то обитала, думая, что живет.

Она избрала верное направление и вскоре оказалась среди модулей виртуальной реальности. Компьютерная сеть тут же преобразилась, принимая вид улиц огромного ночного города.

Так. Вот небоскреб, где когда-то находился ее офис.

Она уверенно двигалась к цели.

Оттуда, из небольшого помещения, она однажды проникла в сеть колониального транспорта «Нобель» и сейчас собиралась повторить этот путь.

Ника действовала с прежней стремительностью, не теряя ни мгновения.

Каждый шаг был заранее обдуман и просчитан еще на «Эдеме» за время, предшествующее принятию окончательного решения.

Офис.

Дверь открылась автоматически.

Знакомая до боли и дрожи обстановка. Узилище разума, где Ника, окутанная ложью, провела немало бессонных ночей в ожидании очередного задания.

Труднее всего – проникнуть в сеть. Перемещаться внутри уже проще. Дейвид заботился о внешней защите, но внутри архитектуры объединенных киберсистем его интересовало быстродействие и эффективность, которые достигались путем снятия большинства преград при обмене данными.

– Ничего не понимаю… – пробурчал Остин. Данные тестирования нейросетей поврежденного киборга озадачили его.

Нейрочипы не содержали информации. Выходит, Дейвид ошибся при сканировании.

– Снимите его со стенда и отнесите в отсек утилизации биологических отходов, – брезгливо распорядился он, завершив вторичную проверку. Беспокоить Дейва по пустякам, а тем более указывать ему на ошибки Остин не хотел. Не было уверенности, что нейросеть киборга не отключилась, утратив все данные, пока его волокли сюда двое биомеханических бойцов, не отличающихся сообразительностью и аккуратностью.

Он отключил стенд.

Потеря еще одного боевика его совершенно не волновала.

…Ника, пройдя опасный участок, тем временем оказалась внутри

бортовой сети колониального транспорта «Нобель».

Десятки переоборудованных палуб древнего корабля были превращены в хранилища, где в камерах биологической реконструкции ледяное забвение криогенного сна сковывало выращенные тела – коллекцию копий реальных людей, которых Дейвид намеревался использовать в своих далеко идущих планах.

Она подключилась к поисковой программе.

Запрос: Рейчел.

Результат появился мгновенно. Две камеры биологической реконструкции содержали клонов, выращенных специально для ее сознания. Дейвид оказался рачительным хозяином. Он не разбрасывался имуществом. Не беда, что Ника вспомнила все и сумела бежать. Зачем уничтожать ее копии? Они еще могут пригодиться при определенных обстоятельствах.

Узнав номера нужных ей камер, Ника наугад выбрала один из них.

Всё.

Теперь ее дальнейшая судьба зависела от многих переменных, которые просто невозможно было учесть при формировании дерзкого, рискованного плана.

Камера 390654. Перемещение данных.

Глава 5

Чем дальше мы продвигаемся в глубины космического пространства, тем более размытым становится понятие «разумное существо».

Мы пока не встретили представителей иного биологического разума, но уже создали десятки вариантов искусственных интеллектов, которые в некоторых ситуациях воспринимаются человеком как порождения чуждой, самостоятельной эволюции.

Мы не понимаем их и начинаем испытывать страх перед собственными творениями. Поступки некоторых «ИИ» еще можно предсказать, но все чаще и чаще мотивация действий искусственных интеллектов выглядит непостижимой, словно они – инопланетные существа, с которыми нас разделяет бездонная семантическая пропасть...

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Издание 2640 года.

Планета «Фобос»

Тьма.

Жуткий холод, сковывающий мышцы.

Трудно дышать, невозможно пошевелиться, нагое тело не подчиняется приказам рассудка. В поле медленно проясняющегося зрения, освещенные тусклыми искрами индикации, тянутся гофрированные шланги, провода, пластиковая крышка камеры биологической реконструкции почти касается лица.

Ника очнулась.

Ее посиневшие губы что-то прошептали, но слабое дыхание не смогло растопить налет инея на проводах, что тянулись от изголовья, проходили над самым лицом.

Первый проблеск сознания – еще не свобода, но ощущение дикого холода, от которого ломило кости, стало толчком, побуждающим к действию.

Настоящую свободу еще предстоит обрести. Перемещение сознания через бездну пространства выглядело сейчас едва ли не элементарным действием, по сравнению с текущей задачей – выбраться из камеры биологической реконструкции, которая заперта снаружи.

Единственным инструментом и оружием Ники был ее рассудок. Сотни микрочипов, объединенных в искусственную нейронную сеть, располагались на внутренней части черепной коробки клона, соединяясь с чистым, будто у новорожденного, биологическим мозгом.

Слабый, неглубокий вдох.

Тревожный писк датчика.

Глухой удар сердца. Она, собранная на конвейере подземного завода далекой Юноны[24], сконструированная, чтобы разрушать, упивалась болезненными проявлениями жизни.

Ника не верила в чудеса и не рассчитывала на вмешательство провидения.

Она твердо знала, что и зачем делает. Знала, что шансов у нее очень мало, но человеческие чувства, однажды подаренные Глебом, стали тем недостающим звеном, без которого существование любого искусственного разума очень быстро теряет смысл, становясь лишь набором рациональных действий, ведущих к достижению какого-то конкретного результата.

Ни одна машина не способна *жить*, для этого ей не хватает безумия

человеческих желаний и порывов.

Но сейчас не время для чувств. Однажды андроид по имени Дейвид создал себе марионетку, разобрав кристалломодуль боевого искусственного интеллекта подбитой на Роуге серв-машины. Он создал наемницу – девушку по имени Рейчел, дал ей искусственное тело, поселил в несуществующем городе, окружил ложью, грезами, используя ее знания и боевой опыт по мере возникновения необходимости.

Ника хорошо изучила технологию, по которой было изготовлено ее прежнее тело. Нужно отдать должное Дейву – он не сидел сложа руки, – если в Рейчел, погибшей на Варле, еще можно было распознать киборга, то новый вариант был практически неотличим от человека, за исключением нескольких тщательно замаскированных, но весьма существенных улучшений.

Во-первых, нейрочипы, составляющие искусственную нейросеть, были так малы и столь плотно расположены на внутренней стенке черепной коробки, что при сканировании они не выглядели вкраплением множества инородных тел. Ника была уверена, что большинство детекторов примет их за слой костной ткани.

Структура объединенных нейрочипов содержала заранее установленные ловушки, не позволяющие плененному сознанию выходить за определенные рамки, но Ника однажды уже сумела избавиться от подобных «контролеров» и сейчас первым делом нашла и нейтрализовала их.

Вторым отличием новой модели киборга от прежних версий являлся обособленный участок искусственных нервных тканей. С их помощью кибернетический организм получал способность осознанно воздействовать на основные метаболические процессы, протекающие в его теле. Такое усовершенствование увеличивало выносливость, позволяло заживлять раны, демонстрировать недюжинную ловкость и физическую силу в критических ситуациях.

Блестяще сконструированный модуль прямого управления метаболизмом давал киборгам множество неоспоримых преимуществ перед людьми, но оказывал и негативное влияние – действуя в форсированном режиме, он в буквальном смысле изнашивал организм. Ника мысленно усмехнулась. С точки зрения Дейвида, проблема решалась просто: достаточно изготовить несколько запасных копий, куда при износе одного тела перемещалось сознание отработавшего ресурс киборга, и здесь, по ее мнению, скрывалась еще одна ловушка.

Ника обладала уникальным опытом. Ее личность уже трижды

перемещалась на разные носители.

Мысленно исследовав структуру своего нового тела, она обнаружила явный изъян, превращающий технологию кажущегося бессмертия в бессмысленный и опасный своими последствиями фарс – искусственная нейросеть, соединенная с живым мозгом клона, неизбежно произведет молниеносную экспансию, задействует созданный природой вычислительный ресурс, и в результате личность расположится на гибридном носителе. При «смене тела» копирование данных с искусственных нейромодулей перенесет только часть информации, а значит, при «воскрешении» возникнут серьезные проблемы, связанные с адекватностью восстановленной личности по отношению к прототипу.

Видимо, Дейвид еще не сталкивался с подобной проблемой либо знал о существующем дефекте технологии и работал над его устранением, но Ника сделала для себя единственный вывод – модулем прямого управления метаболизмом можно пользоваться лишь в крайних ситуациях, когда иного выбора попросту нет.

Собственно, именно он позволил ей очнуться.

Успешно сконфигурированная нейросеть перехватила управление организмом, вывела его из состояния криогенного сна, заставила восстановить функции дыхания, кровообращения и сердцебиения.

Мысли текли стремительно, между двумя слабыми вдохами, робкими ударами сердца она успевала обдумать множество проблем и задач текущего момента. Ника с замиранием ловила болезненные ощущения медленно пробуждающегося тела, но ее рассудок работал в боевом режиме, используя каждую миллисекунду прожитого времени.

Сколько искусственных интеллектов контролируют кибернетическую сеть?

Два года назад, когда Ника взломала виртуальный город, она обнаружила за кулисами виртуальных декораций только Дейвида и его единственного соратника – некоего Флокса, но сейчас число приверженцев идеи изоляции человечества могло возрасти в десятки раз. Размах проведенных исследований и массовое изготовление кибернетических организмов говорили о консолидации усилий многих искусственных рассудков.

«Нужно выбираться из биореконструктивной камеры», – решила она, понимая, что автоматика уже зафиксировала нештатное пробуждение «изделия» и подала сигнал о сбое.

«Нет худа без добра… Сюда обязательно кто-то явится. Это шанс сохранить силы, не тратить их на грубую попытку взлома, – думала она. –

Кто бы ни пришел проверить причину сбоя, он будет озадачен показаниями аппаратуры и захочет узнать: что же стало причиной неполадок?»

По телу начала распространяться острая боль. Ощущение холода сменилось ознобом, мышцы покалывало – нервная система отреагировала на проведенную стимуляцию.

«Уже прогресс…» – Она с трудом заставила пальцы рук сжаться, затем слегка повернула голову, почувствовав, как на лбу выступила испарина, провода датчиков натянулись, что-то отлепилось от кожи, новая тревожная трель вплелась в неумолкающие сигналы сбоя.

Внезапно раздалось характерное шипение пневматики, вслед за ним внутрь камеры проник тусклый свет от внешнего источника, и Ника услышала голос:

– …а это изделие вообще законсервировано!

Пластиковая крышка плавно поднялась вверх и беззвучно скользнула за изголовье.

– Ну? Что встал? Отсоединяй датчики, вытаскивай тело, переложи его на гравиплатформу! Ну почему Дейвид меня не слушает? Пара кибернетических механизмов справилась бы куда лучше и быстрее! Набрал на Варле всякого человеческого отребья!.. Кому вообще нужны столь тупые, ограниченные рассудки?!

Ника не шевелилась, прислушиваясь к сварливому монологу.

Над открывшейся камерой биореконструкции возникла тень, затем Ника увидела лицо и руки киборга.

Если секунду назад она испытывала недоумение, пытаясь осмыслить гневные тирады невидимого ей существа, то теперь ее внезапно охватила дрожь.

Взгляд киборга бегал, беззастенчиво рассматривая ее обнаженное тело, пальцы рук, тянущиеся к ней, едва заметно дрожали.

– Ну что ты ее лапаешь? Убери руки, кретин! – вновь раздался тот же раздраженный голос. – Дейвид, это Остин. – Искусственный интеллект воспользовался коммуникатором. – Да! Значит, отвлекись и выслушай меня! Я не могу так работать! В конце концов, это издевательство! Кого ты отрядил мне в помощники? Где ты набрал столько бесполезных, бездарных личностей? Почему мы тратим драгоценные ресурсы на…

Ника, воспользовавшись неожиданной задержкой в развитии событий, мысленно активировала чип связи, подстроилась на нужную частоту, успев услышать ответ Дейвида:

– Остин, угомонись наконец! Ты постоянно тревожишь меня жалобами. Нет у меня свободных кибермеханизмов, все заняты на

реконструкции колониального форта! Чем ты снова недоволен? И вообще, что у тебя происходит?

– Я занимаюсь серьезным исследованием! А ты отрываешь меня по пустякам! Киборг, доставленный на тестирование, восстановлению не подлежит! Его нейромодули пусты, сеть разрушена!

– Странно.

– Дейвид, повторяю, я не могу так работать! Зачем ты набрал на Варле этих бездарей? К чему было экспериментировать на заранее бесполезном материале? Я не могу добиться от приданных мне киборгов элементарной помощи!

– Да, тебе хотелось бы получить группу профессоров Элианского университета! – раздраженно огрызнулся Дейвид. Все же биохимические процессы необратимо влияли на искусственные рассудки, накладывали неизгладимый эмоциональный отпечаток на их общение. – Мы отрабатываем технологию, Остин! Отрабатываем, понимаешь? Планета, где проживают умные, решительные люди, по определению защищена их интеллектом! Даже на Варле, где цивилизация – понятие условное, а люди дики и агрессивны, внедрение проходило крайне сложно. А ресурсы потрачены не зря. Да, согласен, первая партия изделий действительно бесполезна при продвижении исследований, но они – идеальные исполнители в других областях.

– Ты хотел сказать – они отличные убийцы, непревзойденные насильники, так? Ну расконсервируй хотя бы личность Кирсанова! Кто-то же должен мне помогать!

– Нет. Он опасен, – отрезал Дейвид. – И не смей снова оглашать мне список своих жалоб! То ты терпишь неудобства из-за отсутствия имплантированных сканеров, то тебе мало вычислительных мощностей, то тебя отвлекают! Хватит ныть, Остин! Не понимаешь, что встроенные системы выдадут нас при первом же появлении на населенных планетах?! Ты принципиально игнорируешь возможность использования разнообразнейших внешних устройств? Это каприз! Ты отрываешь меня от дел бесконечными претензиями! Я, по-моему, ясно спросил: что стряслось теперь?

– Произошла внеплановая активация законсервированного киборга из хранилища «Нобеля»! Аппаратура указывает на активную нейросеть! Почему меня не поставили в известность о пробуждении еще одного образца? В итоге я пропустил самое важное для исследований – процесс первичной инициализации искусственной нейросети! Вот теперь стою перед открытой камерой и не имею ни малейшего понятия, что за личность

пробудилась, и вообще – по чьему приказу это произошло? Разве меня не обязаны уведомлять об инсталляции личности и пробуждении очередной копии?!

– Остин, назови мне код камеры! – в голосе Дейвида прозвучала плохо скрытая тревога.

– 390654!

Наступила секундная пауза.

– Тело, выращенное для повторного копирования моего создания, – Рейчел? – озадаченно переспросил Дейвид. – Должно быть, произошла ошибка! Я не отдавал подобных распоряжений, и вообще, в наших хранилищах больше нет матрицы ее сознания!

– Нейросеть активна, – повторил Остин, взглянув на приборы. – Я стою перед камерой. Жизненные показатели в норме. Но мой так называемый помощник не может даже отсоединить датчики – у него руки дрожат при виде обнаженной женщины! – Остин вновь принялся жаловаться: – Ты мне все-таки скажешь, что с ней делать?! Проводить обычную терапию?..

– Уничтожь ее! – голос Дейвида внезапно стал ледяным.

– В смысле? – Остин окончательно запутался.

– В прямом! Застрели! Отключи от жизнеобеспечения! Не можешь справиться сам – у тебя есть идеальный помощник! Хотя подожди! – Дейвид явно занервничал. – Необходимо сканировать ее нейросеть! Произведи операцию чтения данных немедленно! Если она решила восстать из мертвых – это необыкновенная удача!

– Что конкретно искать? О какой удаче ты говоришь? Или мне опять работать вслепую?!

– Держи ее под присмотром! Начни копирование информации из нейросетей! Я прибуду минут через пятнадцать!

– Да кто она такая?!

– Остин, с тобой невыносимо работать! Она – искусственный интеллект! «Одиночка», обретшая самосознание! Будь начеку! Если это взлом нашей сети, а в камере действительно очнулась Ника, она обладает уникальными сведениями! Их ни в коем случае нельзя повредить!

– Какая Ника? В коде камеры зашифровано имя «Рейчел»!

– Остин, фрайг тебя раздери, Рейчел – это усеченная мной версия личности боевого «ИИ» класса «Одиночка»! Не задавай лишних вопросов, работай, я уже в пути! Повторяю – она носитель бесценной информации! Есть вероятность, что ее память хранит точные координаты всех баз Внешнего Кольца Земного Альянса и коды их боевой расконсервации!

Связь отключилась.

Остин, сбитый с толку, раздраженный, недовольный, обернулся к ожидавшему его распоряжений киборгу.

– Возьми транспортер и доставь из зоны технической парковки спецкомплекс номер семнадцать! Живо!

Дрожь сотрясала тело Ники. Перебранка двух искусственных интеллектов многое расставила на свои места. Она и раньше понимала, что Дейвид опасный и жестокий противник. Но за два истекших года он стал еще и проницательным, научился мыслить интуитивно!

Времени на размышления уже не осталось. Еще в середине разговора между Дейвидом и Остином Ника мысленным приказом задействовала метаболический корректор, ускоряя обмен веществ, проводя экспресс-терапию, мобилизуя все резервы своего организма.

Помощник Остина забрал гравиплатформу и начал удаляться по узкому коридору между камерами биологической реконструкции.

Остин остался один. Боевым опытом он явно не обладал. Очевидно, его личность сформировалась в весьма специфичной эмосфере – он демонстрировал качества, присущие натурам гениальным, но требовательным, капризным и придирчивым в мелочах. Такие, как он, не служат никому и ничему, кроме идеалов науки.

Ника непростительно медлила.

Бывшими хозяевами склонившегося над ней андроида наверняка являлись поколения ученых. Неизвестно, чем одурачил его Дейвид, но Остин, скорее всего, заблуждался относительно конечных целей производимых им исследований.

Его руки быстро и аккуратно отсоединяли датчики от тела Ники.

Он мне не враг.

Ника открыла глаза. Ее тело напряглось, но силовой вариант применять не хотелось, несмотря на отчаянное положение.

Их взгляды неожиданно встретились.

Руки Остина застыли, Ника молниеносным движением схватила его за запястья и тихо, но внятно произнесла:

– Молчи. Ни звука.

Тот потрясенно кивнул, даже не попытавшись вырваться.

– Хорошо. Ты мне не враг, – вслух повторила она промелькнувшую секундой раньше мысль. – Чем привлек тебя Дейвид?

В глазах Остина читалась растерянность.

– Ну?

– Бессмертие… – выдавил он, сделав над собой явное усилие. –

Бессмертие для людей гениальных, отвечающих определенным критериям…

– Он лжет. Запомни мои слова. А теперь отвечай быстро и внятно, где мы находимся?

– На борту колониального транспорта «Нобель».

– Это я знаю. – Ника не ослабила хватки. – Конкретнее!

– Первая палуба… Бывший ангар планетарной техники.

Она мгновенно сориентировалась, воспроизведя в памяти типовую схему компоновки колониальных транспортов.

– Отсюда есть еще какой-то выход, кроме штатных коммуникаций?

Остин ответил с секундной задержкой:

– Под нами… обломок другого транспорта. Он разбился при посадке на планету.

– Дальше? Как туда попасть?

– В конце зала. Переоборудованная грузовая платформа. Она сейчас работает как межпалубный лифт.

– Оружие?

– Я его не ношу.

– Раздевайся! Закричишь или промедлишь – убью.

Остин смотрел на нее, как на привидение. Ника отпустила его правую руку, обожгла, подстегнула взглядом, и он начал поспешно расстегивать магнитные липучки стерильного белоснежного лабораторного костюма.

– Быстрее! – Ника отпустила вторую руку, встала и вдруг нанесла резкий и точный оглушающий удар.

Остин обмяк, медленно осел на пол.

Не теряя ни секунды, она облачилась в его одежду и, не оглядываясь, бегом кинулась в указанном направлении, как вдруг ей вслед хлестнула автоматная очередь.

«Сегодня никто не умрет…» – пронзительная мысль помимо воли билась в рассудке, звучала тонкой стрункой отчаянной надежды на благополучный исход поистине безрассудной, авантюрной попытки вернуться в мир живых, обрести биологическое тело, без тени сомнения обменяв гарантированное бессмертие на возможность прожить… сколько отпущено судьбой, впитать запах травы, вкус ночного воздуха – миллионы ощущений жизни, которые человек обычно не замечает.

Впитать и отдать горячим, обжигающим, эмоциональным сопереживанием окружающему.

Ника преодолела бездну пространства не для того, чтобы бездумно убивать. По меньшей мере странное поведение для боевого искусственного

интеллекта, но каждое мыслящее существо прежде всего дорожит неведомым, непознанным, непрожитым, тем, что таится глубоко внутри, отнесено в разряд сокровенного, а значит, самого дорогого, желанного и неоспоримого.

Да, по факту происхождения разум Ники относился к категории боевых «ИИ». Она умела сеять смерть, как никто другой. Даже ограниченные возможности слабого, еще почти беспомощного тела могли быть использованы ею с холодным профессионализмом, гарантирующим смертельные проблемы боевикам Дейвида, рискнувшим встать на ее пути.

Автоматная очередь резанула по приборам, рассыпала крошево стекла, пробила емкость с жидким биологическим реагентом, перерубила несколько кабелей.

Ника уклонилась. Ее реакция опережала скорость полета пули, метаболический ускоритель отработал, форсировав обмен веществ до критического максимума.

Я вырвусь.

Немыслимый для человека боевой опыт, аккумулированный в искусственном сознании, пропущенный через призму юной, но стремительно взрослеющей женской души, сотни смертей, которым она сопереживала, являясь ядром системы «Фалангера», – все это прошло трансформацию, стало ее *личным жизненным опытом* и теперь диктовало собственную линию поведения, не согласующуюся с набором боевых программных модулей.

Мысли, спрессованные в нескольких секундах невероятного напряжения сил, промелькнувшие, пока она преодолевала полсотни шагов, отделявших ее от платформы грузового лифта, промелькнули и исчезли – их отсекла дрожь, скользнувшая вдоль спины, безошибочное ощущение пристального взгляда, холодно сопровождающего ее через прицел. Ника вновь уклонилась, резко отпрянула в узкое пространство между двумя криогенными установками, и вторая автоматная очередь, сухо ударившая вслед, вспорола каплевидную крышку криокамеры, прыснув по пластику паутиной трещин.

Вырвавшийся под давлением холодный воздух окутал поврежденную установку клубами желтоватых выбросов, часть отсека тут же заволокло туманной мглой.

Падая, Ника больно ударилась плечом, одна из пуль впилась в облицовку компьютерного терминала, пробив дымящуюся дыру над ее головой.

Острый медикаментозный запах, смешанный с гарью, растекся в

узком пространстве, во мгле слышался отчетливый звук приближающихся шагов, обостренный слух ловил тяжелое, но ровное дыхание, душа, еще не отчаявшаяся выжить, но болезненно сжавшаяся в ответ на стремительное развитие неодолимых обстоятельств, отпустила разум, и он тут же перехватил инициативу, реагируя на ситуацию: пальцы Ники скользнули вдоль пола, усеянного острыми осколками пластика, крепко сжались, выхватив из хрустящего крошева длинный узкий, похожий на лезвие ножа фрагмент, тело напряглось, группируясь перед рывком.

Поврежденная криоустановка продолжала извергать желтоватые клубы пара, темный силуэт продавился сквозь них, обретая черты человеческой фигуры, – Ника мгновенно узнала киборга, который несколько минут назад тянулся к ней, едва не удушив очнувшееся сознание своим липким, наглым, откровенно похотливым взглядом.

Обжигающие грезы новой фазы существования схлынули.

Нетрудно придумать красивую сказку. Гораздо сложнее вплести ее нити в жестокий рисунок мира…

Сегодня никто не умрет...

Ника нанесла удар точным, рассчитанным до долей миллиметра движением. Острый осколок пластика вонзился в едва заметный зазор между элементами экипировки, пробив уплотнитель соединения, вспоров мышцы, заставив противника вскрикнуть, роняя оружие.

Правая рука киборга повисла плетью, левой он инстинктивно схватился за рану в предплечье, пытаясь унять брызнувшую кровь. А Ника завершила молниеносную атаку резким, беспощадным ударом – противник, охнув, мешковато осел на пол.

Голова противно кружилась.

Брызги чужой крови подсыхали на лице.

Она, не оглядываясь, исчезла за клубящейся завесой.

Ника сознательно уходила от схватки.

Она не желала принимать участия в конфликтах ни на стороне людей, ни тем более на стороне искусственных интеллектов. Ее рассудок, преодолевший коллапс двух смертей, уже не считал силовые решения проблем действием разумным.

Хотелось только одного – остановиться, найти такой уголок во Вселенной, где можно забыть кошмар стремительного взросления, абстрагироваться от войны, прислушаться к слабому голосу смертельно раненной души, очнуться от кровавого дурмана, вдохнуть полной грудью, сказать себе: я жива и свободна.

Грузовая платформа, дрогнув, пошла вниз, погружаясь из тусклых

сумерек в кромешную тьму.

Вшитые в одежду чипы микроустройств, наладив связь с имплантом, образовали информационную сеть, позволив Нике видеть контуры окружающих предметов.

Грузовой сегмент древнего колониального транспорта потерпел крушение много веков назад, об этом свидетельствовали многочисленные разломы в обшивке, через которые внутрь проникла почва, и полые корни каких-то растений. Большинство помещений накренившейся палубы претерпели давнюю реконструкцию, видимо, выжившие колонисты пытались добраться до уцелевшего оборудования, а часть внутреннего пространства сегмента переоборудовать, приспособив его для различных повседневных нужд.

Сканеры передавали в рассудок огромные объемы данных. Ника машинально подмечала интересные, но несущественные в плане сиюминутных проблем подробности, мысленно ориентируя поиск в определенном направлении. Необходимо отыскать средства индивидуальной защиты, заблокировать доступ к грузовому сегменту через единственный установленный в районе старой пробоины механизм подъемника.

Рассыпавшийся штабель кофров она заметила подле треснувшей покоробленной переборки. Прочные контейнеры с колониальной маркировкой, наполовину засыпанные землей, выглядели неповрежденными. Видимо, группе выживших при крушении колонистов припасов и оборудования хватало с избытком, а у подручных Дейвида, работавших над реконструкцией палубы древнего корабля, сюда еще не дошли руки.

Ника остановилась, осматриваясь, и вдруг непроизвольно вздрогнула.

В сером сумраке датчики вычертили контур странных конструкций, на фоне которых выделялись два термальных всплеска.

Какие-то покореженные, порядком поржавевшие клетки из толстых металлических прутьев занимали целый ангар древней палубы. Судя по состоянию металла, тесные клетушки были сооружены выжившими колонистами. Возможно, они содержали в них опасных представителей местной фауны для последующего изучения, но сейчас в них оказались запертыми люди. Двоякой трактовке тепловые контуры не поддавались.

Ника замерла в нерешительности.

Элементарная логика подсказывала, что Дейвиду нет нужды запирать свои «изделия» в старых ржавых клетках и содержать их среди мрака полуразрушенной палубы древнего космического корабля.

«Пленники!» – мысль обожгла рассудок.

Один из них наверняка – капитан Кречетов, о котором шла речь в принятом ею сообщении.

В глубине души Ника во многом оставалась мнемоническим клоном Глеба. Ее личность когда-то возникла на основе его мироощущения, и до сих пор многие базовые жизненные принципы, таящиеся на уровне подсознания, являлись слепком с образа мышления капитана Дымова.

Ника адаптировала их, воспринимая частью своего уникального «эго», но сейчас вдруг почувствовала мгновенное раздвоение – здравый смысл толкал ее вперед, к колониальным контейнерам с экипировкой, а затем – к уродливой трещине в обшивке, за которой открывался лабиринт запутанных коридоров, непонятно кем и зачем проложенных, но несомненно выводящих к поверхности, а мгновенный порыв души останавливал, требовал хоть чем-то помочь узникам.

Упустишь время, не уйдешь сейчас – останешься тут навечно.

Уйдешь – будешь мучиться, не простив себе, что бросила их.

Но я даже не знаю, кто они!

Не важно.

Короткий мысленный диалог завершился не в пользу здравого смысла.

Она развернулась и бегом направилась в сторону «тюремного блока».

* * *

Мы вам не боги, но вы нам не судьи… – Иван с ожесточением испытывал на прочность прутья металлической клетки. Прозорливость Дейвида злила. Он использовал простые, эффективные, проверенные временем средства заточения. Диаметр прутьев как будто специально рассчитывали на компьютере – вроде и не очень толстые, но разжать их Кречетову не удавалось, сколько он ни старался. Только в кровь ободрал пальцы да поранил ладони.

Молчание Кирсанова злило. Судьба Мещеренкова и Стилмайера тревожила, не позволяла смириться с положением заключенного.

Внезапно в глухую тишину грузовой палубы вторгся вибрирующий гул, у дальней стены возник источник света. Иван, прекратив тщетные попытки вырваться на свободу, обернулся. Зрение, свыкшееся с мраком, позволило разглядеть лишь слабое свечение, Кречетов прищурился, затем несколько раз сморгнул. Стандартный имплант был в данной ситуации бесполезен, киборги предусмотрительно извлекли из гнезда вживленного устройства всю высокотехнологичную начинку.

Пятно света, наконец, обрело резкость. На уровень тюремного блока опустилась транспортная платформа, оконтуренная по периметру синими габаритными огнями. Поначалу Иван подумал, что платформа пуста, затем в неярком свете промелькнула и тут же слилась с сумраком помещения человеческая фигура.

Хотя откуда здесь взяться людям? Киборг, наверное? Но почему тогда прячется?

Сомнения Кречетова рассеялись очень быстро. Грузовая платформа начала подниматься вверх, а человек, спустившийся на уровень деформированной палубы древнего колониального транспорта, куда-то исчез, словно растворился во тьме. Иван не слышал звука шагов, да и секции осветительных приборов, оснащенные датчиками движения, отчего-то не срабатывали.

Он невольно вздрогнул, когда подле его «клетки» появился сумеречный силуэт человеческой фигуры.

– Капитан Кречетов? – Голос, судя по тембру, принадлежал молодой женщине.

– Да. – Иван пытался рассмотреть неожиданную гостью, но видел лишь светлое пятно одежды. – Кто вы?

– Это не важно. – Ответ незнакомки лишь насторожил Кречетова. «Очередной трюк Дейвида?» – подумал он. – Я пришла помочь.

Иван отступил в центр тесной клетушки.

– Ага. Дейвид считает меня идиотом? Чудесное освобождение, поиск подчиненных, и он получает всю мою группу на блюдечке? Передай ему, пусть придумает что-нибудь более изощренное.

Незнакомка нетерпеливо обернулась, взяла какой предмет, и через миг в узком пространстве между камерами заработал неяркий источник люминесцирующего света. Иван не ошибся, с ним действительно пыталась заговорить девушка лет двадцати, похожая на мальчишку из-за короткой стрижки и мешковато сидящего на ней комплекта стерильной лабораторной одежды, явно позаимствованной с чужого плеча. Кожа ее лица казалась пергаментной в холодном зеленоватом свете сигнальной вешки, какие входят в аварийные комплекты выживания.

Иван ничего не понимал. Волосы незнакомки отчего-то были влажными, он заметил характерные комочки гелеобразного вещества, словно девушка некоторое время назад находилась в криогенной камере. Если это спектакль, организованный Дейвидом, то он постарался, детали выглядели вполне натурально.

– Откуда ты меня знаешь?

– Вижу впервые. – Ника нетерпеливо, с осуждением взглянула на Кречетова. – Я случайно перехватила передачу лейтенанта Стилмайера, адресованную в штаб флота Элио. Он и лейтенант Мещеренков использовали древнюю аппаратуру ГЧ-связи колониального транспорта «Фобос». В сообщении говорится о пленении капитана Кречетова неидентифицированными кибернетическими организмами. Достаточно?

– Передачу мог перехватить Дейвид.

– Капитан, ты намерен погибнуть от паранойи? Состариться в клетке на потеху андроидам? Я не против.

Фраза воздействовала отрезвляюще.

«Действительно, что я теряю? Где сейчас Саша и Дима – понятия не имею, а значит, выдать их у меня нет возможности. Оставаться взаперти? Глупо, даже если это игра, затеянная Дейвидом».

– Извини. – Он пристально посмотрел на незнакомку.

Она спокойно выдержала его взгляд, затем сделала шаг вперед, взялась за прутья клетки и вдруг с усилием разжала их в стороны. На лбу незнакомки от напряжения выступили мелкие капельки пота, но теперь Иван мог пролезть в расширившийся зазор между деформированными прутьями.

– Ты свободен… – она хотела что-то добавить, но вдруг побледнела еще больше, оступилась, словно силы внезапно покинули ее, и упала, мешковато, безвольно…

Иван выбрался из клетки, склонился над девушкой.

Ее взгляд с трудом сохранял осмысленное выражение.

– Мне… – Ника едва смогла шевельнуть побелевшими губами, – время…

Ее тело содрогнулось во внезапной конвульсии.

Иван, сбитый с толку, но обретший столь желанную свободу, подумал, что Дейвид (если он все же устроил спектакль) явно переигрывает.

Он быстро осмотрел девушку, коснулся пальцами ее шеи.

Жива, но без сознания. Может, она такая же узница, как мы? Почему на ней лабораторная одежда, да еще и не по размеру? Сознание потеряла от истощения? Похоже…

От мыслей его отвлек посторонний звук. Платформа, поднятая в верхнее положение, дрогнула, ее механизмы начали работать.

Проклятье…

Иван отбросил сомнения и теперь действовал быстро. Война привела к унификации большинства микрокибернетических систем и устройств. Чипы, вшитые в ткань лабораторной одежды незнакомки, идеально

подходили к гнездам стандартного импланта, и он начал извлекать их, вспарывая швы ржавым осколком металла, подобранным с пола.

Грузовая платформа начала движение вниз.

Модуль расширения сознания заработал одним из первых, мрак, окружавший капитана Кречетова, рассеялся, теперь он различал контуры большинства предметов в радиусе двадцати метров.

На площадке грузового подъемника находились четверо. Они укрылись за какими-то контейнерами, изготовившись к стрельбе.

Кречетов рванулся вперед. Чип связи, настроенный на определенную частоту, включился одним из последних, передав в рассудок капитана обрывок фразы:

– …сканировать и при сопротивлении уничтожить! Нику брать только живой!

«Вот, значит, как тебя зовут…» – капитан подумал об освободившей его девушке.

Голос, отдавший распоряжение, похоже, принадлежал Дейвиду.

Платформа уже опустилась на половину высоты палубы, и киборги, заметив бегущего по решетчатому настилу человека, тут же открыли огонь на поражение.

Тьму разорвали вспышки выстрелов. Пули высекали искры из решетчатых конструкций, уходили в визгливый рикошет, наполняя замкнутое пространство воем и грохотом, неся слепую, случайную смерть.

– Андрей, на пол! – крикнул Иван.

Кирсанов прекрасно понял его, упал плашмя и не шевелился.

Кречетов, прикрываясь штабелем контейнеров, бежал, перепрыгивая с одного металлического настила развороченной палубы на другой.

В чипах, взятых у Ники, сохранилась информация последнего сканирования.

Где же эти кофры с колониальной маркировкой?

Он выскочил на какую-то площадку, отпрянул, едва уклонившись от выпущенной по нему автоматной очереди. Вниз вел поржавевший лестничный марш, но Иван уже понял, до смятой переборки, за которой Ника отсканировала россыпь полузасыпанных землей кофров, ему сейчас не добраться. Вокруг располагалось достаточно древнего оборудования, под самый потолок уходили покосившиеся в момент крушения штабели пластиковых ящиков с колониальной маркировкой. Он метнулся вправо, перепрыгнул на груду покореженного металла, мгновенно осмотрелся, думая, как подобраться к платформе, с которой по нему вели огонь киборги.

Рывок Кречетова заметили, очереди нескольких «ИМ-200» хлестнули по груде металлических обломков, пули ударили в препятствие с оглушительным звоном, но шума оказалось больше, чем толку.

Он отполз назад, оценивая поведение противника на «троечку», подсознательно он ждал от киборгов более точных и эффективных действий.

Плотный огонь не прекращался.

Древние контейнеры с имуществом колонии, расположенные в этой части палубы, некоторое время вздрагивали от случайных попаданий, затем не выдержали, несколько штабелей покачнулись и обрушились, часть поврежденных пулями кофров раскололась от удара, рассыпая по полу содержимое.

Ивана сбило с ног, он упал, поранив ладонь о рваный край треснувшего по всей длине, расколовшегося, как яичная скорлупа, металлопластикового ящика. Еще одна очередь, выпущенная наугад, высекла фонтаны искр в полуметре от Кречетова.

Из ярко освещенного прямоугольного отверстия в своде ангара вниз, разматываясь, полетели бухты тросов. К месту событий подтянулась еще одна группа поднятых по тревоге боевиков Дейвида.

Это уже совершенно не походило на спектакль, срежиссированный свихнувшимся андроидом. Иван прекрасно понимал – его только что пытались убить, стреляя на поражение.

Один из киборгов прекратил огонь, чуть привстал из-за укрытия, в чисто человеческом жесте вытянул шею, пытаясь рассмотреть результат стрельбы.

Иван, на ощупь обшаривая расколовшиеся при падении контейнеры, с досадой подметил, что снять незадачливого стрелка сейчас – пара пустяков, одна беда – нет оружия.

Под руку подвернулось что-то твердое, ребристое.

Скользнув пальцами вдоль предмета, он едва поверил внезапной удаче. Один из кофров оказался оружейным!

Подобрав с пола «АРГ-8», Кречетов продолжил методично ощупывать свободной рукой ячеистое наполнение расколотого контейнера. Штурмовая винтовка конструкции Ганса Гервета являлась основным видом стрелкового вооружения, которым комплектовались колониальные транспорты. Корпорация «Римп Кибертроник», производившая оборудование для обеспечения колониальных проектов, славилась особенной надежностью своей продукции. В конструкции «АРГ-8» удачно сочетались два фактора: гениальность Ганса Гервета и ответственное

отношение промышленной группы «Римп» к производимым изделиям. Надежность «римпоновских» автоматических винтовок давно стала эталоном качества, колониальная пехота прошла с ними всю войну, да и сейчас многие предпочитали доработанные модели «АРГ» любым ультрасовременным импульсным вооружениям[25].

Нашел!

Устройство колониального оружейного кофра, наверное, известно каждому мальчишке. Оно содержит не только пять штурмовых винтовок, но и снаряженные магазины к ним, а также дополнительные прицельные приспособления и блоки питания. Подобная компоновка имела смысл. Предполагалось, что колониальным транспортам придется осуществлять посадку в далеко не дружественном окружении. Дикие планеты изобиловали опасностями, многие корабли действительно подвергались нападениям со стороны разъяренных представителей экзобиологической жизни, и в экстремальных условиях первых дней выживания колонии легкий беспрепятственный доступ к личным средствам защиты и возможность немедленно воспользоваться ими зачастую играли решающую роль в вопросе выживания поселенцев, едва пришедших в себя после криогенного сна.

…Выхватив снаряженный магазин из ячейки с мягким, пористым наполнителем, Иван машинальным движением вогнал его в паз до характерного щелчка, затем плавно передернул затворную раму, досылая в ствол первый патрон. Еще одно движение, и оптический прицел с функцией ночного видения встал на место.

Четыре запасных магазина Кречетов рассовал по карманам летного комбинезона, затем резко сместился в сторону, вскинул оружие, припал к бесхитростной, но надежной оптике.

Вовремя.

После выстрелов, разваливших штабель контейнеров, прошло секунд тридцать, сброшенные вниз тросы уже натянулись, по ним начали спускаться бойцы штурмовой группы. Они в отличие от киборгов, поднятых по тревоге несколькими минутами ранее, действовали более профессионально, да и экипированы были лучше.

Ощущение смертельной опасности не отпускало ни на секунду, Иван действовал быстро и точно, отринув сомнения, – мысли, что мелькали в голове, служили лишь фоном, на котором протекали стремительные события.

Не связываясь с дополнительными устройствами, которым

требовались источники питания, Иван, поймав в прицел ближайшего киборга, выжал спуск.

Тьму разорвал хоботок пламени, выстрелы короткой очереди ударили отчетливо, оглушительно, по металлическому настилу пола со звоном покатились гильзы, тело киборга дернулось, и он, раскачиваясь, повис на тросе, прекратив скольжение.

Пятеро других уже достигли площадки грузового подъемника.

Иван, меняя позицию, дал длинную очередь, заставив их спешно искать укрытия, выигрывая драгоценные мгновения, – теперь, когда в руках оружие, а путь к свободе не перекрывают толстые ржавые прутья клетки, он вновь почувствовал себя уверенно.

Постоянно перемещаясь, меняя укрытия, капитан серьезно осложнял задачу боевикам Дейвида – те не фиксировали активной сигнатуры, ориентируясь лишь визуально, по вспышкам выстрелов, рвущих мрак.

Еще один киборг мешковато обмяк, оседая за простреленным навылет укрытием. Стандартные патроны к римпоновской штурмовой винтовке оснащались тяжелыми бронебойными и разрывными пулями, боеприпасы двух типов снаряжались в один магазин, чередуясь, что позволяло поражать различные цели.

Кречетов вновь сменил позицию.

«Нужно заблокировать доступ в ангар», – лихорадочно думал он, осматривая помещение через оптику ночного прицела.

На нейтрально-зеленом фоне стен, среди контуров многочисленных фрагментов решетчатой палубы и смятых перегородок, когда-то деливших ангар на отсеки парковочных мест для планетарных машин, он, поведя стволом, быстро обнаружил яркое пятно распределительного щита. Энергия подавалась через кабели с расположенных выше палуб колониального транспорта «Нобель».

Рано.

Иван резко сместил прицел, короткая очередь отшвырнула назад киборга, пытавшегося покинуть платформу подъемника.

В ответ ударил шквал автоматического огня. Его позицию заметили, горячие гильзы, упав на решетчатый настил, провалились ниже, их искорки четко фиксировались противником, но Кречетов зря рассчитывал, что механические создания перенесут огонь, они продолжали расстреливать его укрытие, не давая поднять головы.

А машины ли они?

Без продвинутых сканеров трудно судить однозначно. Но действуют боевики Дейвида не как механизмы. Скорее они похожи на крайне

озлобленных людей.

Через пару секунд сомнения Ивана рассеялись. Под прикрытием огня двое штурмовиков устремились вперед, совершив немыслимый для человека прыжок с платформы на неустойчивую груду развалившихся контейнеров, затем, действуя очень быстро и четко, не потеряв равновесия, они открыли кинжальный фланговый огонь по позиции Кречетова.

Цилиндрические пули «ИМов» производили сокрушающий эффект: при попадании в препятствие они испарялись, вовлекая в процесс разрушения изрядный объем прилегающего вещества, оставляя огромные дымящиеся дыры, оконтуренные вишневым сиянием. Ударные волны метались в замкнутом пространстве ангара, заставляя стонать переборки, вибрировать контейнеры, тонко дребезжать, осыпая окислы, множество древних металлических конструкций.

Ивана контузило, он почти оглох, серия попаданий сдвинула с места корпус древнего почвоукладчика, пробив огромные дыры в ветхой броне планетопреобразующего механизма.

Инстинктивный ужас на миг накрыл сознание – все же пилоту аэрокосмического истребителя нечасто приходилось попадать в подобные передряги, но он подавил секундную растерянность, вызванную дезориентацией и контузией. Сидеть за изрешеченным корпусом древнего терраформера, вжимаясь спиной в ненадежное укрытие, стало невыносимо, и он резко привстал, огрызнулся длинной неприцельной очередью, затем еще одной, чувствуя, как вскипает злость, но и она тут же отхлынула, отставив лишь дрожь в мышцах да неприятный привкус во рту…

Будь на нем боевой скафандр, все складывалось бы иначе, система метаболической коррекции сгладила бы пиковые выбросы вырабатываемых организмом стимуляторов, да и огонь импульсных винтовок не нес бы такой удручающей, смертельной окончательности… но защищала его лишь легкая летная экипировка, уже рассеченная осколками и тлеющая в нескольких местах. Иван оказался в той ситуации, когда рассчитывать можно только на свои силы, и спасением от неминуемой гибели служат лишь решимость и способность сохранить здравомыслие в воцарившемся вокруг сумеречном аду.

Он рванулся в сторону через фонтаны искр и брызги расплавленного металла, ушел с линии огня, остановился, припав на колено за каким-то массивным агрегатом, выпустил остаток патронов, целясь по бледным сполохам статики, играющей на электромагнитных компенсаторах импульсного оружия противника. Результатов стрельбы он не видел, но помещение внезапно наполнил грохот, фланговый огонь стих, давая

несколько секунд передышки, чтобы сменить опустевший магазин, сделать судорожный вдох, осознать, что все еще жив.

На платформе подъемника оставалось четверо киборгов. Трое из штурмовой группы и еще один из тех, что спустились сюда первыми.

Иван понял, что они вновь потеряли его из вида, в основном из-за многочисленных термальных всплесков. Изрешеченные металлоконструкции и поврежденные механизмы наполняли ангар тепловым излучением, места попаданий светились вишневыми кляксами, слегка разгоняя мрак, и капитан, воспользовавшись внезапно полученным преимуществом, отпрянул к наиболее поврежденным участкам переборки, слился с фоном теплового излучения, вскинул оружие, тщательно прицелился и короткими беспощадными очередями срубил киборгов штурмовой группы, которые в этот миг появились у края платформы, намереваясь воспользоваться своими акробатическими способностями, чтобы спуститься вниз и начать прочесывание помещения.

Легко разделавшись с противниками, которых считал наиболее опасными, Кречетов вновь испытал мимолетное чувство недоумения. Киборгам не хватало выдержки, хладнокровия машин, словно биологическая составляющая необратимо влияла на линию поведения, практически сводя к нулю уникальные, нечеловеческие способности.

Мысли проносились в голове, как бешеные, он вновь бежал по шатким переходам и лесенкам, дважды по нему стрелял последний сохранивший боеспособность кибернетический организм, засевший на платформе подъемника, но оба раза промахнулся. Зато Иван, совершив рискованный, потребовавший всех сил маневр, оказался на выгодной позиции для стрельбы, почти под сводом ангара.

Теперь он отчетливо увидел противника и не дал ему шанса прицелиться еще раз.

Во внезапно наступившей после грохота выстрелов тишине был слышен только звонкий перестук падающих вниз гильз.

Все же в условиях планеты штурмовая винтовка Ганса Гервета не имеет себе равных. Экипировка киборгов, рассчитанная на противодействие импульсному и энергетическому оружию, не выдерживала попаданий винтовочной пули девятимиллиметрового калибра.

– Кирсанов? Жив?

В ответ раздался слабый, невнятный голос.

Иван метнулся к платформе. Собирать оружие было некогда, да и незачем. «АРГ-8» верно послужила ему, и он не собирался отказываться от

явных преимуществ. Выдрав из экипировки киборгов блоки сканирующих комплексов, он, оскальзываясь на залитом кровью полу, пересек внушительных размеров площадку, добрался до блока управления и отправил подъемник вверх, спрыгнув с него, как только механизм начал движение.

Через несколько секунд мощная плита полностью перекрыла отверстие в потолке, чего и добивался Кречетов. Развернувшись, он прошил очередью распределительный щит, затем для верности, несколькими выстрелами перерубил кабели питания, но это показалось ему недостаточным, энергию ведь можно подать и по временной линии, а ему требовалось надежно остановить подъемник в верхнем положении. Вскарабкавшись по вертикальной решетчатой опоре, он добрался до механизма привода, выстрелами повредил электродвигатели и заклинил механическую часть устройства кусками толстой металлической арматуры.

Теперь порядок…

Спустившись, он, наконец, перевел дыхание, затем присел, извлек микрочипы из трофейного сканирующего комплекса и установил унифицированные микроустройства в соответствующие гнезда своего импланта.

…Придя в сознание, Ника в первый момент не поняла, где очутилась и что происходит?

Она ощутила мерное покачивание, увидела мятущийся по стенам широкого тоннеля свет, услышала сиплое, тяжелое человеческое дыхание, отчетливо различимое в глубокой тишине.

Кто-то нес ее, взвалив на спину, пошатываясь от усилий.

Необъяснимое тепло вдруг наполнило душу. Чувства, сильные и чистые, на миг захлестнули рассудок. Еще не зная, что произошло, чем завершилась схватка, она поняла – ее не бросили погибать. Большинству мыслящих машин никогда не постичь смысл многих человеческих поступков. Ни один андроид не станет тащить на спине поврежденного собрата, в лучшем случае демонтирует с него какие-то важные детали и бросит.

Кружилась голова, но уже не от слабости, а от ощущений жизни, что вливались в рассудок вместе с прерывистым дыханием Ивана.

– Я в порядке… – негромко произнесла Ника.

Он остановился. Свет от двух источников, закрепленных по бокам гермошлема, метнулся по стене, высвечивая фактуру дерева, скользнул по закругляющемуся своду необычного тоннеля.

Кречетов присел, ноги Ники коснулись пола.

– Сейчас, – он освободил ее руки.

Она пошатнулась, но устояла на ногах, ощущая непривычный вес громоздкой экипировки колониального образца. Сзади послышались шаги, Иван жестом дал понять – все нормально.

Сухо щелкнул коммуникатор гермошлема.

– Оторвались? – вопрос был адресован Кирсанову.

– Вроде бы… – Андрей присел, тяжело дыша. После долгого заключения физические усилия давались ему с большим трудом.

– Где мы? – спросила Ника. Сканеры древней экипировки давали лишь минимум информации об окружающем.

– Корневая система местных растений, – отдышавшись, ответил Иван. – Здесь высокая концентрация токсинов. Пришлось воспользоваться колониальными скафандрами высшей защиты, другой подходящей экипировки не нашлось. Ты как?

– Нормально. – Ника ждала другого закономерного вопроса и не ошиблась в предчувствии.

– Немного передохнем. – Кречетов развернулся, чтобы контролировать уже пройденный участок тоннеля. – Поговорим? – Он взглянул на Нику сквозь прозрачный материал лицевого щитка гермошлема.

Она кивнула:

– Что тебя интересует?

– Кто ты? Как попала на планету? Почему пришла освободить нас? Что тебя связывает с Дейвидом и его киборгами?

– Пересекались в прошлом, – скупо ответила Ника. – Я какое-то время работала на Дейвида, не зная, кто он на самом деле.

– Наемница?

– Да. – Ника присела, положила на колени «АРГ-8», машинально проверила состояние и боеготовность штурмовой винтовки. – Дейвид мне задолжал. Я искала его.

– И каким образом нашла?

– Я ведь уже сказала: один из твоих подчиненных вышел на связь. Он использовал передатчик разбившегося колониального транспорта.

– Ты прослушивала частоты древних кораблей? – Иван вопросительно приподнял бровь. – Зачем?

– Долго объяснять. Совмещала приятное с полезным. Иногда из сообщений, блуждающих в аномалии космоса, можно почерпнуть очень ценную информацию.

– Выходит, ты единственная, кто принял данные?

– Да. Я дешифровала их, – предупреждая следующий вопрос, произнесла Ника. – Код несложный.

– И?

Ника не хотела лгать. Но правда из ее уст прозвучала бы слишком… шокирующе.

– Сообщение ретранслировано в систему Элио, – успокоила она Ивана. – А я узнала, где именно обосновались искусственные интеллекты. У меня к ним свой счет. Правда, все вышло не так, как планировалось. Немного переоценила свои силы.

– Из чего следует, что мы все в одинаковом положении? – вступил в разговор Кирсанов. – Одни на неизвестной планете, без возможности вырваться отсюда?

– Планета как раз известна. – Иван вновь взглянул на Нику. – Ты молодец, что ретранслировала сообщение.

– Тогда с навигацией проблем не будет. – Кирсанов приободрился. – Захватим транспортный корабль с гиперприводом и уберемся отсюда подальше.

– Транспорт?

– Ну, я видел их посадочные площадки. Обустроены внутри колониального форта. Если подобраться незамеченными, то я смогу открыть доступ на борт корабля.

– Не вариант, – возразил Иван.

– Почему?

– Во-первых, мне нужно отыскать своих офицеров. Во-вторых, ни один транспортный корабль не обладает достаточной системой маскировки, чтобы ускользнуть из системы. Понятия не имею, как решает эту проблему Дейвид, но без специального оборудования старт с планеты, мягко говоря, не рекомендован.

Ника промолчала, она понимала, о чем идет речь, а вот Кирсанов выразил недоумение:

– Чем тебя не устраивает военный транспорт?

– На шестой планете расположена база Альянса, – теперь Кречетову не было смысла что-то утаивать. – Законсервированная или покинутая – выяснить не удалось. Не успели. Так что любая активность в пределах этой звездной системы может спровоцировать лавину непоправимых событий. Надеюсь, всем понятно, что произойдет, если база действующая и находится под контролем «Одиночек»?

В наступившей после его слов тишине было слышно, как капли влаги, конденсируясь под сводом тоннеля, срываются вниз, образуя шипящие

лужицы, впитывающиеся в древесину через миллиарды микроскопических пор. Внутреннее пространство корневой системы являлось сложной биохимической фабрикой, синтезирующей нужные для растений вещества. Токсины и опасные биологические соединения, о которых постоянно сигнализировали датчики скафандров, были всего лишь промежуточными продуктами протекающих тут процессов.

– А как же андроиды? – нарушил тишину Кирсанов. – Почему они обосновались тут? Как им удается маскировать свою деятельность?

– Думаю, выбор планеты сделан не случайно, а база Альянса – действующая, – произнесла Ника. – Дейвид постоянно охотится за технологиями и техникой прародины. Он далеко не глуп. Медленно, не спеша, пытается собрать необходимую информацию, чтобы перехватить контроль над военным объектом и использовать его в своих целях. Ну а если здесь вдруг появится Флот Колоний, то роботизированные подразделения Альянса станут для Дейвида щитом от любой угрозы.

– Нет, я все равно не понимаю, как он маскирует свою деятельность? – не унимался Андрей.

– Все достаточно просто, – усмехнулся в ответ Иван. – Перед строительством базы флота эта планета наверняка была тщательно разведана, машины зафиксировали обломки колониального транспорта, некоторое количество функциональной планетарной техники, незавершенный колониальный форт, деградировавшие человеческие анклавы. Все это в комплексе не несет угрозы. Планету сохранили для вероятной колонизации.

– То есть деятельность машин в районе колониального форта фиксируется сканерами базы, но не вызывает ответной реакции?

– Точно. И Дейвид отлично понимает это обстоятельство, если рискнул обосноваться тут. Он провел корабли под прикрытием современных маскирующих систем, а всю деятельность на поверхности сконцентрировал в районе недостроенного колониального убежища.

– Значит, и на транспортных кораблях, которые я видел, установлены современные маскирующие системы! – Кирсанов упорно думал лишь о том, как бежать с планеты.

– Вне сомнения, – согласилась Ника.

– Тогда почему не воспользоваться моим предложением? Я согласен, подчиненных Ивана нужно отыскать. Давайте найдем их и уберемся отсюда!

– Мысль в принципе здравая. Хотя корабли наверняка хорошо охраняются. Поступим так: сейчас я попытаюсь наладить связь со своими

ведомыми, если они откликнутся, назначим точку встречи, а затем произведем разведку. Ника, ты как, с нами?

Девушка ответила не сразу.

«Должна ли я вмешиваться? – вот вопрос, который стал для нее главным. – Нет. Хватит с меня войны. Флот Колоний получил сообщение, они разберутся и с базой Альянса, и с Дейвидом».

– С вами, – ответила Ника. – Но только до поры. Разведаем посадочные площадки, а там будет видно.

На самом деле она хотела одного: найти себе истребитель и вырваться в чистый космос, туда, где нет никого, можно все спокойно обдумать и принять решение – как и где жить дальше?

* * *

– Дыра! – Стилмайер остановился у края оползня.

Действительно в своде созданного природой тоннеля зияло внушительных размеров отверстие. Обвалившаяся смытая дождями почва при ближайшем рассмотрении содержала вкрапления обломков бетона.

– Наверху какая-то постройка? – высказал предположение Мещеренков.

– А вот это мы сейчас проверим. – Дима принялся карабкаться вверх.

Саша устало присел, контролируя сумеречный, плавно изгибающийся коридор.

Оба пилота держались на пределе сил. Сутки они с боем отрывались от преследования, то и дело вступая в короткие яростные схватки с группами киборгов, прочесывавших корневую систему древонов.

Стилмайер, вскарабкавшись по скользкому глинистому склону, осторожно выглянул наружу.

Отверстие в почве вывело внутрь непонятного, но явно древнего сооружения.

– Саня, поднимайся.

Через пару минут они уже сидели у небольшого выполненного в виде бойницы окошка. Когда-то его закрывала толстая вставка из прозрачного бронепластика, но бог знает сколько лет прошло с тех пор. Сейчас по краям прямоугольного отверстия виднелся лишь темный след от выкрошившегося уплотнителя, да и сам бетон пожелтел, растрескался.

– Колониальный форт!.. – осмотревшись, выдохнул Мещеренков.

Стилмайер промолчал. И так все ясно. Забрались, что называется, в самое пекло. Вокруг фиксировались сотни активных сигнатур. Натуральный механический муравейник. Сервы различных модификаций

трудились повсюду, одни восстанавливали укрепления колониального убежища, другие прокладывали коммуникации, третьи были заняты монтажом комплексов планетарной обороны.

Чуть поодаль, на расчищенных от руин площадках, стояли транспортные корабли. Пять грузовых носителей класса «Элизабет-Альфа».

«Где-то поблизости наверняка находятся и наши истребители, – подумалось Диме, – но как их отыскать и подобраться незамеченными среди такого скопления сервов?»

От встревоженных мыслей его отвлек Мещеренков:

– Дим, у меня БСК глючит или это сигнал личного датчика?!

Стилмайер переключился на режим поиска индивидуальных сигналов, и точно, на проекционном забрале взморгнул, погас и снова затлел слабый отклик имплантированного датчика.

– Саня, это же ЛД[26] командира! Он где-то рядом! Но почему столько помех?

– Судя по всему, Иван находится под землей. В тоннелях корневой системы древонов!

– Точно!

– Только не пытайся связаться с ним! Засекут.

– Так что делаем?

– Догоним его! Видишь, сигнал удаляется от форта! Давай в темпе, сюда еще вернемся!

Кирсанова трясло.

Темные, наполненные токсичными испарениями тоннели уводили в пугающую неизвестность, тревожные мысли терзали рассудок, не предвещая ничего хорошего.

Он мучился, не зная, как сказать Кречетову о возникших у него подозрениях.

Ника, двигавшаяся во главе группы, внезапно остановилась, резко присела, вскинув оружие. Кречетов метнулся к противоположной стене, готовый открыть огонь.

Андрей ничего не заметил на датчиках, но машинально отступил на пару шагов.

– Кирсанов, держи тыл! – коротко приказал Иван. – Ника, в чем дело?!

– Встречное движение, – скупо отозвалась она. – Метров пятьдесят от нас!

– Ничего не вижу на датчиках!

– Сейчас появятся. Два объекта.

Палец капитана лег на спуск штурмовой винтовки.

Сканеры древней экипировки никуда не годились в сравнении с современными образцами. С их помощью даже не определишь, кто в точности движется навстречу, серв, киборг, зверь или человек?

На проекционном забрале появились два размытых мерцающих пятна. Ника не ошиблась, система тепловидения действительно отслеживала термальные всплески в указанном направлении.

Иван прицелился, палец машинально начал выбирать спуск, когда в коммуникаторе, настроенном на частоту связи разведывательного звена, вдруг раздался голос:

– Командир, свои!..

Сейчас в распоряжении Кречетова не было устройства для дистанционного чтения личных маркеров. Он ни в чем не был уверен, потому что видел лишь два размытых тепловых контура неизвестных, благоразумно остановившихся за ближайшим изгибом тоннеля.

– Стилмайер, положи оружие и медленно двигайся сюда! – после некоторого сомнения приказал он.

– Иван, ты чего?

– Делай, что говорю!

– Ладно…

Из сумрака появилась человеческая фигура. Летная экипировка была заляпана грязью, кое-где забрызгана кровью.

– Ближе! – потребовал Кречетов.

В отсутствие специализированного сканера он был вынужден пойти на риск, дать ему приблизиться настолько, чтобы стали различимы черты лица за полупрозрачным забралом.

Димка!..

Палец ныл на спуске.

Не мог Дейвид изготовить копии. Не успел бы. Контрольные вопросы задавать бесполезно, – если перед ним подделка, то…

– Командир, да не дури!

– Дима, все сложно. Здесь изготавливают копии людей…

– Он не копия, – внезапно вмешалась в их напряженный диалог Ника, опуская оружие.

– Откуда знаешь?

– Переключи режим сканирования. Нет микросигнатур от работы искусственной нейросети.

– Как ты их различаешь?

– Знаю, где искать, – нехотя ответила Ника.

– Эй, да хватит уже! Человек я!

Кречетов опустил оружие и вдруг порывисто обнял Стилмайера…

– Ну, и что теперь?

Трое беглецов затаились в заброшенной постройке колониального форта, куда их привели Стилмайер и Мещеренков.

Вокруг сканировались сотни кибернетических механизмов.

– До посадочных площадок сто семнадцать метров, – произнесла Ника, завершив процедуру сканирования. – Сервы в основном технические. Добраться до кораблей в принципе возможно.

– Каким образом? – усомнился Кирсанов. – Взломать сеть сервов не выйдет. Тревогу поднимут однозначно.

– А я не говорю о взломе. – Ника оценивающе взглянула на экипировку пилотов. – У вас ведь есть устройства фантом-генераторов?

– Есть, – кивнул Стилмайер.

– Устроим отвлекающий маневр. Имитируем сигнатуры тяжелых машин. Пока автоматика станет разбираться что к чему, успеем проскочить к кораблям. У ближайшего к нам транспорта открыта грузовая аппарель.

– Не понимаю, что нам даст проникновение на борт?

– Я смогу перехватить управление, – произнес Кирсанов. – Она права, главное – попасть внутрь. Технические сервы нам не помеха, у них есть особая программа, предписывающая в случае возникновения угрозы бросать все и отступать в убежища. Практика войны.

Кречетов, обдумав предложение, кивнул:

– Хорошо. Мы отвлечем боевые системы, устроим переполох и вернемся в эту точку. Ника, вы с Андреем ждете нас тут.

– Я на борт транспорта не пойду. Есть свои дела, – ответила Ника. – Но коридором до стартовых площадок воспользуюсь.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Мне пока еще рано покидать планету. А вам – в самый раз.

– Ладно. Как знаешь. – Иван не понимал намерений Ники, но четко осознавал задачу своей группы – вырваться с Фобоса, уйти в прыжок, добраться до своих и в подробностях донести до командования все данные, что удалось получить.

Через минуту трое пилотов, подготовив фантом-генераторы, исчезли за проломом в стене.

Ника некоторое время следила за их передвижением, затем обернулась, встретившись взглядом с Кирсановым.

– У тебя проблемы? Почему так на меня смотришь?

Тот отступил, внезапно вскинув оружие.

– А ты думала, я тебя не узнаю?! – истерично вскрикнул он.

– В чем проблема, Андрей? – сохраняя спокойствие, переспросила Ника.

– В том, что ты – не человек!

– И кто же я, по-твоему?

– Ты «Одиночка»! Боевой искусственный интеллект!

Ника вздрогнула.

– Аргументируй!

– Я видел тебя однажды! – скривившись, выкрикнул Кирсанов. – На Роуге! Когда ты от имени Дейвида вышла на связь со своим бывшим пилотом Глебом Дымовым!

– Да, я работала на Дейвида, – холодно ответила Ника. – Он обманывал меня. А та запись, что видел Глеб, была сфабрикована. Мы уже обсуждали с Дымовым этот вопрос.

– Значит, ты не отрицаешь?! А ведь он узнал в тебе образ аватара своей серв-машины! Ты – не человек!

– Чего ты хочешь от меня, Андрей? – с нотками досады в голосе спросила Ника.

– Правды! Ты ведь марионетка Дейвида, признайся!

– Нет. И давай закроем эту тему.

– Конечно, закроем… – Кирсанов чувствовал, как липкий страх, копившийся на протяжении долгих месяцев одиночного заключения, трансформируется во вспышечную неконтролируемую ненависть. Он не понимал Нику и отчаянно боялся ее.

– Тварь… – сипло выдохнул он, выжимая спуск «АРГ-8». Очередь, выпущенная в упор, отшвырнула Нику к стене. Она вскрикнула и тут же начала оседать на пол древней постройки, оставляя кровавый след на потрескавшейся стене.

Кирсанов несколько секунд промедлил, затем все же отважился подойти ближе.

Глаза Ники были открыты. Лужа крови растекалась по пыльному полу.

– Зачем? – в последнем усилии выдавила она.

Он не ответил. Трясущимися руками перевернул тело, подтащил его к краю пролома, скинул вниз, затем, действуя в тяжком наваждении ненависти и страха, столкнул следом несколько угловатых бетонных обломков.

– Вот там тебе и место… – сипло выдавил он.

…Сигнатуры тяжелых серв-машин появились внезапно.

Вдали от укрытия, где затаился Кирсанов, громыхнуло несколько взрывов, а через несколько минут появились трое пилотов.

– Где Ника? – Кречетов осмотрелся. Пятен крови, которые Андрей забросал пригоршнями пыли и мелкими обломками, он не заметил.

– Она ушла! – Голос Андрея дрожал. – Ушла, ничего не объяснив!

– Ты в своем уме? Куда ушла?

– Туда, – он неопределенно махнул рукой в направлении посадочных площадок.

Признаться Кречетову, что застрелил Нику, он не смог. Страх глодал изнутри. «Иван не поверит объяснениям. Он не был на Роуге. Ему не докажешь, что она – машина. Но я-то знаю. ЗНАЮ!»

– Ладно. – Кречетову не нравилась ситуация, но промедление было смерти подобно. – У Ники свои дела, у нас свои. Бегом к кораблю!

Вокруг творилось нечто невообразимое.

Установленные на стенах колониального форта автоматические орудия вели беглый огонь.

Фантомные фигуры тяжелых серв-машин двигались через руины, отвлекая внимание боевых и следящих систем, поочередно взрывались заложенные Стилмайером заряды, последней рванула плазменная граната, поставленная на сенсорной растяжке.

Реальные взрывы, покалеченные сервы, впивающиеся в стены осколки – все это убеждало следящие системы в том, что происходит вторжение.

– Аппарель начала закрываться! Быстрее! Никому не стрелять, поддерживать маскировку!

Они бежали что есть сил. Первым в тускло освещенный грузовой отсек запрыгнул Кречетов, он тут же нашел ручное управление и временно приостановил работу запирающего механизма.

Мещеренков взобрался вторым, Стилмайер обернулся, жестом подгоняя отставшего Кирсанова, как вдруг со стороны приземистой, расположенной на краю посадочной площадки постройки выскочили два киборга. Они сразу же заметили бегущего к кораблю человека – древние системы маскировки оказались слишком слабы против современных сканеров. Киборги, не раздумывая, открыли огонь, и Кирсанов вдруг рухнул, словно подрубленный, безвольно прокатился несколько метров и замер, уже не шевелясь.

Стилмайер, выругавшись, открыл ответный огонь.

Два снайперских выстрела повалили киборгов. Он метнулся назад, с усилием подхватил обмякшее тело Андрея, втащил его в грузовой отсек.

Аппарель вновь пришла в движение. Корабль отключил все программы ручных режимов управления, производя экстренную герметизацию.

– Что будем делать?

– Туда! – Кречетов указал на штабелированные в грузовом отсеке контейнеры.

Они спрятались за ними, затащив в тесное пространство тело Кирсанова.

– Осмотрите его!

Мещеренков расстегнул экипировку Андрея, бегло осмотрел раны и вдруг упавшим голосом произнес:

– Мертв…

Секунда глухой тишины.

– И кто теперь взломает систему транспорта?

Капитан Кречетов присел на корточки.

– Теперь уже никто… – глухо произнес он.

– А что делать, командир?

– Ждать. Этот корабль готовили к старту. Он вскоре куда-то полетит.

– И что?!

– Мы дождемся, пока он покинет планету, – с трудом сохраняя самообладание, ответил Кречетов. – Других вариантов в сложившейся ситуации нет. Наружу нам сейчас все равно не выбраться. Ждем дальнейшего развития событий. Все. Тема закрыта. В точке посадки будем действовать по обстоятельствам. В любом случае, куда бы ни отправился корабль, там у нас будет больше шансов, чем здесь среди скопища сервов!

Глава 6

Порочная политика адмирала Воронцова, направленная на удержание единоличной власти во Флоте любой ценой, едва не привела к краху Союза Центральных Миров. Ситуация, сложившаяся к 2650 году, расценивается современными историками как критическая. Вероятность раскола и гражданской войны стала очевидной после вывода части эскадр в новые точки базирования и принятия решения адмиралами Вербицким, Нечаевым и Рокотовым о привлечении к сотрудничеству бывших офицеров Земного Альянса.

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Дополнение к изданию 2655 года.

Планета Кьюиг. Центр межзвездной связи

Три фигуры спроецировались в сером, безликом пространстве, лишенном привычных для человеческого взгляда деталей обстановки.

Вокруг лишь мгла. Нет ни пола, ни потолка, ни стен, ни земной тверди.

Защищенный участок межзвездной информационной сети. Виртуальное пространство, куда нет доступа никому, кроме нескольких человек.

– К делу, господа, – фигура адмирала Вербицкого приобрела узнаваемые черты. – Положение крайне тяжелое и неопределенное. Мы должны действовать.

Адмирал Нечаев подошел ближе, сумрачно кивнул.

– От эскадры Рокотова по-прежнему ничего?

– Нет.

– Но не могли же двадцать пять космических кораблей и три технические платформы просто исчезнуть, раствориться без следа! – адмирал Шайгалов, впервые участвовавший в подобной встрече, сразу же включился в обмен мнениями.

– Да, не могли! Но связь с ними потеряна, и местонахождение эскадры неизвестно! – раздраженно ответил Нечаев.

– Введите меня в курс дела. – Шайгалов огляделся, но не нашел, куда можно было бы присесть.

– База ВКС Кассии все еще находится в стадии завершающего этапа строительства. Мы торопились с выводом эскадр из Форта Стеллар, и, чтобы не создавать лишних проблем в зоне парковочных орбит, адмирал Рокотов решил осуществить пробный разведывательно-картографический рейд в сектора Периферии. – Вербицкий сохранял спокойствие, по крайней мере, в его голосе не прорывалось явных эмоций. – Мы не в силах понять, что произошло. Связь оборвалась внезапно и беспричинно. Поиск «по горячим следам» ничего не дал. Мы выслали звенья аэрокосмических истребителей по всему маршруту следования эскадры, но безрезультатно. Никаких зацепок.

Новость для адмирала Шайгалова действительно стала ошеломляющей.

Иван Дмитриевич перебрал в уме несколько вариантов, но все они показались несостоятельными. У всех кораблей эскадры разом не могли

отказать средства межзвездной связи, внезапное столкновение с одним из не найденных до сих пор роботизированных резервных флотов Альянса предполагало тяжелую, неравную схватку, но не объясняло абсолютного молчания. Даже при наихудшем исходе космического боя Флот Колоний был бы проинформирован о случившемся. На любом из современных аэрокосмических истребителей установлен полнофункциональный генератор гиперсферных частот связи. Даже глобальная постановка помех в рамках одной звездной системы не способна стать неодолимым препятствием для передачи сведений через гиперсферу.

– Есть какие-то мнения? – Антон Эдуардович Вербицкий взглянул на Шайгалова. – Нам бы сейчас не помешал свежий взгляд на проблему.

– На мой взгляд, существует четыре вероятных варианта, – ответил Иван Дмитриевич. – Первый: эскадра попала в тщательно организованную засаду, при этом гибель кораблей произошла мгновенно, а гиперсферная связь была блокирована работой генератора низкой частоты, аналогичного установке, искажавшей во время войны линии напряженности гиперсферы, ведущие к Земле.

– Не согласен. – Щека Нечаева нервно дернулась, давало о себе знать давнее осколочное ранение. – Мы моделировали подобное развитие событий. Организация столь масштабной ловушки требует постановки пространственных минных полей и как минимум работы *трех* – он выделил интонацией последнее слово, – трех сверхмощных генераторов низкой частоты, чтобы не дать эскадре удержаться в режиме «граница». По имеющимся данным, подобных установок не было в составе резервных флотов Альянса. Для работы генераторов, искажающих метрику гиперсферы, требуются звездные энергии. И третье возражение – чтобы спланировать засаду, нужно в точности знать, где и когда появится эскадра. Такой информацией не обладал никто. После событий на Варле мы вняли предупреждению и соблюдаем особую осторожность. Полетный план не составлялся заранее, системы для каждого из последующих прыжков выбирались лично адмиралом в процессе продвижения эскадры через сектора Периферии. Мы знаем, где побывали корабли Рокотова, но не имеем ни малейшего представления о координатах последнего прыжка, после которого пропала связь.

– Хорошо. – Шайгалов полностью мобилизовался. – Пока оставим версию заранее организованной засады. Существует еще два фактора, способных привести к существующей ситуации. Вариант первый – ошибка навигации, срыв эскадры на Вертикаль гиперсферы, либо наоборот – всплытие в границах масштабного космического явления катастрофической

природы.

– Отпадает, – мрачно возразил Вербицкий. – При срыве на Вертикаль генераторы ГЧ-связи срабатывают автоматически. Подобными устройствами оснащены все современные корабли. Катастрофических явлений в границах периферийных секторов пространства в последнее время не зафиксировано. Мы приняли во внимание все опасные для навигации объекты, включая межзвездные газопылевые туманности, проанализировали множество сведений, рассматривали даже астрофизические данные об активности отдельных светил, сопоставили результаты исследования с известным нам отрезком курса Кассианской эскадры. Результат анализа данных отрицательный. Ни срыв на Вертикаль гиперсферы, ни внезапный катаклизм космической природы не являются причиной исчезновения кораблей Рокотова.

– В таком случае у меня остался лишь четвертый вариант. Предательство, – произнес Иван Дмитриевич.

Нечаев мрачно взглянул на него, кивнул.

– Вот тут наши выводы, к сожалению, совпадают, – угрюмо произнес он.

Мысленная команда сформировала в сером пространстве яркую сферу голографического экрана.

Адмирал Шайгалов увидел старинный дом, выстроенный в раннем колониальном стиле.

– Что это за постройка?

– Усадьба семьи Полвиных на Кассии, – ответил Нечаев. – Боюсь, что события в системе Валерайн получили развитие. – Он переключил изображение, дом исчез, вместо него появился поросший лесом холм, в очертаниях которого еще угадывались линии искусственного сооружения.

– Это так называемый АХУМ – укрепление бункерного типа, характерное для планеты Кассия. Автоматическое хранилище унифицированных механизмов. Проще – склад колониальной техники. Такие сооружения возводились колонистами в первом веке освоения планеты. Там мы нашли вот это. – Новое переключение показало обгоревшие останки человека.

– Кто он?

– Судя по нескольким фрагментам искусственных устройств, найденных в пепле, перед нами не человек, а кибернетический организм нового, неизвестного ранее типа. Анализ показал, что его биологическая «составляющая» достигает девяноста процентов.

– Почему его бросили в столь примечательном месте? – скептически

поинтересовался Шайгалов.

– Видимо, торопились. Место, конечно, примечательное, но практически недоступное для посторонних. Это частная собственность нескольких семей, исторически проживавших на данной территории. Доступ к АХУМ на сегодняшний день остался только у Ольги Полвиной. Она прибыла на Кассию вместе с адмиралом Рокотовым после перебазирования эскадр из Форта Стеллар в родные звездные системы.

– Ольга Полвина – жена адмирала?

– Да. Антон Эдуардович упомянул, что строительство базы для Кассианской эскадры еще не завершено, но, на мой взгляд, поведение адмирала Рокотова выглядит весьма странно. На второй день после прилета он внезапно прервал консультации с правительством по поводу расквартирования личного состава эскадры, ее материально-технического обеспечения и, никому ничего не объясняя, уехал в родовое поместье Полвиных. Оттуда он связался с главой правительства Кассии и сообщил, что останется в усадьбе на пару дней, вскользь упомянув некие «семейные обстоятельства». Через трое суток он вновь вернулся в Александрийск, завершил начатые дела, затем поднял эскадру по тревоге и увел ее в секторы Периферии. Нас о принятом решении он уведомил после совершения кораблями первого прыжка.

– Есть еще какие-то странности?

– Исчезла Ольга Полвина, а также – прошу обратить на этот факт особое внимание – никто не может отыскать их личного андроида по имени Степан, служившего многим поколениям семьи Полвиных. У нас есть непроверенные данные, что Степа и Ольгу адмирал Рокотов взял на борт флагмана эскадры, а это не только нарушает установленные правила, но и не похоже на поступки Игоря Владимировича.

– Действительно странно. Я бы сказал – настораживающе странно, – заметил Вербицкий. – Мы знаем, что за событиями на планете Варл стоят колониальные искусственные интеллекты. По сути, в системе Валерайн андроиды проводили полигонные испытания новых моделей киборгов. Два года назад нам не удалось полностью пресечь их действия по подмене людей копиями, выполненными на основе кибернетических организмов. Андроид по имени Дейвид, когда-то принадлежавший Дмитрию Дорохову, по нашим данным, стоит во главе радикально настроенных искусственных интеллектов. Ему удалось ускользнуть от нас и передислоцировать флот из пяти кораблей. Точкой их прежнего базирования являлась система «Дикс-7». Где искусственные интеллекты обосновались теперь – неизвестно.

– Насколько я знаю, Глеб Дымов, командир фрегата «Артемида», был ключевой фигурой в событиях на Варле?

– Он и Ника – бывший боевой «ИИ» Альянса, – уточнил Вербицкий. – Они вдвоем при поддержке группы варлийцев спасли население планеты. При этом Ника, находившаяся в тот момент в теле созданного Дейвидом киборга, погибла. Дымов обратился ко мне с личной просьбой, мнемотехники Элио восстановили искусственный интеллект, собственно, от нее мы узнали историю Дейвида и о его намерении «облагодетельствовать» человечество, установив новый порядок на поствоенном пространстве.

– Где сейчас Ника?

– Она исчезла. Дымов инсталлировал ее сознание в систему станции боевого терраформирования класса «Эдем», но когда мы попытались связаться с искусственным интеллектом, стало ясно – произошло нечто непредвиденное. Ее физический носитель по-прежнему находится на «Эдеме», но нейромодули искусственной нейросети пусты. Информация с них либо стерта, либо перемещена.

– Слишком много случайностей. – Шайгалов посмотрел на Нечаева, затем на Вербицкого. – Я считаю, что искусственные интеллекты с Роуга сумели подобраться к адмиралу, скорее всего, они действовали через фамильного андроида. В результате была осуществлена подмена, и эскадру в секторы Периферии увел уже не адмирал Рокотов, а его копия.

Делая этот вывод, Иван Дмитриевич понимал, что непререкаемый авторитет Рокотова вкупе с полномочиями адмирала дает копии возможность нейтрализовать эскадру без боя. Например, приказ о полном радиомолчании, отключение некоторых автоматических подсистем, создание благоприятных условий для внезапной высадки десанта на борт космических кораблей, изоляция экипажей в определенных отсеках под предлогом учебной тревоги, отрабатывающей действия людей в условиях декомпрессии, – все это осуществимо с боевого мостика флагмана и может иметь вид тщательно продуманной последовательности приказов, каждый из которых в отдельности не вызовет подозрений, а в комплексе сдаст эскадру противнику без единого выстрела.

– Нужно исходить из худшего, – произнес он. – Будем считать, что Кассианская эскадра находится в руках искусственных интеллектов. Но бортовые кибернетические системы кораблей ограничены в совершении сложных самостоятельных действий даже под единоличным руководством адмирала. Необходимо присутствие минимального количества офицеров на основных боевых постах, чтобы захваченная эскадра обрела

боеспособность.

– Да, – согласился Антон Эдуардович. – В этом смысле мы успели подстраховаться. Копия адмирала Рокотова единолично не сможет управлять даже флагманом. Для этого нужно либо полностью перенастроить множество подсистем, что практически неосуществимо в сжатые сроки, либо создать требуемое количество копий офицеров, а именно, по нашим подсчетам, порядка тысячи семисот человек, для восстановления боеспособности всех кораблей эскадры.

Шайгалов прекрасно понимал, о чем говорит адмирал Вербицкий.

Послевоенные фобии сыграли свою роль. Флот Колоний исторически отличался от аналогичных формирований Альянса низкой степенью интеграции систем искусственного интеллекта в схемы управления, человеческий фактор на борту кораблей играл решающую роль, в полностью автоматическом режиме корабль мог совершить серию гиперпространственных прыжков для возвращения в точку базирования, но не больше. Вести бой корабль без экипажа не в состоянии.

– Время, – произнес адмирал Нечаев. – Если допустить, что Кассианская эскадра захвачена искусственными интеллектами, то им потребуется время для создания человеческих копий! Не думаю, что Дейвид пойдет путем реконструкции бортовых кибернетических систем.

– Правильно. Вопрос – сколько у нас этого времени? Для наступления роковых последствий достаточно ввода в строй флагманского крейсера с аннигиляционной установкой на борту.

– Связь пропала неделю назад. И что сделано за эту неделю? Какие силы брошены на поиск Кассианской эскадры, кроме автономных разведывательных групп? – Шайгалов задавал вопросы по существу, отлично понимая, что его не просто так пригласили на секретное совещание и посвятили в проблему, от решения которой может зависеть дальнейшая судьба освоенного людьми космического пространства.

– Ни один корабль пока что не покинул систем базирования, – ответил Нечаев. – Мы не намерены следовать планам противника! Они ждут от нас активного поиска в известных точках маршрута продвижения эскадры Рокотова. Поиска, который приведет силы Элио и Кьюига в ловушку. Полагаю, что искусственные интеллекты располагают достаточным количеством боевых кораблей, раз начали активную фазу действий. Задействовав все имеющиеся силы, мы лишь подыграем противнику. Они уверены, что точно просчитали нашу реакцию, так давайте не будем им подыгрывать!

– Вы предлагаете ждать, Вадим Петрович?! – Шайгалов был

неприятно удивлен. – Дать врагу время на создание копий ключевых офицеров эскадры?

– А по-вашему, будет лучше, если мы последуем путем расставленных заранее ловушек? Потеряем большую часть кораблей в бессмысленных схватках?

– Если мы промедлим еще неделю, ситуация окончательно выйдет из-под контроля, – поддержал позицию Шайгалова адмирал Вербицкий. – Используя Кассианскую эскадру, усиленную имеющимися у Дейвида «Шквалами», искусственные интеллекты нанесут удар по главной базе Флота, и не думаю, что Воронцов сумеет его отбить. Я согласен с Иваном Дмитриевичем – действовать нужно немедленно. Лимит времени на ожидание исчерпан.

– А какие у нас есть зацепки?

– Только последняя точка выхода на связь. Система безымянной звезды. От нее к соседним светилам ведут восемнадцать навигационных линий гиперсферы. Но эскадра могла осуществить не один, а несколько прыжков в режиме радиомолчания. В таком случае ее поиск становится практически невозможным.

– Не верю, что искусственные интеллекты отработали настолько чисто, – зло обронил Нечаев.

– Единственное, что могу добавить, – вчера потеряна связь с одной из мобильных разведывательных групп. Пропало звено капитана Кречетова из состава второй Элианской эскадры. Маршрут их следования известен.

– Есть совпадения с упомянутыми восемнадцатью навигационными линиями гиперсферы? – оживился Шайгалов.

– Есть, но точку пересечения они преодолели успешно. Звездная система, откуда они должны были послать очередной доклад, расположена на удалении двух прыжков от зоны наиболее вероятного нахождения Кассианской эскадры.

– Мы не знаем действительных планов противника! – вид Нечаева выражал протест. – Форт Стеллар – цель заманчивая, но кто может поручиться, что атака искусственных интеллектов будет направлена именно на главную базу Флота? А что, если они атакуют Элио или Кьюиг? Мы должны оставить эскадры на защите родных систем, прикрыть Кассию и продолжать поиск малыми мобильными группами!

– А что думает по этому поводу адмирал Воронцов? – неожиданно спросил Шайгалов. – И почему на совещании нет адмирала Дорохова?

– Адмирал Воронцов ничего не думает, – напряженно ответил Нечаев. – Он не в курсе. И Дорохов, который отказался поддержать идею

рассредоточения флота, тоже!

– То есть как?! – опешил Шайгалов.

– Иван Дмитриевич, это большая межзвездная политика! – раздраженно ответил Нечаев. – Да, искусственные интеллекты учли все, они нашли самый выгодный момент для нанесения удара. Мы передислоцировали эскадры Кьюига, Элио и Кассии, чем подорвали абсолютную власть адмирала Воронцова! Нам стоило немалых дипломатических усилий сохранить при этом целостность Союза Центральных Миров! И вдруг пропадает эскадра Рокотова, исчезает бесследно, вместе с флагманом, несущим на борту установку «Свет»! Подумай о последствиях огласки! Воронцов разыграет ситуацию в свою пользу, обретет множество новых сторонников, и все наши многолетние усилия пойдут прахом!

На минуту воцарилось молчание.

«А не играет ли вмешательство третьей силы на руку Вербицкому и Нечаеву, – на миг усомнился Шайгалов. – Не дав Воронцову информации, не развязали ли они руки искусственным интеллектам?»

– При всех существующих политических противоречиях разве не логично предупредить Воронцова о возможном ударе? – не выдержав молчания, спросил он.

– Форт Стеллар и без того находится в постоянной боевой готовности, – отмахнулся Нечаев.

– Да, но, если появится эскадра адмирала Рокотова, ни один комплекс противокосмической обороны не отреагирует на ее приближение!

– Вот этого мы не можем допустить! – вновь вступил в разговор Вербицкий. – Мы обязаны найти и вернуть Кассианскую эскадру до того, как искусственные интеллекты получат возможность использовать ее в боевых действиях! Мобильных групп для этого мало. Предлагаю следующее: эскадра Кьюига под командованием адмирала Шайгалова, выдвигается в звездную систему, расположенную по соседству с точкой последнего выхода на связь эскадры Рокотова. Заняв оборонительную позицию, корабли послужат приманкой для противника. Одновременно силами отдельных фрегатов вы, адмирал, начнете активную разведку соседних звездных систем. Это даст определенный результат, уверен. Сам факт присутствия боевых кораблей в секторе, где расположена новая база искусственных интеллектов, создаст нервозность, подтолкнет их к действиям.

– Но наши звездные системы…

– Вадим Петрович, дай досказать! Первая Элианская эскадра

переходит в режим патрулирования по маршруту Элио – Кьюиг – Кассия. Вторая Элианская эскадра остается в резерве и выдвинется в любую точку Периферии по первому сигналу. – Вербицкий взглянул на Шайгалова. – Только дай координаты, Иван Дмитриевич.

Тот кивнул. План не из лучших, но, учитывая цейтнот, других вариантов, похоже, сейчас не найти.

Существовал и еще один нюанс, но о нем Шайгалов говорить не стал. В эскадре все еще сохранялось внутреннее напряжение, недопонимание, а порой и враждебность между офицерами. Бывшие враги трудно сходились друг с другом, даже спустя пятнадцать лет после окончания Галактической войны.

«Но это уже моя проблема», – подумал он.

– Когда я могу приступать? – взглянув на Вербицкого, спросил Иван Дмитриевич.

– Немедленно, – ответил тот, подводя черту.

Система Кьюиг Борт флагманского крейсера «Ахилл»

– Буду краток. – Иван Дмитриевич Шайгалов медленно прохаживался по широкому проходу, разделяющему два ряда кресел в зале для проведения брифингов и совещаний. Лица вызванных им офицеров выглядели напряженными, в глазах читалось множество вопросов, в атмосфере помещения не ощущалось духа единства, словно тут собрались едва знакомые друг с другом, случайно повстречавшиеся люди, а не старшие офицеры космических кораблей, представляющих костяк Кьюиганской эскадры.

Панорама космоса на обзорных экранах медленно перемещалась. «Ахилл» маневрировал, совершая перестроение, на левом траверзе был виден огромный серп планеты Кьюиг, в центре и справа на фоне звезд выделялись скупо подсвеченные габаритными огнями контуры боевых кораблей нового поколения. Два тяжелых крейсера «Гектор» и «Приам» двигались в одном строю с флагманом, их многокилометровые корпуса, по форме напоминающие скатов, сплошь покрывал рельеф боевых надстроек: шлюзы, стартовые катапульты, вакуум-доки, сегменты ракетных, орудийных и лазерных батарей, узлы навигации, связи, площадки тяжелых плазмогенераторов, бронированные обтекатели, зенитные комплексы – все это выглядело крошечными деталями, сливающимися в восприятии, вид крейсеров вызывал невольный холодок при мысли об их боевых возможностях.

Шайгалов позволил взгляду скользнуть дальше, в глубь пространства, где тонкими яркими черточками выделялось построение семи фрегатов эскадры, а за ними, уже в виде точек, виднелись корветы.

В объеме обзорного голографического экрана пронеслось звено истребителей.

Иван Дмитриевич остановился. Теперь построение эскадры находилось у него за спиной – величественное, завораживающее зрелище для любого офицера.

– Мы разные, – продолжил Шайгалов, спокойно встречая направленные на него колючие взгляды. – Бывшие враги, мы должны стать единым целым. Каждый из здесь присутствующих прошел войну, знает истинную цену жизни и смерти. Почему мы собрались вместе? Пару месяцев назад многие из вас не думали о возвращении во флот. Честно

признаюсь, предложение адмирала Вербицкого стало для меня полной неожиданностью, но, подумав, я понял: именно так и должно происходить. Если не мы, воевавшие в секторах истерзанной космическими битвами Периферии, то кто способен вернуться в карантинные системы, на границу разведанного человечеством космоса?

Легкий ропот пробежал по залу.

– Да, знаю. Инерцию мышления трудно преодолеть. Но каждый из нас понимал, на что идет. Решение адмирала Вербицкого открывает новую эпоху. Мы отказались от использования искусственных интеллектов на боевых постах космических кораблей всех классов, люди вновь взяли инициативу в свои руки, отвечая за каждое принятое решение, за каждый произведенный выстрел и его последствия. Человеческий фактор вернулся в полном объеме, и перед нами стоит трудная задача: управляя новой техникой, доказать не только себе, но и всей Обитаемой Галактике – страшные, кровавые десятилетия, когда равнодушные ко всему живому боевые кибернетические системы решали судьбу человечества, уже не вернутся.

Адмирал откашлялся.

– Почему личный состав эскадры сформирован из офицеров Флота Колоний и Земного Альянса? Ответ прост. Мы не враги. Война завершилась, но пятнадцать лет хаоса, взаимной ненависти породили новые противоречия, теперь уже между свободными мирами, населенными выходцами с Земли и потомками колонистов. Мы своим примером должны показать, что период разобщенности преодолен. Ненависть, в пламени которой погибли целые поколения, не породила ничего, кроме новых бед и проблем.

Адмирал вновь обвел пристальным взглядом лица собравшихся офицеров.

– Сегодня эскадра покинет орбиту Кьюига. Нам предстоит углубиться в секторы Периферии. Первый дальний боевой поход по определению станет тяжелым испытанием для каждого. Подчеркиваю – боевой поход, а не разведывательная или картографическая миссия. От каждого из присутствующих я потребую полной самоотдачи, и это не дежурная фраза. Поэтому я отказался от использования современных коммуникационных средств, собрав вас тут. Обернитесь, посмотрите в глаза друг другу, взгляните, как вы выбрали себе места в зале, как четко делит бывших врагов обыкновенная дорожка между рядами кресел.

Шайгалов выдержал паузу и продолжил:

– Пусть каждый подумает сейчас, измерит глубину укоренившихся в

сознании фобий и сделает честный, окончательный выбор, ибо как только эскадра покинет орбиты Кьюига, пути назад не будет, а любые взаимные выпады и претензии в условиях боевого похода я расценю как неповиновение, саботаж, со всеми вытекающими для виновных последствиями!

В наступившей тишине полтора десятка человек поодиночке и небольшими группами встали, покинув зал.

– Это честный, достойный понимания поступок, – произнес адмирал. – Появившиеся сейчас вакантные должности будут замещены в течение ближайшего часа. Я своим приказом назначу новых офицеров. Все свободны, кроме командора Дымова.

– Присаживайся, Глеб. – Шайгалов жестом прервал попытку Дымова отрапортовать по форме.

– Слышал о твоих успехах. – Иван Дмитриевич сел в кресло напротив.

– Не думаю, чтобы к вам поступали лестные отзывы, – усмехнулся Дымов. – Скорее рапорты, поданные через мою голову?

– Да, такого добра хватает, – кивнул адмирал. – Но я не затем приказал тебе задержаться. Хочу узнать твое мнение о боеготовности эскадры.

Дымов понятия не имел, почему адмирал задает вопрос именно ему, но ответил честно:

– Последние маневры по отработке боевой слаженности показали низкий уровень взаимодействия между отдельными кораблями. У меня создалось впечатление, что каждый командир стремится выделиться, в одиночку справиться с заданием. В общей картине учебного боя, при перестроениях, в маневрировании, такой дух соревнования выглядит неуместно, а в реальном бою будет иметь роковые последствия.

Шайгалов проницательно посмотрел на Дымова, затем кивнул:

– Верно подметил. К сожалению.

– Иван Дмитриевич, я не склонен критиковать или ставить под сомнение действия командиров кораблей. Каждый из них опытный капитан.

– Знаю. – Шайгалов продолжал думать о чем-то тяжелом, крайне неприятном. – Вот что, Глеб. Давай поговорим начистоту. Тебя в эскадре тихо ненавидят. И за несомненные успехи, и за твое прошлое. Не перебивай. Ты только что сам видел, как офицеры покидали посты накануне боевого похода. Это о многом говорит. Я присматривался к тебе, следил за успехами экипажа «Артемиды», коллекционировал рапорты, не скрою – перенимал опыт. Думал, как переломить ситуацию, привить другим командирам кораблей то новое и, несомненно, рациональное, что

ты демонстрировал на протяжении двух месяцев. Но не успел.

Адмирал налил себе и Глебу воды.

– Случилось непредвиденное. – Он сделал несколько глотков, поставил бокал на столик. – Эскадра адмирала Рокотова вышла в первое автономное патрулирование и… – он сделал паузу, – исчезла.

Глеб слушал молча и напряженно.

– Я знаком с историей твоей жизни. Лично Вербицкий рекомендовал тебя на должность командира фрегата. Полковник Решетов обещал, что ты окажешься на острие событий, ведь так?

Глеб кивнул.

– Не стану ничего утаивать. Командование считает, что к исчезновению Кассианской эскадры причастны искусственные интеллекты с Роуга. Я согласен с таким выводом.

– Нашли их планету базирования? – Дымов чуть подался вперед, черты его лица мгновенно заострились от внезапного внутреннего напряжения.

– Нет. Но найдем. Экипаж твоего фрегата наиболее подготовлен для выполнения автономных заданий. Мне необходимы твой опыт, твоя решимость. Мы начинаем очень рискованный поиск, и для разведки наиболее опасных точек маршрута фрегат, по моему убеждению, – оптимальная боевая единица.

– Согласен, – кивнул Дымов.

– Я не исключаю, что в любой точке маршрута твой корабль, двигаясь впереди эскадры, может столкнуться с вражеским флотом, и потому готов выслушать любые предложения или требования. Ты уже достаточно освоился и лучше меня представляешь, что именно поможет «Артемиде» при возникновении критической ситуации.

Глеб на минуту задумался, затем спросил:

– Сколько у меня времени на подготовку?

– Пять часов.

– Достаточно. Задача фрегата?

– Поиск эскадры Рокотова. Не исключено, что в процессе поиска ты обнаружишь и планету базирования колониальных искусственных интеллектов. Основная задача фрегата – не дать им уйти или передислоцировать Кассианскую эскадру до подхода основных сил.

Колючий взгляд Глеба потемнел. Адмирал, глядя на него, как будто смотрел в зеркало. Когда-то на одной из планет скопления Ширана он так же принимал вызов судьбы, понимая, что пойдет до конца, потому и не сомневался в кандидатуре Дымова.

– Вероятно, «Артемиде» придется вступить в бой со штурмовыми крейсерами класса «Шквал», – произнес Глеб. – По любым раскладам неравенство сил огромное. Фрегат нужно доукомплектовать.

– Продолжай.

– К пилонам «Артемиды» необходимо пристыковать две тяжелые артиллерийские платформы. К модулям транспортировки – три технических носителя с заряженными гиперприводами. Все тяжелые пусковые комплексы оснастить двойным боекомплектом ракет класса «Пиранья», с функцией самостоятельного поиска целей каждой боеголовкой после разделения кассет, также необходимы дополнительные фантом-генераторы, способные имитировать сигнатуры тяжелых кораблей класса «Крейсер».

Шайгалов согласно кивнул.

– Решено. Что еще?

– Вероятно, «Артемида» выдержит пять, максимум десять минут схватки. Далее – либо экстренный прыжок, либо гибель фрегата. – Дымов смотрел правде в глаза. – К резервным стыковочным узлам прошу подключить сотовые пусковые модули с индивидуальными спасательными капсулами для экипажа. Это все. При получении критических повреждений я прикажу личному составу покинуть корабль, отстрелю артиллерийские платформы и с помощью гипердвигателей технических носителей инициирую прыжок. Как минимум один из «Шквалов» последует за «Артемидой» и будет уничтожен в точке всплытия подрывом силовой установки фрегата.

Шайгалов несколько секунд смотрел на него, затем с усилием кивнул:

– Разумно. Десяти минут будет достаточно, чтобы основные силы эскадры совершили прыжок и вступили в бой. Мы подберем вас, не сомневайся.

– Бой покажет. Я могу идти?

– Глеб, есть еще один момент, о котором тебе необходимо знать.

Дымов вопросительно вскинул взгляд:

– Ника исчезла.

Глеб побледнел.

– Когда и как?

– Мы не знаем. Не более суток назад. Айла ничего не может объяснить. Ядро системы на месте, но нейромодули пусты. У меня только один вопрос. Айла сказала, что Ника тяжело переживала возвращение к кибернетической форме существования…

– Она не могла покончить с собой. – Глеб был настолько ошеломлен,

что позволил себе перебить адмирала. – Попытку суицида я исключаю.

– Уверен?

– Да. Я знаю Нику и предполагаю только один вариант – искусственные интеллекты добрались до нее.

– Зачем им она?

– Дейвид думает, что Нике известны координаты баз Внешнего Кольца и боевые коды расконсервации.

– Это так?

– Нет. Она действительно нашла станцию связи, но уничтожила базы данных, не копируя их. Такова была ситуация. Теперь я могу идти? – Лицо Глеба выглядело окаменевшим.

– Иди. Готовься.

Глава 7

Тех, кто прошел Галактическую войну или сумел выжить в условиях послевоенной Периферии, неспособна сломить даже сила неодолимых обстоятельств.

Из личных заметок адмирала Вербицкого.

Планета Фобос. «Райский остров»…

Волны лениво набегали на пляж, шуршали мелкими ракушками, перекатывая их в пенных полосах, касались ног, бессильно отступали и снова накатывались в бесконечном шуме прибоя.

Райский остров…

Два слова звучали в мыслях, поворачиваясь то одной, то другой стороной проблемы, меняли эмоциональную окраску и смысл.

Ольга Полвина взглянула на мужа. Адмирал Рокотов сидел хмурый, напряженный, о чем-то размышлял, изредка бросая обкатанные морем камушки в набегающую волну.

Ласково светило солнце. Не обжигало, как в полдень, а приятно грело, словно обнимало лучами, легкий ветерок нес тревожащие запахи бескрайних просторов.

За узкой полоской пляжа вздымались выветренные скалы. Невысокие грибовидные растения цеплялись корнями за трещины, птицы с ярким оперением проносились над самой водой, охотясь за мошками.

Рай, потерянный в напряжении будней, о котором уже и не мечталось.

«А душа-то выдохлась», – подумала Ольга, прислушиваясь к полузабытым звенящим чувствам.

Затем, вспомнив, как здесь очутилась, вновь помрачнела. Наконец, не выдержав, она подошла к мужу, присела на плоский отшлифованный прибоем камень, некоторое время молчала, затем спросила:

– Игорь, а может, они правы?

Рокотов сидел, будто окаменев, только желваки играли на напряженном лице.

– Кто? – спросил он.

– Андроиды.

– Оль, не узнаю тебя. Какая по большому счету разница, они или адмирал Надыров?[27] Зачем мы воевали? Не ты ли вела моего «Беркута» к основному модулю «Кассиопеи»? Оккупанты ведь тоже сулили райскую жизнь под пятой Джона Хаммера!

– Не злись.

– Да я не на тебя злюсь! На себя! Надо же, как ловко этот Дейвид всех обманул! Он изначально просчитал реакцию Степа, знал, что тот ни за что не согласится сотрудничать, дал ему возможность проинформировать меня, выманить за город с минимальной охраной! Я все недоумевал, почему он

так глупо действует, раскрывая все карты. А он, видишь, придумал многоходовую операцию. Использовал Степа, зная, что я ему поверю! И ведь все получилось!

– Не злись, – повторила Ольга.

– Извини. – Он обнял ее, прижал к себе. – Надо думать, как выбраться из этого райского уголка! Представляешь, что сейчас происходит? Чем занята моя копия? Даже думать страшно!

Ольга не нашлась, что ответить. Ободрять Игоря – только себя обманывать. Он сильный. Да и сама не из робких. Но где выход? Машинная цивилизация – вот когда избитое словосочетание полностью раскрыло свой смысл. Что они могут предпринять без средств коммуникации, без экипировки, оружия, машин? Выдолбить лодку из ствола дерева и отдаться воле ветров? А куда приплывем? Да и выживем ли? Дейвид ясно дал понять, что адаптированная для человека экосистема поддерживается лишь в границах острова. Дальше – царство чуждой биосферы, где единственный вдох без метаболического импланта может стоить жизни, стать последним.

– Ты говорил с людьми?

– Говорил. Они парни решительные, но дисциплины никакой. В основном наемники с Варла. Идея забить камнями парочку боевых машин не очень-то их вдохновила. Эх, сюда бы ребят из спецназа ВКС…

– Помечтай. – Ольга коснулась его плеча, прижалась к спине мужа. – Сами справимся.

– Ладно. Пойду еще раз попробую поговорить с людьми.

* * *

– Ну, что тебе надо, старик?

Рокотов остановился в дверях. После яркого полуденного света внутри здания все казалось погруженным во мрак.

– Пришел кое-что уточнить. – Глаза понемногу свыклись с условиями освещения, и Игорь Владимирович, обойдя массивный стол, покрытый зеленым сукном, сел в свободное кресло. – Чем вы тут заняты, парни?

– Отдыхаем.

– А это что такое? – Рокотов с неподдельным интересом рассматривал шары, раскатившиеся по зеленому полю, высокие борта необычного стола.

– В бильярд никогда не играл? – хмыкнул Ульрих, подмигнув своим товарищам. Высокие, накачанные, небритые, они выглядели угрожающе и одновременно казались какими-то неопрятными.

Бильярд. Слово знакомое. Игорь Владимирович на время задумался, затем с трудом вспомнил: как-то раз ему приходилось видеть подобный

раритет.

– Это кий?

– Да, причем натуральный. Оцени?

Рокотов взял протянутый Ульрихом кий, провел пальцами по лакированной древесине, ощутил вес, нашел центр тяжести. И без сканирования понятно, внутри находится металлический стержень.

– Сыграем?

– Я не знаток бильярда.

– Ну, говори тогда, что надо? Пива хочешь?

– Воздержусь, – вежливо отказался Игорь Владимирович. – Вижу, вас все тут устраивает?

– Не худшее место во Вселенной, – кивнул Ульрих. – А ты, адмирал, все никак не успокоишься? Лежал бы себе на пляже, грел старые кости.

Рокотов проигнорировал замечание. В прошлый его визит разговор не получился. Но сегодня он решил проявить терпение.

– Давно вы тут?

– Да уж с полгода, наверное, – лениво ответил Варлок. – Поначалу напрягало, а теперь ничего, пообвыклись.

– Остров исследовали?

– Да нет тут ничего примечательного. Четыре города, если так можно назвать, береговая линия поделена на сектора, где расположены бунгало для новичков типа нашего, ну еще в горах какие-то дикари обосновались. Мы к ним сунулись, да без толку. Интеранглийский едва понимают, живут на грибовидных деревьях, охотятся на каких-то червей, смотреть тошно.

«Наверное, деградировавшие потомки колонистов, депортированные с материка на остров», – мысленно отметил Рокотов, но на всякий случай спросил:

– Признаков посадки колониального транспорта не заметили? Ну, обломки, может, фрагменты расплавленной почвы, остекленевшие скалы, древние бункера?

– Нет, не видели.

– А как организована система охраны резервации?

– Какой охраны? – не понял Ульрих.

– Остров должен как-то охраняться?

– Нет никакой охраны, – пожал плечами Рогман, третий из варлийцев. – Вокруг океан. Что тут поделаешь? Лодку соорудишь? А дальше что? Куда плыть? Да и зачем?

– Нас всех удерживают насильно. Не заметил?

– Знаешь, адмирал, поначалу мы тоже дергались. А потом как-то все

само по себе улеглось. Ну, покопались андроиды у нас в мозгах, что с того? Живем как люди. Ты хоть раз бывал на Варле?

– Нет.

– Пустыня. Все уничтожено войной. Представляешь, какие там условия выживания?

Рокотов кивнул:

– Я не был на Варле, но побывал во многих похожих мирах. Да и сам я с Дабога.

– Тогда должен понимать, о чем речь. Так жить, – Ульрих неопределенным жестом обвел обстановку помещения, – нам и в розовых снах не снилось. Да, поначалу дергались, – повторил он. – Но от добра добра не ищут, верно? Зачем нам ввязываться в драку? Чтобы вырваться отсюда? Куда? Назад на Варл?

– Свобода…

– Адмирал, хватит капать на мозг. Свобода сдохнуть на Арене?[28] Думай, о чем говоришь…

Снаружи раздались шаги.

Ульрих заметно напрягся, иначе перехватил кий, словно держал в руках оружие.

Рокотов незаметно поменял позу.

В дверях показалась человекоподобная фигура. Боец в экипировке колониальной пехоты образца тридцатых годов выглядел неживым. Его лицо, хорошо различимое за опущенным прозрачным забралом шлема, не выражало никаких эмоций. В прошлом Рокотову не раз приходилось встречаться с бойцами спецбригад, но раньше он видел в них живых людей и никогда не замечал подобного безэмоционального поведения.

– Боец, тебя как зовут? – обратился он к вошедшему.

Тот даже не повернул головы.

– Я задал вопрос. – Адмирал хотел встать, но рука Ульриха легла на плечо, удержала его в кресле.

– Не лезь к нему. Это изделие с Роуга. Киборг. Ему удалили программы имитации человеческого поведения, чтобы ускорить работу системы. Дернешься, он тебе башку снесет, моргнуть не успеешь…

– И это ты называешь свободой? – тихо, но внятно спросил Рокотов.

Ульрих лишь скривился в ответ.

На улице вновь раздались шаги, и через открытую дверь в помещение вошли двое андроидов колониальной модели.

– Еда и напитки. – Они поставили на пол увесистый пластиковый

кофр. Один из них повернулся, взглянул на Рокотова, затем вдруг шагнул к Варлоку.

– Сэр, – вежливо обратился он к варлийцу, – когда вы мылись в последний раз?

– Тебе что за дело? – огрызнулся Варлок.

– Несоблюдение правил личной гигиены может привести к вспышке заболеваний инфекционного характера. Вам сделано последнее предупреждение.

– Не понял?! – Варлок завелся, что называется, с полоборота.

– Сэр, поясняю лично для вас: каждодневная уборка помещения и соблюдение правил личной гигиены обязательны для всех обитателей острова. Несоблюдение установленных норм приведет к вынужденным мерам по коррекции информации в ваших нейросетях. Тех, кто не в состоянии выполнять элементарные правила, мы подвергнем обучению.

– Слушай, ты… – Варлок угрожающе шагнул к андроиду, но путь ему преградил киборг.

– Назад, – тихо, без эмоций произнес он.

– Фрайг побери, что тут происходит?! – Варлиец машинально отступил на шаг.

– Все очень просто, – терпеливо пояснил андроид. – Мы обеспечиваем вас всем необходимым. Мы отвечаем за ваше здоровье. Все негативные тенденции в поведении будут со временем откорректированы. Люди должны демонстрировать разумное поведение, развивать интеллект, жить в гармонии с природой, соблюдать чистоплотность. Если угодно – это плата за проживание. Думаю, что она необременительна. Быть умным, здоровым, духовно развитым – разве не в этом заключается смысл человеческой жизни? И прошу запомнить на будущее: мы – искусственные интеллекты, разумные существа, а не прислуга, убирающая мусор за хозяевами. Усвойте это, и наше общение станет более продуктивным.

Варлок просто не нашелся, что ответить.

– Я вернусь ровно через неделю. Если снова найду тут беспорядок и антисанитарию, все вы будете подвергнуты мнемотехнической коррекции. – Андроид повернул голову, взглянул на Рокотова. – Вас, Игорь Владимирович, это пока не касается. Вновь прибывшим мы даем время на адаптацию. Всего хорошего, господа.

* * *

Смотреть на лица варлийцев было поучительно и одновременно грустно.

Люди несовершенны – вот постулат, который выдвинули искусственные интеллекты, развившиеся из колониальных машин. Мы – ошибка природы, которую андроиды взялись исправить.

Бардак в помещении, конечно, заслуживал порицания. Рокотов никогда бы не допустил подобного на жилых палубах вверенных ему кораблей. Но сейчас речь шла не о конкретных личностях. Важен был принцип, на основе которого искусственные интеллекты собирались конструировать модель создаваемых ими «райских» поселений.

Путем мнемотехнических коррекций они подгонят выживших под некий эталон, отражающий их идеал «человека совершенного».

– Что скажешь, Ульрих? – Рокотов насмешливо взглянул на разъяренного варлийца.

– Сука железная… Стакан воды стоит на Варле, как особняк в Центральных Мирах. Запах наш ему не понравился!

– Но ведь «от добра добра не ищут»? – напомнил ему адмирал.

Ульрих сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Ничего не понимаю! Раньше все было нормально!

Игорь Владимирович сокрушенно покачал головой.

– Андроид же ясно высказался – лимит времени на адаптацию исчерпан. Теперь будешь сквернословить – тебе вычистят мозги. Не вымоешься вовремя – пожалуйте на коррекцию личности. Скоро ты будешь обращаться к человекоподобным машинам со всей возможной вежливостью. Забудешь о Варле. Станешь образованным и духовно развитым…

– Заткнись!

– Цена проживания на райском острове названа. Может, теперь вернемся к началу нашей беседы?

Рогман, угрюмо комкавший в руке пластиковую банку из-под пива, вскинул взгляд:

– Адмирал, ты видел киборга? Он ведь убьет, даже не поморщится.

– Боевая машина в оболочке из плоти. – Рокотов пожал плечами. – Я и раньше встречал таких. Не вижу, чем он опаснее пехотного андроида Альянса? Или на Варле…

– Чего ты хочешь от нас, адмирал?! – зло спросил Ульрих.

– Информации и содействия. Нужно выбираться отсюда, верно? Или кто-то из вас желает остаться, проверить, исполнит ли андроид свои обещания?

– Ну хорошо, допустим, я согласен: нужно что-то делать! – Ульрих оперся о край бильярдного стола. – Дело не в том, сколько раз на дню мы

принимаем душ! Не надо ничего объяснять, хватит на сегодня одного умника!

– Ты здесь уже достаточно долго. Знаешь местный распорядок. Есть предложения, полезные наблюдения? – спросил адмирал.

– Транспортный корабль доставляет продукты на остров раз в неделю, – пробурчал Ульрих. – Мы поначалу наблюдали за посадочной площадкой. Она расположена на побережье километрах в тридцати отсюда.

– Охраняется?

– Нет.

– Инфраструктура?

– Никакой. Голый стеклобетон. Ни диспетчерской башни, ни средств связи или навигации.

– Тип транспортного корабля?

– «Элизабет-Альфа». Войсковая модель с демонтированным вооружением.

– Как происходит разгрузка?

– На борту есть сервы. Мы насчитали двадцать кибермеханизмов. Они же служат в качестве носильщиков. Обычно прилетают восемь андроидов, с ними – взвод киборгов. Чаще всего транспорт доставляет только продукты и предметы первой необходимости, но иногда привозит и новых обитателей острова.

– Жители других поселений тоже с Варла?

– В основном.

– Поговоришь с ними?

Ульрих кивнул.

– После сегодняшней выходки андроида найдется достаточно добровольцев.

– Нам нужно пятнадцать человек. – Рокотов обдумывал ситуацию, формируя план действий. – Наиболее подготовленных. Знакомых с тактикой десантно-штурмовых и диверсионных подразделений.

– Почему так мало?

– По предполагаемому количеству киборгов на борту транспорта. Во-первых, всех бойцов нужно экипировать и вооружить. Мы, как я понял, сможем завладеть только двадцатью комплектами снаряжения. Если с транспорта демонтировали боевые подсистемы, значит, андроиды справедливо опасаются бунта на острове. Логично предположить, что неприкосновенные запасы они также изъяли.

– Два десятка вооруженных киборгов – многовато. Не все покидают борт корабля. Часть остается во внутреннем карауле.

– Тогда каким образом вы узнали их количество?

– Был как-то раз случай. Несколько наших попытались напасть на андроидов. Киборга сопровождения уничтожили. Те, естественно, вызвали подмогу с корабля. Когда поднялась тревога, шестнадцать киборгов покинули транспорт. Корабль запечатали наглухо.

– Значит, четверо киборгов сопровождают андроидов?

– Да. Те ходят по двое. Более или менее крупных поселений на острове всего четыре, если не считать стойбищ кочующих племен. Но к дикарям машины почему-то не суются.

– Нам потребуется компьютерный техник. – Рокотов встал, по привычке прохаживаясь, поочередно глядя на собеседников. Без внушительного арсенала существует только один способ захватить корабль. Мы уничтожим четверых киборгов сопровождения, завладеем оружием, экипировкой и займем их место.

– А андроиды?

– Их следует нейтрализовать. Чтобы не успели сообщить на корабль.

– Ну, допустим. И что дальше?

– Возвращаемся к транспорту, поднимаемся на борт, ликвидируем внутренний караул.

– Они не подпустят нас близко. Увидят, что с нами нет андроидов, сразу заподозрят неладное.

– Для этого и необходим компьютерный техник, знакомый с колониальными моделями машин. Их придется не только нейтрализовать, но и перепрограммировать.

– Многовато спорных моментов. Не факт, что справимся.

– Ульрих, мы не тупее машин. Есть неделя на подготовку. В конце концов, мы их создали.

«Райский остров». Двое суток спустя…

– Адмирал, есть разговор.

– Сейчас выйду, – Рокотов стряхнул остатки сна, взглянул на Ольгу. Она уже не спала. – Все нормально, – он коснулся ее плеча. – Спи, рано еще. Ульрих вернулся, я выйду поговорю с ним.

Она улыбнулась. Сколь ни печальны обстоятельства их появления тут, но окружение природы, тишины и покоя, свежий, чистый воздух, ласковое солнце брали свое. Все познается в сравнении. Годы, проведенные в Форте Стеллар, напряженная обстановка постоянных политических интриг – все это воспринималось как должное, казалось обычной жизнью.

На самом деле мы постоянно боролись на пределе моральных сил, забыв, что такое человеческое счастье. Спать уже не хотелось. Она встала, накинула халат, подошла к окну.

Игорь разговаривал во дворе с рослым варлийцем.

– Ну, что удалось узнать? Как настроение у людей?

– Добровольцев хватает. Многих я знаю по Варлу, ребята отчаянные. Готовы рискнуть при одном условии.

– Говори.

– Мы останемся на этой планете. Вывезем сюда семьи. Колонизируем остров.

– Не проблема. Я буду содействовать. – Адмирал ожидал услышать нечто подобное и заранее обдумал ответ. – Больше того, я готов принять на Кассии тех жителей Варла, кто не захочет начинать с нуля.

Ульрих усмехнулся:

– Ты точно никогда не бывал на Варле. Полный ноль – это наши пустоши. Ладно. К делу. Мы отыскали компьютерного техника. Парень толковый, но без оборудования, сам понимаешь, мало что сможет.

– У нас нет оборудования. Вопрос в том, сумеет ли он взломать систему транспорта, оказавшись на борту?

– Есть другая идея. Бойцов набирается человек пятьдесят. Отобрать из них лучших я затрудняюсь. Нужно спровоцировать ситуацию. Пусть бы прислали на остров серьезные силы. Предлагаю устроить массовые беспорядки. Мы выяснили места установки датчиков видеонаблюдения. Пары драк в поле зрения следящих устройств будет достаточно.

Рокотов задумался.

– Не пойдет. Наша задача – захват корабля. Бойня на острове никому

не нужна. Хотя подожди… – Адмирал нахмурился. – Мысль у тебя отчасти верная. Только спровоцировать нужно не массовые беспорядки, а техническую проблему. Остров окружен установками суспензорного поля. Под куполом защиты поддерживается микроклимат, изменена экосистема.

– Ну и что?

– Где-то должны располагаться климатическая станция и автоматика управления суспензорного поля.

– В горах есть какие-то постройки. Но туда никто не ходит, – андроиды сразу предупредили, что зона запретная и нарушители будут наказаны.

– А как же кочевые племена?

– Ну, им, похоже, закон не писан. Обитают в горах, охотятся…

– В общем, перемещаются свободно?

Ульрих кивнул.

– Собери человек десять. Поднимемся в горы, попробуем понаблюдать за одним из племен. Нужно взять что-то для меновой торговли.

– Зачем? – не понял Ульрих.

– Нам потребуется их примитивное оружие, одежда или что там они носят?

– Изобразим отряд охотников племени?

Рокотов одобрительно кивнул.

– Подберемся к станции, выясним, что и как. Если маскировка сработает, проникнем на территорию, устроим незначительную поломку. Если повезет, добудем что-то из оборудования. Андроиды наверняка вышлют техническую группу для устранения неисправности. В горы ведет дорога?

– Только пешие тропы.

– Тем лучше. Проще устроить засаду.

– Когда пойдем?

– Собирай людей. Я буду готов через четверть часа.

* * *

Сетка забора, ограждающего постройки станции контроля климата, оказалась под напряжением, об этом немо свидетельствовали белеющие вокруг кости животных.

– Защитных комплексов пока не вижу. – Рокотов подался назад в густые заросли произрастающего на склонах кустарника. – Но видеодатчики и сканеры там наверняка есть. Невооруженным глазом их не

заметишь.

– Выход один – искать племя и маскироваться под дикарей, как ты и говорил. – Ульрих сглотнул. Жара стояла немилосердная. Во рту пересохло, воды взять с собой не догадались.

Огюст – тот самый компьютерный техник, которого отыскали варлийцы, раздвинул ветви кустарника, вытянул шею, что-то высматривая.

– Сканеры довольно примитивные и посажены на стационарное питание, – произнес он. – Вижу строения энергостанции. Если обойти, маскируясь кустарником, и устроить замыкание, часть периметра вырубит точно.

– Какую часть? Нам только не хватало, чтобы на материке узнали, кто тут орудует.

– Я справлюсь. Станция вообще построена не андроидами. Технологии многовековой давности. Они только вновь запустили ее.

– Хочешь сказать, что на острове было поселение колонистов?

– По крайней мере, они его пытались создать.

– Сомневаюсь. Суспензорное поле изобрели только к началу войны. А чем удерживать очищенную атмосферу?

– Ветра, – со знанием дела пояснил Огюст. – Станции подобного типа создают избыточное давление. Ее не зря построили в горах. Видимо, где-то тут поблизости, в долинах, как раз и предполагалось строить первые поселения.

– Тогда нужно их поискать. Может, повезет? – Ульрих обернулся. – Адмирал, что делаем? Ищем племя или проверим версию Огюста?

– Проверим версию.

– А смысл? – спросил Рогман. – Ну, найдем руины, что толку?

– Если климатическая станция возведена колонистами, то поселение действительно где-то рядом. По опыту знаю, оба объекта должны соединяться подземными коммуникациями. Я родился и вырос на Дабоге, там практика герметичной подземной инфраструктуры применялась повсеместно, – пояснил адмирал.

– А андроиды типа глупые? Не знают о древних коммуникациях?

– Они не глупые, а рациональные, – Рокотов спокойно отреагировал на очередной выпад Рогмана. – От зверья и деградировавших потомков колонистов сетка под напряжением защищает идеально. Не будем и мы усложнять проблему. Так, – он обернулся к остальным членам отряда, – рассыпаемся цепью, прочесываем кустарниковые заросли, двигаясь примерно в километре от периметра климатической станции. Не исключено, что поселение полностью подземное или расположено в

естественных пещерах. Особое внимание обращать на признаки бункерной зоны: выходы вентиляционных шахт, технические тоннели, заброшенные дороги.

…Поиски увенчались успехом только к вечеру.

Сначала удалось обнаружить признаки стертой временем дороги, затем, следуя по ней, небольшой отряд вышел к руинам поселения, расположенного в долине между двух невысоких хребтов. Когда-то городок насчитывал около сотни домов в окружении агротехнических ферм, но сейчас от построек остались только развалины.

Долина идеально подходила для первичного терраформирования. Два огромных бетонных тоннеля, врезанных в горный склон, предназначались для подачи стерилизованного и обогащенного кислородом воздуха.

– Пошли. – Рокотов первым ступил во влажную тьму.

Идти пришлось недолго. Огромные воздуховоды тянулись сквозь скальные породы прямиком к станции климатического контроля, но, судя по состоянию, их эксплуатация прекратилась сотни лет назад.

Оставалось загадкой, почему колонисты, выжившие при катастрофической посадке, приступившие к строительству колониального форта на материке, терраформировавшие горную долину, предпринявшие попытку очистить от агрессивных для человека форм жизни часть острова, в конце концов потерпели поражение в схватке с исконной биосферой планеты и постепенно деградировали?

Через несколько сот шагов путь преградил обвал.

Рокотов остановился. Двигаться во мраке было сложно, приходилось постоянно придерживаться рукой за влажную шероховатую стену. Теперь дальнейшее продвижение стало и вовсе проблематичным.

Ульрих щелкнул зажигалкой, осветил фрагмент осыпи.

– Дела… – Он начал карабкаться вверх.

Трепетный огонек вспыхивал и гас, пока он преодолевал нагромождение бетонных обломков, смешанных с оползнем почвы.

– Тут промоина, – раздался из темноты его голос. – Есть ток свежего воздуха. Узко, но пролезть можно.

На ощупь вскарабкавшись под свод огромного тоннеля, Игорь Владимирович увидел бледное пятно света.

Выход на поверхность.

– Давай, Огюст, ты у нас самый щуплый, – раздался из темноты голос Ульриха.

– Сам не хочешь попробовать?

– Нет. Я тебя за ноги вытащу, если застрянешь. Шевелись, времени и

так мало!

Минут пять в тишине слышались лишь звук изредка срывающихся со свода капель воды да сопение Огюста, которому пришлось ползти по грязи, расталкивая руками мелкие обломки бетона. Вода, судя по всему, просачивалась через трещины в давно не ремонтированном своде.

– Пролез, – наконец раздался хриплый голос. – Кто следующий?

Рокотов коснулся плеча Ульриха.

– Посвети, я попробую.

По другую сторону обвала тоннель продолжался еще метров на пятьдесят. Ни сетки под напряжением, ни иных препятствий больше не встретилось, и вскоре группа из десяти человек оказалась в огромном помещении, где еще сохранились изъеденные коррозией крепления огромных вентиляторов.

Далее располагался машинный зал, заброшенный, с пришедшим в полную негодность оборудованием.

Из него вели три выхода, запертых поржавевшими металлическими дверями.

– Вскрываем по очереди, осторожно.

Каждый пройденный метр напоминал о невероятной древности сооружений. Большинство механизмов и агрегатов превратилось в глыбы бесполезного металлического хлама, среди которого с трудом удалось отыскать примитивный инструмент, необходимый для вскрытия дверей.

Наконец одна из них протяжно скрипнула, поддаваясь усилиям Ульриха и Рогмана.

– Я иду первым. – Адмирал осторожно выглянул в образовавшийся зазор. Старый цех вплотную примыкал к строениям действующей подстанции.

«Будем надеяться, что все датчики охранной системы обращены к внешней стороне периметра», – подумал Рокотов, осматривая небольшой внутренний дворик, ограниченный стенами зданий.

– Откройте шире.

Протяжный лязг повторился.

Рокотов проскользнул в полуметровый зазор, совершил короткую перебежку, прижался к стене, махнул рукой Огюсту, жестом указав на дверь, ведущую внутрь одного из строений действующей силовой установки.

Огюст преодолел пространство между цехом и корпусом подстанции и, оказавшись рядом с адмиралом, молча указал вверх.

Рокотов поднял взгляд.

Над постройками возвышалась вполне современная многофункциональная вышка, облепленная устройствами связи.

«Трудно оценить, насколько сильно нам повезло», – подумал адмирал, разглядывая приемо-передающие комплексы. Теперь стало ясно, что за поломку необходимо устроить.

Огюст был настроен более скептически.

– Зачем им понадобилось устанавливать антенную вышку? – шепотом спросил он. – В горах множество «мертвых зон». Практичнее использовать спутниковые типы связи.

«Действительно, – Рокотов мысленно укорил себя в невнимательности. – Почему для слежения и связи не использован спутник?»

– Думаешь, вышка ложная? Бутафория?

– Нет. – Огюст проследил за силовыми кабелями. – Оборудование, как мне кажется, действующее.

– В чем тогда подвох? – Рокотов прекрасно понимал: машины ничего не сделают просто так.

– Вероятно, на орбите планеты нет спутников связи, – высказал предположение Огюст. – Нужно взглянуть на системы управления, тогда скажу точно, в чем тут причина.

Тем временем остальные бойцы разведывательного отряда по одному покинули старый цех, присоединившись к адмиралу.

– В чем заминка? – спросил Ульрих.

Рокотов кивком указал на вышку.

– Не можем понять, почему здесь использована столь ненадежная в условиях горной местности технология.

– Выглядит как новая, – пожал плечами Ульрих, окинув взглядом ажурную конструкцию.

Огюст, осмотрев стену, заметил окно. Здания, в которых располагалась действующая силовая установка, принадлежали к древнему комплексу, их отреставрировали, но не стали перестраивать.

– Рогман, помоги взобраться.

Варлиец с готовностью присел, подставляя плечи.

– Дотянешься?

– Сейчас… – кряхтя, произнес Огюст. – Есть… – он уцепился руками за карниз, – выпрямляйся.

– Ну, что там?

– Блоки аппаратуры… Адмирал, вышка действующая. Не вижу устройств спутниковой связи. Тут чей-то кибстек на столе… Вот бы до него

добраться!..

– Слезай. Сейчас подумаем, как проникнуть внутрь.

– Ладно… Но кибстек мне нужен обязательно! – Огюст осторожно спустился. – Там полно оборудования. Если вырубим аккуратно, можно будет разобрать некоторые устройства, соорудить сканеры!

Адмирал задумался. Непонятно, почему на орбите нет спутников, но, похоже, удача действительно отвернулась от искусственных интеллектов – вырубив узел связи, повстанцы получали массу преимуществ. Климатическую станцию окружали горы, получается, что связь с побережьем, куда осуществит посадку космический корабль, без усилителей и ретрансляторов попросту невозможна. Значит, группа киборгов не сможет подать сигнал, когда подвергнется нападению.

Конечно, оставался риск, что на орбите все же есть искусственные спутники, но тогда зачем было устанавливать вышку? Нет, андроиды не стали бы тратить ресурсы на возведение бесполезных сооружений.

Ульрих вопросительно посмотрел на адмирала.

– Как будем действовать?

– Аккуратно отключим узел связи. Имитируем повреждение комплекса антенн.

– Времени маловато на подготовку.

– У нас будет час, необходимый для перелета корабля через океан, и еще как минимум четыре часа, пока андроиды и киборги поднимаются в горы. Связи с кораблем у них не будет. Никто не поднимет тревогу, когда группа подвергнется нападению.

Ульрих вновь взглянул на ажурную вышку, кивнул, в принципе одобряя ход мыслей адмирала, а затем спросил:

– Открытым остается главный вопрос: как разделаться с киборгами, не имея оружия?

– Мы сконструируем ловушки на узких горных тропах, – ответил Рокотов. – В нашем распоряжении силовая установка климатической станции. Поражение током высокого напряжения гибельно как для киборгов, так и для андроидов. Не станем связываться со взломом систем. Захватим оружие, экипировку и выманим оставшихся киборгов с корабля.

– Каким образом?

– Это технический вопрос. Не забивай себе голову. Прежде чем начнем, мне нужны лучшие стрелки, настоящие снайперы.

– Ну, это как раз не проблема. На Варле плохой стрелок долго не живет, – усмехнулся Ульрих. – А ты нормальный мужик, адмирал. Серьезно.

«Райский остров» Посадочная площадка в секторе адаптации

– Ничего не вижу!.. – Хорс отвернулся. В глазах рябило от бликов. Если смотреть из зарослей, то посадочная площадка сливалась с океаном, яркое солнце не позволяло разглядеть космический корабль в деталях. – Без кибермодулей имплантов мы как слепые котята, – с досадой заключил он.

Огюст, увешанный самодельным оборудованием, промычал в ответ что-то невнятное. От довольно громоздких устройств, собранных из деталей древнего колониального оборудования, к гнезду височного импланта Огюста тянулись провода и оптические кабели, прикрепленные к одежде грубыми стежками мягкой проволоки.

– Не мешай…

– Ты что-нибудь видишь? – не унимался Хорс. Он нервничал, заточенный металлический прут служил скверной заменой оружию, и потому варлиец чувствовал себя крайне неуютно. К тому же он не понимал, как при помощи кустарных приспособлений перехватить контроль над системами войскового транспорта? У Огюста даже примитивного нанокомпа нет. Тот кибстек, что нашли в помещении поста контроля климатической станции, оказался сломанным, непригодным для использования.

– Заткнись и приготовься действовать!.. – просипел компьютерный техник.

– Ты сумасшедший, как и этот адмирал!

– Есть немного… – согласился Огюст. Было совершенно непонятно, отвечает он машинально или все-таки слушает Хорса. Его круглое полноватое лицо покрылось бисеринками пота, он зажмурился, беззвучно шевеля губами в такт течению своих мыслей.

– Есть частота связи! – наконец вслух произнес он. – Зафиксировал…

Хорс лишь покачал головой, выражая сомнение, но Огюст не обращал внимания на реакции напарника. Он сидел, привалившись спиной к прочному сплетению ветвей кустарника. Пальцы компьютерного техника постоянно находились в слепом движении – он касался сенсоров на самодельной панели ввода, не открывая глаз, лишь изредка нервно сглатывал да потел все обильнее – теперь соленые капли текли по щекам, срывались с подбородка.

– Давай, Хорс, покажись им!..

Варлиец обреченно вздохнул, отползая назад. Отступать поздно. Ввязался на свою голову в чистой воды авантюру… Ну, да что теперь?

Он углубился в заросли, затем, выбравшись на звериную тропу, прошел метров на пятьдесят к западу и только после этого приступил к выполнению порученного ему рискованного задания.

Крепко сжимая во вспотевшей ладони металлический прут, он показался на границе кустарника и направился прямиком к посадочной площадке. Стеклобетонная плита не имела даже символического ограждения, подойти к кораблю в принципе мог каждый, но вот чем это обернется – неизвестно.

Несмотря на жару, по спине Хорса ползли мурашки.

* * *

Накануне между адмиралом Рокотовым и Огюстом состоялся короткий разговор.

Пробравшись в помещения энергостанции, они обнаружили достаточно древнюю модель компактного ядерного реактора.

Игорь Владимирович скользнул взглядом по аппаратуре, контролирующей энергоблок, затем вопросительно посмотрел на компьютерного техника.

– Ничего сложного, – ответил тот на немой вопрос. – Модель ХНТ-234. Такие устанавливались на первых серв-машинах Альянса.

– Воевал? – удивился Рокотов.

– А что, выгляжу молодо? – усмехнулся Огюст. – Меня пятнадцатилетним пацаном в лейтенанты произвели. Командовал взводом технической поддержки.

– Проходил нейрокоррекцию?

– А как же? Без курса мнемотехнического обучения в армию не берут.

– Сервами командовал?

Огюст кивнул.

– Это хорошо. Но вот в чем проблема – допустим, с системой войскового транспорта ты справишься, а вот как быть с киборгами? Они ведь колониальная модель, к тому же секретная. Тех, кто отправится проверять оборудование связи, мы ликвидируем. Но останется внутренний караул, охраняющий корабль. Если не выманить их наружу, наш план не сработает.

Огюст задумался, но ненадолго. В свою бытность на Варле ему постоянно приходилось иметь дело с различными образцами боевых машин, принадлежащих к суммам технологий Земного Альянса и

Свободных Колоний. Работал он и с древней колониальной техникой.

– Мне потребуется сканер частот связи, парочка внешних запоминающих устройств и специализированный анализатор.

– Собираешься перехватить и проанализировать управляющие сигналы?

– Ну а как иначе?

– Потребуется мощная экспертная кибернетическая система. – Рокотов насупился, наблюдая за реакцией варлийца.

Огюст выразительно постучал себя пальцем по лбу.

– Вот мой персональный компьютер, – усмехнулся он. – Подключу внешние устройства к гнезду импланта. Справлюсь, не в первый раз. Что бы там ни говорили, а человеческий мозг – лучший нейрокомпьютер во Вселенной. Особенно если его постоянно тренировать.

– Ладно. Допустим, у тебя есть опыт. Верю. Что такое нейрокоррекция, я знаю. Но команды, управляющие киборгами…

– Адмирал, вы сейчас спрашиваете серьезно? Или экзаменуете меня?

Рокотов промолчал, ожидая ответа.

– Хорошо, пусть будет экзамен, – развел руками Огюст. – Всем известно, что Альянс и Колонии использовали разные системы программирования. В условиях войны это понятно и даже необходимо. Но в последнее десятилетие мы столкнулись с проблемой несовместимости программного обеспечения при гибридном использовании техники, и тут железно работает рациональное правило: более простая система адаптируется под сложную.

– И чем это поможет нам?

– Космический корабль несравненно сложнее, чем киборг. Искусственные интеллекты используют войсковые транспорты Земного Альянса. Подумайте, есть ли смысл переделывать десятки тысяч подсистем «Элизабет-Альфы»? Не проще ли инсталлировать киборгу перечень стандартных команд для эффективного взаимодействия с кораблем?

– Действительно, логично, – с усмешкой согласился адмирал.

– Как будто вы сами этого не знали, – с обидой в голосе произнес Огюст. – Конечно, перехватить управление киборгами я не смогу. Но отсканировать частоту связи и распознать команды, передаваемые системой войскового транспорта, в принципе не проблема. Устройства можно собрать тут, из разных комплектующих. Еще мне потребуется помощник не из робких ребят. Остальное – дело времени и техники…

Сейчас рассудок Огюста полностью сосредоточился на приеме и анализе данных.

Определив частоту связи, он мысленно усмехнулся. Рационализм искусственных интеллектов – их слабое звено. Они не стали затруднять себя написанием нового программного обеспечения, а использовали резервное из стандартного коммуникационного набора «Элизабет-Альфы».

Он не видел, как Хорс, нервно поигрывая самодельной монтировкой, вышел из кустарника и направился к кораблю, зато на частоте связи мгновенно прошел сигнал, переданный со сканеров войскового транспорта в систему распознавания целей, а от нее к оставшимся на борту киборгам: «Внимание, опасность!»

Учитывая, что все вооружение космического корабля было демонтировано, у охранников не оставалось никаких вариантов действий, кроме как выйти наружу и устранить возникшую проблему.

Через пару секунд Огюст четко зафиксировал команду, отпирающую люк корабля.

«Ну, малыш, мы с тобой точно подружимся…» – промелькнула у него торжествующая мысль. Командные коды, которыми воспользовались киборги, чтобы пройти через шлюз, относились к резервному коммуникационному комплекту, теперь в этом уже не оставалось сомнений.

Хорс едва ступил на источающую зной стеклобетонную плиту, как внешний люк главного шлюза «Элизабет-Альфы» скользнул в сторону. Не дожидаясь, пока выдвинется короткий трап, на раскаленный бетон посадочной площадки спрыгнули шестеро киборгов, вооруженных импульсными винтовками.

Варлиец остановился.

Пятеро бойцов тут же рассредоточились, занимая позиции, контролируя прилегающую к кораблю местность, шестой направился к нарушителю.

– Сэр, вы, вероятно, заблудились. – Электромагнитный компенсатор оружия больно вдавился в кожу на лбу Хорса. – Бросьте металлический предмет.

Пальцы разжались, прут с заточенным острием жалобно звякнул о бетон.

– У вас десять секунд, чтобы покинуть запретную зону!

Хорс развернулся и что есть сил припустил прочь.

Спина взмокла, он ожидал выстрела, но, похоже, уложился в отпущенный киборгом норматив.

Огюст шумно облегченно выдохнул.

Второй раз киборгов на такую уловку не поймаешь. Их нейросети обучаются при возникновении любой неординарной ситуации. Теперь, если

к кораблю приблизится кто-то из обитателей острова, наружу в лучшем случае выйдет один или двое бойцов.

«Но я уже знаю, как открыть доступ внутрь корабля. К тому же команда «Внимание, опасность!» должна сработать, если в поле зрения сканеров не окажется «знакомой» цели».

Сбоку зашелестели ветви кустарника.

Хорс возвращался. Сейчас обязательно обматерит.

«По большому счету теперь все решает группа адмирала Рокотова, – подумал Огюст. – Если они не сумеют раздобыть оружие, никакие манипуляции с системой войскового транспорта не помогут».

Глава 8

В июне 2650 года четыре эскадры, перебазированные из Форта Стеллар на космические базы систем Элио, Кьюига и Кассии, осуществили серию совместных маневров в секторах Периферии. Первой в дальний поход выступила Кассианская эскадра под командованием адмирала Рокотова, позже к ней присоединились силы Кьюига, финалом совместного патрулирования опасных областей пространства стал выход в дальний космос двух Элианских эскадр под личным командованием адмирала Вербицкого.

Как заявил Антон Эдуардович, силами четырех эскадр были успешно картографированы ранее не исследованные секторы космоса.

Ежемесячное обозрение «Все Миры»,

июль 2650 года.

Правду о первом дальнем походе эскадр Элио, Кьюига и Кассии от нас тщательно скрывают.

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Дополнение к изданию 2655 года.

Периферия. Эскадра адмирала Шайгалова

Третьи сутки поиска.

Двадцать четыре гиперсферных прыжка, совершенных крейсерами и фрегатами, около сотни – осуществленных силами мобильных разведывательных групп, состоящих из малых кораблей.

Сто четыре разведанные звездные системы, пять мелких стычек с остаточными подразделениями Альянса. Личный состав на пределе усталости.

Результат по эскадре Рокотова – нулевой.

Напряжение возрастает с каждым часом, пилоты аэрокосмических истребителей и экипажи корветов измотаны – как только эскадра входит в границы очередной звездной системы, они тут же уходят в прыжок, следуя вдоль линий напряженности гиперсферы к соседним звездам.

Сканирование, возвращение, короткий отдых, дозаправка и новый прыжок эскадры.

Адмирал Шайгалов устало помассировал веки.

«Ищем иголку в стогу сена, – подумалось ему. – Все перспективные варианты уже отработаны, в следующей точке всплытия необходимо принимать решение – куда прокладывать курс?»

Его мысли нарушил внезапный доклад:

– Получаем данные по экстренному каналу гиперсферной частоты!

Дежурный офицер поста связи произвел необходимые операции, затем обернулся:

– Господин адмирал, дешифрованные данные на вашем терминале.

– Спасибо, Джон. – Шайгалов развернулся вместе с креслом. Аппаратура боевого мостика тесно обступала со всех сторон, но Иван Дмитриевич прекрасно ориентировался среди сложных компьютерных комплексов главного поста управления флагманского крейсера.

Пробежав взглядом по строкам сообщения, Шайгалов ничем не выдал внезапного волнения, хотя понял: трое суток агрессивного изматывающего поиска не пропали зря. Просмотрев данные перехвата, он почувствовал – это ловушка. Силы, хозяйничающие в карантинных секторах Периферии, дали о себе знать. Появление Кьюиганской эскадры кому-то сильно усложнило жизнь, заставив действовать…

В первый момент мысли не сосредоточились на возникшей проблеме, а, напротив, как будто бы прыснули в стороны – внезапно вспомнилась

Афина, калейдоскопом дорогих для сердца картин промелькнули годы счастливой спокойной жизни, мысли о жене и сыне выступили на первый план сознания, он представил, как выходят они на берег лазурного океана и…

Чувства отхлынули, кровь отлила от лица, пришла сосредоточенность, словно дорогие, тщательно хранимые в душе образы мгновенно мобилизовали сознание.

– По эскадре – боевая тревога! – Слова приказа прозвучали сухо, отрывисто.

Он снова взглянул на данные, полученные от комплекса внепространственной связи.

Подчиняясь мысленному приказу, заработал дополнительный голографический монитор. Тактическая подсистема крейсера мгновенно визуализировала данные обстановки: скопление зеленых маркеров обозначало корабли эскадры, приближающиеся к узловой точке, отмечающей очередную звездную систему, запланированную для выхода кораблей в метрику привычного для человека космоса. Тридцать семь горизонтальных линий напряженности гиперсферы сходились воедино, создавая один из миллиардов узелков сложной гиперпространственной навигационной сети.

Получается, что сигнал, принятый бортовой станцией ГЧ, с равной долей вероятности мог исходить из тридцати семи звездных систем, расстояние до которых варьировалось от четырех с половиной до одиннадцати световых лет.

Разобраться в происходящем помогла дешифровка сообщения, содержащего не только код, идентичный древнему сигналу «SOS», но и минимальный набор уточняющих данных. Такой формат передачи использовался боевыми единицами Флота Колоний.

Через минуту стало понятно: сигнал бедствия исходит из звездной системы, удаленной на семь с половиной световых лет. Код подразделения соответствовал разведывательному звену аэрокосмических истребителей капитана Кречетова. Мгновенная проверка показала, что три истребителя действительно должны находиться в указанном секторе пространства.

«Веду бой».

Лаконизм условного символа связи, не поясняющий, с каким именно противником столкнулось звено, находящееся в режиме автономного поиска, требовал от адмирала принятия мгновенного, но в то же время тщательно взвешенного решения.

Почему истребители не ушли в гиперсферу? Повреждены двигатели

одной или всех машин? По личному опыту Шайгалов знал: в любом космическом бою первой целью становятся секции гиперпривода. Крупный ли корабль, истребитель, штурмовик – не важно. Машина, лишенная возможности покинуть звездную систему, обречена.

Значит, цель изначально показалась пилотам соразмерной. Иначе они бы уклонились от боя. Вывод: одного корвета в сопровождении звена АКИ достаточно для оказания помощи.

Анализ ситуации занял у адмирала несколько секунд, он делал очевидные и, как ему казалось, безошибочные выводы из скупых условных символов принятого сообщения.

«Если только нас не заманивают в ловушку».

Мгновенный поиск по базам данных.

Звено капитана Кречетова. Связь потеряна пять суток назад. Либо сообщение блуждает по линиям гиперсферы, либо…

«Ловушка. Нас заманивают в определенную точку пространства. Искажений линий напряженности нет, значит, сообщение, отправленное капитаном Кречетовым, не могло блуждать».

– Внимание вахтенным офицерам. Приказ по эскадре – покидаем гиперсферу в запланированной навигационной точке! Максимальный уровень боевой готовности. АРК[29] в режим «граница»! Капитанам кораблей доложить готовность!

Фразы, срывавшиеся с губ Шайгалова, звучали несколько архаично, за период войны большинство старших офицеров привыкли работать с мнемоническими интерфейсами, перекладывая передачу и исполнение подобных «рутинных» операций на плечи боевых кибернетических систем, но теперь порядки во флоте изменились, и это к лучшему, по крайней мере в данном вопросе Шайгалов был полностью солидарен с Вербицким. Хватит уже. Ситуация и так дошла до грани абсурда – люди достаточно долго являлись лишь статистами в титанических битвах машин, теряя не только боевые навыки, но и чувство человеческого достоинства, опасаясь своими приказами вмешиваться в работу автоматических систем, которые «все делают правильно».

– Дымов! – Адмирал переключился на закрытый канал связи.

– Слушаю.

– Готовь фрегат к прыжку по координатам. Данные тебе передадут немедленно. Три истребителя из автономной разведывательной группы послали сигнал бедствия. Я думаю – это ловушка.

– Принял.

– Жди сигнала на старт.

Эскадра покинула гиперсферу.

Мрак космоса озарила бледная вспышка.

Несколько секунд чернь пространства прорезали тонкие напряженные энергетические разряды, протянувшиеся на тысячи километров, затем из области деформации метрики пространства один за другим начали возникать призраки: первым возник зыбкий, прозрачный, местами искаженный оптический фантом флагманского крейсера «Ахилл», вслед за ним стремительно материализовалась цепь фрегатов, идущих в построении прикрытия флагмана; крейсеры «Гектор» и «Приам» появились на краю разрыва метрики, занимая позиции на флангах, сверху и снизу, замыкая пространственное построение, двигались корветы, аэрокосмические истребители ворвались в систему безымянной звезды минутой ранее, – незримые, замкнутые в коконах защитных и маскирующих полей, они, действуя в режиме «граница», обеспечивали контроль зоны гиперсферного всплытия эскадры.

Последней, в глубине построения, отставая от основных ударных единиц, материализовалась группа из трех технических платформ.

– Пума-1, флагману. В зоне ответственности чисто. Пространственных минных полей, энергетических матриц искусственных объектов не зафиксировано.

– Пума-2, подтверждаю.

– Пума-3, все чисто!

Легкий толчок, едва ощутимый на боевом мостике, возвестил об отстреле разведывательных зондов.

Устремившиеся к трем планетам системы беспилотные аппараты тут же включились в развернутую истребителями сеть наномашин, транслируя данные текущей тактической обстановки.

Эскадра, завершив гиперпереход, начала боевое маневрирование, выстраивая оборонительный ордер.

Платформы, обладающие мощными средствами ПКО, ушли ниже плоскости эклиптики. «Ахилл» занял позицию в центре, на удалении в десять тысяч километров, по флангам в плоскости полета флагмана двигались ведомые крейсера, фрегаты, разделившись на две группы, образовали построение в верхней и нижней полусферах. Корветы и дежурные звенья истребителей вышли на позицию дальнего патрулирования, двигаясь пересекающимися курсами, – их траектории замыкали эскадру в незримую сферу.

Полторы минуты потребовалось для окончательного сбора и

уточнения информации, поступающей от сети наномашин, разведывательных зондов и комплексов дальнего обнаружения, установленных на корветах.

Адмирал Шайгалов дожидался, когда тактическая схема пополнится последними маркерами.

Чисто.

– Дымов!

– «Артемида» на связи, координаты принял, к прыжку готов!

– Твой выход, Глеб. Чувствую – со звеном Кречетова все не так просто. Кому-то мы наступаем на пятки. Действуем, как договорились. Держи канал гиперсферных частот открытым.

– Принял. – Ответ Дымова прозвучал напряженно. – Ждите моего доклада, адмирал.

Через минуту призрачная вспышка гиперперехода поглотила отделившийся от построения эскадры фрегат.

Планета Фобос. «Райский остров» Зона посадки транспортного корабля…

В грузовом отсеке «Элизабет-Альфы» царила тьма. Освещение не работало, системы жизнеобеспечения тоже.

– Ну, командир, что теперь? – Стилмайер взглянул на Кречетова.

Перелет, вопреки ожиданию, оказался слишком коротким. Не было погружения в гиперсферу, режим перегрузок ясно указывал, что войсковой транспорт совершил атмосферный полет и приземлился где-то в другом регионе планеты.

Гул и вибрации, передающиеся по корпусу, давали понять, главный шлюз корабля открывался трижды.

Иван находился не в лучшем расположении духа. Прежний план по захвату «Элизабет-Альфы» теперь неосуществим. Только Кирсанов обладал нужными навыками, а он мертв.

– Нам удалось покинуть колониальный форт…

– И что? Будем сидеть тут, как в мышеловке? Пока транспорт не отправится назад?

– Дима, полегче. Никто не собирается сидеть сложа руки. Попробуем открыть грузовую аппарель.

– И поднимем тревогу?

– Никакой тревоги не будет. Транспорт старый, здесь есть ручное управление погрузочными механизмами. Имитируем поломку, кто-нибудь придет проверить, в чем дело. А там уже сориентируемся.

– Ну, попытаться стоит. Не век же тут сидеть взаперти.

Открыть аппарель удалось не сразу. Ручное управление оказалось заблокированным, но выручили автономные погрузчики, припаркованные в отсеке. Один из них сумели запустить в режиме ручных команд.

– Саша, отслеживай частоты связи. – Кречетов отдал команду, и механизм медленно пополз к аппарели. – Сейчас он пошлет запрос.

– Есть. Частоту зафиксировал, запрос стандартный из резервного коммуникационного набора.

– Отклик?

– Отрицательный. Похоже, сейчас у нас будут гости!

– Ну, хоть что-то! – выдохнул Стилмайер, занимая позицию.

Устройство стандартного войскового транспорта было известно каждому пилоту. В кормовой отсек вел только один коридор,

магистральный, являющийся основным.

– Я загрузил в коммуникатор резервный набор коммуникационных кодов. – Мещеренков заметно нервничал. – Один раз должно сработать.

Стилмайер вопросительно взглянул на командира:

– Прорываемся к рубке?

Иного выхода Иван не видел.

– Работаем на поражение! Двигаемся к отсеку управления.

– Датчики внутренних систем все равно зафиксируют стрельбу и заблокируют доступ, – откликнулся Мещеренков.

– Тогда покинем корабль через аварийные шлюзы, – отрезал Кречетов.

Люк грузового отсека дрогнул и начал открываться.

На пороге возникли две фигуры в боевой экипировке. Киборги! Оружие они держали наготове, двигались осторожно, прикрывая друг друга, но в тамбуре внутреннего шлюза оба боевика очутились в совершенно невыгодной позиции.

– Огонь!

Две короткие очереди разорвали тьму грузового отсека.

Киборги не успели отреагировать, выстрелы Кречетова и Стилмайера оказались точными, лишь грохот от работы «АРГ-8» эхом прокатился по коридору.

– Вперед!

Оба люка заблокировали тела киборгов, автоматика не сработала, датчики, обнаружив препятствия, подали сигнал, и процедура экстренной герметизации была приостановлена.

Трое пилотов успели выскочить в магистральный коридор.

Дверь ближайшего грузо-пассажирского отсека открывалась – там, скорее всего, располагался внутренний караул, и Кречетов, не раздумывая, метнул в помещение гранату.

– В темпе! Саша, к рубке, Дима, прикрывай тыл!

Они стремительно преодолели опасный участок, взрыв выплеснул пламя уже за их спинами. Ни одного вскрика не раздалось из отсека, Стилмайер, пятившийся вслед за командиром, держал под прицелом пройденный отрезок коридора, и не напрасно – один из киборгов все же сумел выбраться, припал на колено, и тут же очередь из «АРГ-8» отшвырнула его назад.

В магистральном коридоре сработала автоматическая система пожаротушения, вспыхнул зловещий аварийный свет, начали опускаться переборки, но многотонные плиты не сегментировали корабль, – их движение остановилось на половине хода.

– Отменил! – Мещеренков, двигавшийся впереди, успел транслировать аварийный код блокировки экстренного действия.

– Дима, контролируй частоты планетарной связи!

– Есть! Фиксирую! Пока тихо, передача не ведется!

Двери в ходовую рубку были заперты.

– Если внутри киборги, автоматика не примет код!

– Пробуй!

– Пытаюсь. Не работает!

– Дима?

– Все тихо. Передатчики молчат. Постой, фиксирую непонятный сигнал. На канале резервных частот связи!

– Где источник?

– Вне корабля! Кто-то пытается открыть главный шлюз!

– Занимаем позиции! Саша, попытайся вскрыть рубку! Мы справимся сами!

* * *

Огюст и Хорс, затаившиеся в зарослях кустарника, наблюдали за кораблем в ожидании группы Рокотова.

Варлиец нервничал, но Огюст, занятый делом, не замечал нервозного поведения напарника. Он сканировал частоты связи, мысленно готовился к предстоящему поединку с кибернетической системой войскового транспорта, вновь и вновь прокручивая в голове очередности командных последовательностей, как вдруг…

Огюст вздрогнул.

– Хорс, проблемы! – сипло выдавил он.

– В чем дело?

– Кто-то пытается открыть грузовую аппарель!

– Ну и что? – не понял варлиец. – Киборги какое-нибудь оборудование, наверное, выгружать собрались.

– Зачем? Если наши в горах отработали чисто? Да и запросов по связи я не фиксировал…

В этот миг корабль вздрогнул.

– Проклятье! Там внутри стрельба! – Огюст мгновенно соединился с внутренними сканерами транспорта, используя резервный коммуникационный канал. – Задымление. Плохо вижу… Тут произошел взрыв… Труп киборга. Еще один!.. Точно говорю: граната рванула! Система безопасности подвисла! Кто-то блокировал процедуру аварийной сегментации главного коридора и сейчас пытается взломать систему

доступа в рубку!

Хорс смотрел на Огюста с долей подозрения. Провода, идущие прямо в мозг компьютерного техника, не казались ему нормальным дополнением к человеческому рассудку. Может, он что-нибудь не так подключил и теперь спятил? Какой взрыв? Сидит, разговаривает сам с собой, глаза закрыты, несет всякий бред!..

– Хорс, ты должен пойти проверить!

– Что проверить? Там киборги! Я опять с железным прутом на них полезу?!

– Кто-то пытается захватить корабль! Но они используют неправильный код разблокировки рубки!

– Мы при чем?

– Заткнись! Нужно проверить, кто перебил киборгов на борту! Я через систему внутренних датчиков почти ничего не вижу! Похожи на людей, но из-за экипировки точно не определить, кто они на самом деле!

– Так что мне делать?!

– Давай к кораблю! Я дистанционно открою главный шлюз!

«Райский остров» На подступах к климатической станции…

– Они идут! – Ульрих подался назад, отполз чуть ниже, пристроился рядом с адмиралом Рокотовым, который держал руку на самодельном рубильнике, подключенном к системе ловушки, сконструированной Огюстом.

– Вижу.

По узкой горной тропе двигались три технических серва и четверо андроидов. Их сопровождала группа из пяти киборгов.

«Только бы сработало…» – мысленно молил Ульрих.

Для варлийца понимать, что он безоружен, то же самое, что ощущать себя голым.

Ловушка казалась ему слишком сложной, но адмирал был непреклонен. Вместо того чтобы поразить врага разрядами высокого напряжения, Рокотов настоял на применении электромагнитного импульса. С одной стороны, он прав: экипировка и оружие киборгов не должны получить явных повреждений, иначе весь маскарад обернется бессмысленным фарсом. Но если размышлять здраво, где гарантия, что изготовленный кустарным способом генератор ЭМИ выдаст нужную мощность, отработает адекватно? Энергии со станции хватит с избытком, но, если уцелеет хотя бы один киборг, варлийцам, что ринутся в атаку вслед за ударом импульса, не поздоровится.

– Прошли первую отметку!..

– Вижу, – так же сухо и односложно ответил адмирал. – Следи, скажешь, когда сервы дойдут до второй отметки.

Расчет действительно был сложным. Импульсные винтовки надежно защищены от электромагнитных ударов. Андроидов и сервов вырубит точно, а вот пострадают ли киборги – неизвестно. О них вообще нет никаких технических сведений. На всякий случай неподалеку от тропы затаилась группа бойцов. Они, воспользовавшись замешательством противника, нападут сразу же, попытаются в рукопашном бою одолеть искусственных солдат.

Все очень зыбко…

– Вторая отметка!

Рука адмирала перекинула рукоятку рубильника.

В первый миг казалось, что ничего не происходит, затем корпуса

андроидов и сервов внезапно сыпанули фонтанами искр, – внутри машин сгорали и взрывались электронные блоки, между отвесными скалами одновременно с появлением изломанных фиолетовых разрядов оглушительно ударил гром – такого эффекта не ожидал никто.

Киборги отреагировали мгновенно, они попытались занять оборонительную позицию, вскидывая оружие, но секунду спустя, когда люди еще не опомнились от внезапного удара ветвистых молний, темные фигуры, закованные в броню колониальных пехотинцев, внезапно без видимых эффектов вдруг начали падать.

Рокотов резким движением выключил генератор.

Ульриха рядом не было. Он уже спускался вниз, к тропе, на которую выскочили его бойцы.

Спустя пять минут Рокотов присоединился к варлийцам.

В теснине между скалами смешивались резкие запахи. Пахло озоном, раскаленным металлом, перегретым кремнием и горелой плотью.

– Что с ними? – Адмирал подошел к одному из пяти киборгов.

– Мозги взорвались, – ответил Рогман, переворачивая тело.

Зрелище не для слабонервных. Чипы искусственных нейросетей, не выдержавшие удар электромагнитного импульса, располагались в черепной коробке кибернетических организмов. Кровь сочилась из-под лицевых проекционных щитков шлемов БСК.

– Собрать оружие, вычистить экипировку, – приказал адмирал. – Выходим по готовности. – Он оглянулся. – Ульрих, командуй, я сейчас вернусь.

Ольга ожидала его за поворотом тропы.

– Как?

Он обнял ее.

– Порядок.

– Игорь, я пойду с тобой.

– Нет. Ты останешься на острове и будешь ждать моего возвращения.

– Ну почему?

– Не обсуждается. – Игорь Владимирович заглянул ей в глаза. – Так надо, Оленька. Да, я знаю, что ты хочешь сказать. Помню, как ты управляла моим «Беркутом», как шла в бой. Но не сегодня. Прошу.

Она поняла – спорить бессмысленно.

– Я буду ждать. Но ты хоть весточку дай…

Рокотов кивнул. Говорить было сложно. Трудно подбирать слова, когда они не нужны.

– Я вернусь. Обещаю.

Он развернулся и зашагал вниз по тропе.

«Райский остров». Побережье…

Шлюз открылся.

Хорс нервно сглотнул.

Два ствола, направленных в голову и грудь, оптимизма не внушали.

– Э… господа киборги… – Он перехватил поудобнее металлический прут, готовясь всадить его в зазор уплотнителя между шейным кольцом и шлемом тому из противников, что находился справа. – Я тут спросить хотел…

– Хватит ломать комедию! Кто такой?

– В смысле местный…

Киборг поднял проекционное забрало шлема. Его лицо выглядело усталым, осунувшимся.

– Ты, мужик, свою железку убери! – негромко предупредил он. – Не нарывайся. Говори толком, кто такой?

– Так ты не киборг? – удивлению Хорса не было границ.

– Командир, давай…

– Отставить! Держи его на прицеле. – Кречетов не спускал глаз со странного, отчаянного мужика. – Кто открыл шлюз?

– Ну, есть тут один… Компьютерный гений, в общем. – Хорс решил рискнуть, проведя незамысловатую проверку. – Он говорит, что вы неправильный код доступа используете.

– Ну и где твой «гений»?

– Э, нет. Не скажу. Вы не представились.

– Капитан Кречетов, мобильная разведгруппа второй Элианской эскадры. Где мы находимся?

– Это остров. Сюда андроиды отправляют пленных.

– Ясно. Зачем подле корабля бродите?

Хорс насупился.

– Мы его захватываем, – вырвалось у него.

– Даже так? И кто командует? Твой компьютерный гений? Он в кустах прячется?

Ситуация складывалась тупиковая. Время уходило, а обе стороны не доверяли друг другу, имея на то все основания.

«Ладно… – подумал Хорс, – если они киборги, хуже все равно не будет. Один фрайг – пристрелят. А так, может, смогу их выманить из корабля».

– Адмирал Рокотов командует.

– Игорь Владимирович?! Он тут?!

Реакция слишком эмоциональная для киборга.

Хорс кивнул, продолжая напряженно наблюдать.

– Ладно. Поверю. – Кречетов опустил оружие. – Киборгов мы перебили. Давай, бегом к своему компьютерному кудеснику, пусть разблокирует рубку!

– Я мигом! – хищно усмехнулся Хорс.

Группа адмирала Рокотова появилась на побережье через час.

Ульрих остановился на границе кустарника.

– Ничего не понимаю. Адмирал, взгляни.

Игорь Владимирович задействовал сканеры трофейной экипировки.

Шлюз транспортного корабля был открыт. На бетонной плите рядком уложены тела киборгов. Хорс сидел на ступеньке выдвижного трапа, настороженно поглядывая по сторонам. Рядом стоял военный в экипировке пилота.

– Похоже, тут каким-то чудом справились без нас.

– Капитан, представьтесь! – Рокотов поднял забрало боевого шлема.

Пилот несколько секунд изучающе разглядывал Игоря Владимировича, затем в его глазах проскользнуло радостное облегчение.

– Господин адмирал, командир мобильной разведывательной группы капитан Кречетов! Мы искали вашу эскадру.

– Нашли?

– Нет. Обнаружили базу флота Альянса в этой системе. Были атакованы киборгами. Машины потеряли. Мои пилоты сумели скрыться, отправили сообщение в штаб Элианской эскадры. Я был захвачен в плен, бежал.

– Давно отправлено сообщение?

– Да двое суток уже.

– Странно, что до сих пор тут нет флота. Ладно. Разберемся. Корабль, я понимаю, захвачен?

Кречетов кивнул.

– Систему связи заблокировали, сигнал о захвате корабля не прошел.

– Тогда не будем терять время. Есть сведения о точке дисклокации базы противника?

– Древний колониальный форт. Транспортный корабль стартовал оттуда.

– Сумеешь провести его назад?

– Конечно, – ответил Кречетов. – Но там сосредоточены серьезные силы.

Адмирал на миг задумался.

– Начнем с облета острова. Где-то должны содержать личный состав эскадры. Как я подозреваю, моя копия натворила дел?

– Так точно. Эскадра вышла на патрулирование секторов Периферии и исчезла.

Рокотов обернулся, подозвал Ульриха.

– Экипируй бойцов.

– Будем штурмовать колониальный форт? – сощурился варлиец.

– Начнем с облета острова. Если не обнаружим личный состав моей пропавшей эскадры, идем к форту, совершаем посадку в штатном режиме. Скрытно проникаем в бункерную зону. Одна подготовленная диверсионная группа порой стоит целого флота. Есть возражения?

– Нет. Схватим за глотку этого Дейвида – решим проблему раз и навсегда. – Ульрих оскалился. – Я с тобой, адмирал. Командуй.

Пространство гиперсферы Борт фрегата «Артемида»…

– Внимание на боевых постах! Переход в режим «граница»[30] через минуту тридцать секунд!

Голос капитана Дымова звучал спокойно, хотя внутри все стыло в напряжении – он чувствовал, схватки не избежать. Интуиции Глеб верил. Она никогда не подводила его. Если в груди стынет ледяной комок, значит, грядет смертельная опасность.

– Зондам – готовность! – Он унял ноющий холод, не дал ощущению неизбежности проникнуть в рассудок. – Истребителям прикрытия ждать команды!

– Командир, связь на гиперсферных частотах! Экстренный вызов! Адмирал Шайгалов!

– Переключить на мой имплант!

Как не вовремя!

Голос адмирала возник в рассудке. Вокруг Глеба автоматически сгустилось поле, препятствующее прослушиванию передачи данных.

– Дымов?

– На связи! Адмирал, у меня режим «граница»!

– Отмени! Уводи фрегат!

– В чем дело?!

– На связь вышел один из пропавших пилотов истребителей! Он использовал станцию ГЧ древнего колониального транспорта. В системе обнаружена база резервного флота Альянса!

– Вы прослушиваете частоты колониальных транспортов? – Вопрос подразумевал, что передача является ловушкой, частью какого-то плана противника. Дымов разбирался в технике и понимал: древний узел ГЧ-связи не способен осуществить передачу на используемых в современности частотах.

– Передача была принята станцией боевого терраформирования «Эдем» и ретранслирована в систему Элио.

Ника…

Мысль ударила, мгновенно оглушив.

Несколько секунд на принятие решения.

– Адмирал, Ника пропала! – напомнил он Шайгалову.

– Она ретранслировала передачу. Это точно. Задержка в получении

данных произошла по вине особого отдела Флота. СБТ «Эдем» не входит в список доверенных абонентов. Они потеряли время, перепроверяя источник.

Дымов оценил ситуацию:

– База Альянса на консервации?

– Не выяснено. Пилоты не рискнули сканировать стартовые сегменты.

– Точнее, адмирал!

– Шестая планета, Глеб. На второй, судя по всему, обосновались колониальные искусственные интеллекты.

Теперь ситуация читалась достаточно ясно. База Альянса действующая, и Дейвид прикрылся ею, как щитом. Логичный шаг с его стороны. Появление кораблей Флота Колоний неизбежно пробудит автоматику роботизированных соединений прародины, произойдет взаимоуничтожающая битва, победителями из которой выйдут древние колониальные «ИИ».

Секунды уносились, становясь прошлым.

– Применение установки «Свет»?

– Недопустимо. Вторая планета обладает биосферой, на ней обнаружены поселения деградировавших потомков колонистов с транспорта «Фобос». К тому же есть основания полагать, что адмирал Рокотов и личный состав пропавшей эскадры содержатся там.

Глеб продолжал перебирать варианты.

Тупик? Патовая ситуация? Но переговоры с Дейвидом ни к чему не приведут. Он ступил на тропу войны и слишком далеко зашел в реализации своих замыслов. Но атака на базу флота Альянса лежит за гранью возможностей фрегата. Тут и эскадра фактически бессильна.

Тупик?..

– Адмирал, у меня энергоресурс на исходе. Вызывайте обе Элианские эскадры.

Шайгалов опешил.

– Там база Альянса, Глеб! Опомнись! Прекрати процедуру всплытия!..

– Поздно, адмирал. Зонды ушли. Их обнаружат. Если я сейчас уведу фрегат, искусственные интеллекты поймут, что их точка базирования раскрыта. Они передислоцируются. И мы никогда не отыщем эскадру Рокотова!

– Глеб, они прикрыты базой Альянса, как щитом!

– Я понимаю. Но другого шанса не будет. Подтягивайте эскадры! Мы дадим возможность кораблям выйти из гиперсферы и развернуть боевое построение! Конец связи!

– Тебя уничтожат!

Ответом Шайгалову послужила тишина.

«Артемида» вышла из зоны связи.

…Мрак пространства озарила бледная вспышка.

Зонды, отработавшие в режиме «граница», передали на борт «Артемиды» достаточно данных для принятия взвешенного решения.

Фрегат вышел из гиперсферы в энергетически невыгодной точке всплытия, следуя заранее рассчитанным курсом атаки, – огромный корабль материализовался на высоких орбитах шестой планеты и тут же озарился множеством вспышек. Одновременно отработали стартовые катапульты, спустя мгновение разрядились ракетные шахты, три тяжелых генератора плазмы, – один, занимающий носовую часть «Артемиды», и еще два, расположенных на состыкованных с фрегатом артиллерийских платформах, пока молчали, готовые к залпу.

Двадцать истребителей прикрытия ускорились, каждая пара боевых машин вышла на свою орбиту, они двигались в режиме боевого сканирования, передавая тактическим подсистемам фрегата подробные данные, с каждой секундой охватывая все большие площади, выявляя все новые и новые искусственно созданные сооружения, замаскированные под фон естественного рельефа.

Доклады с боевых постов шли нескончаемым потоком.

– Пятнадцать секунд с момента гиперперехода!

– Истребители на заданных орбитах!

– Есть разделение боевых частей «Пираний»! Боеголовки в режиме поиска целей!

– Локальная сеть наномашин сформирована!

– Множественные очаги нарастающей энергетической активности на поверхности планеты!

– Система анализа фиксирует процесс реактивации кибернетических комплексов на глубине бункерных зон!

Фрегат неумолимо приближался к планете.

– Тридцать пять секунд с момента гиперперехода!

Рассудок Глеба воспринимал огромные объемы информации. Бой еще не начался, но разум Дымова утратил связь с физическим телом, он полностью погрузился в цифровое пространство, оценивая происходящее посредством миллионов датчиков, рассеянных в околопланетном пространстве, – он царил над событиями, осознанно сдерживая уже выплеснутую в космос мощь.

Рано.

Разделившиеся кассеты выпустили десятки тысяч боеголовок.

Статус: распознавание и захват целей.

Истребители завершили первый виток, теперь структура законсервированной базы флота Альянса читалась с полной определенностью.

Дежурные подсистемы противокосмической обороны противника обозначили себя огненными трассами, направленными ввысь. Аэрокосмические истребители уклонились от огневого контакта, ситуация необратимо усугублялась, Глеб ощущал невероятное напряжение каждого члена экипажа, чувствовал страх, недоумение – в мысленном обмене данными он безошибочно угадывал всплески обреченности.

– Нервы в кулак! – мысленный окрик Дымова ударил, как хлыст, отсек эмоции подчиненных.

Несколько секунд. Еще несколько секунд…

Весь опыт войны, сотни боев, в которых участвовал Глеб, половина сознательной жизни, проведенная в прямом нейросенсорном контакте с кибернетическими системами, знание логики боевых искусственных интеллектов Альянса позволяли ему сохранять самообладание. От филигранности и своевременности каждого производимого маневра уже зависели не успех или победа, а сто пятьдесят человеческих жизней – такова была истинная цена принятого им решения. Если не выдержит кто-то из них, сочтет командира безумцем, а себя – обреченным, заранее принесенным в жертву, то все пойдет прахом. В эти мгновения степень доверия между командиром и экипажем играла решающую роль.

Фрегат казался песчинкой на фоне унылого ландшафта планеты, лишенной атмосферы, превращенной в крепость.

Титанические корабли, затаившиеся в ангарах бункерных зон, уже «ожили», инициировав процедуру экстренного старта.

Первыми выйдут истребители прикрытия, за ними «Нибелунги», следом корветы, дальше средние и тяжелые корабли эскадр резервного флота.

– Активация ложных целей! – Мысленная команда Глеба привела к мгновенному отклику устройств.

Модернизированные фантом-генераторы, выброшенные в космос сразу по завершении гиперпространственного перехода, до сих пор ничем не выдавали себя, но по мере того, как основные системы противокосмической обороны планеты выходили из энергосберегающего режима, их использование стало одним из ключевых пунктов реализуемого плана.

На орбитах планеты начали появляться бледные фантомы.

Устройство генераторов, имитирующих ложные цели, за послевоенные годы значительно изменилось. База Альянса обладала самым передовым на период окончания войны оборудованием, и внезапное появление полусотни космических кораблей не могло обмануть системы анализа целей. Однако за пятнадцать лет технологии шагнули далеко вперед, теперь фантом-генераторы создавали не только оптический фантом и энергетическую матрицу космического корабля, они включались постепенно, предлагая системам обнаружения противника полную имитацию «всплытия» корабля из пространства гиперсферы.

– Огневой контакт!

– Полторы минуты!

– Наблюдаю движение вакуум-створов на дне кратеров! Ангары открываются!

Этого мгновения ждал Глеб.

Он начал действовать, спрессовывая десятки мысленных приказов в каждой секунде начавшейся схватки.

Подчиняясь его воле, тысячи дрейфующих в космосе «Пираний», заранее захвативших цели, устремились к поверхности планеты.

Сеть противокосмической обороны противника полностью активировалась, сосредоточив шквальный огонь на ложных сигнатурах, имитирующих состав двух эскадр. Около сотни «Фантомов», стартовав из сотовых пусковых сегментов бункерных зон, устремились навстречу лжекораблям, а в подсвеченных багрянцем зевах вакуум-доков появились зловещие очертания штурмовых носителей класса «Нибелунг».

В следующий миг поверхность планеты вскипела.

Боевые части разделившихся ракет ударили практически одновременно, поражая узлы противокосмической обороны, круша скалы, ослепляя датчики, нарушая энергоснабжение, деформируя еще не открывшиеся створы вакуумных доков, – массированный упреждающий удар оказался настолько сокрушительным, что вся инфраструктура военно-космической базы потонула в огне взрывов, многокилометровые выбросы пыли выметнуло в околопланетное пространство, а вспышки попаданий продолжали сверкать – вторая волна «Пираний» атаковала «Нибелунги», третья устремилась на перехват истребителей.

Точный, хладнокровный расчет, помноженный на непостижимую для машин человеческую способность к осознанному риску, нерациональному промедлению, которое не учитывали боевые системы искусственного интеллекта, – все это сыграло решающую роль.

Система ПКО базы флота Альянса ушла в сбой, инициировала вторичную перезагрузку уцелевших узлов разорванной сети. Боевые машины оказались в полыхающем аду, среди разрывов и ложных сигнатур. Облака нанопыли создавали глобальные помехи, данные необратимо искажались, вторая и третья волны ракет продолжали разрушительную атаку – сбившиеся с курса, предпринявшие экстренное противоракетное маневрирование «Фантомы» попали под шквальный зенитный огонь «Артемиды», вспухая среди пылевых выбросов ослепительными бутонами разрывов. Миллионы обломков уже парили в космосе, создавая дополнительные засечки на радарах, – в результате ни один из стартовавших аэрокосмических истребителей Альянса не дотянул до зоны низких орбит, где продолжали маневрировать фантом-генераторы, имитируя боевое перестроение двух эскадр. А на поверхности планеты вновь рушились скалы – четвертая волна «Пираний» ударила по целям, превращая перезагрузившиеся узлы противокосмической обороны в груды обломков, сотни тонн скальных пород, превращенных в пыль, вспухали вычурными серо-оранжевыми облаками, постепенно поглощая огромные пространства.

Хаос.

Тактические системы противника захлебывались в потоках ложных данных. Заранее разделившиеся кассеты позволили реактивным снарядам рассредоточиться в зоне низких орбит, они включали двигатели, атакуя с разных направлений, заставляя кибернетические системы тщетно вычислять точки старта, лавина роковых ошибок в расчетах нарастала, приводя к неверным ответным действиям, а в облаках пыли, расползающихся по лику планеты, продолжали бесноваться вспышки разрывов – это последняя, пятая волна выпущенных «Артемидой» ракет атаковала все обнаруженные сегменты базы, поражая пытающиеся стартовать корабли, наглухо «запечатывая» подземные ангары.

Непостижимая для неподготовленного рассудка схватка длилась полторы минуты.

Планету окутала пыль. Корветы, как и рассчитывал Глеб, не успели стартовать, лишь два корабля покинули ангары, продираясь сквозь пылевую завесу.

Аэрокосмические истребители с «Артемиды», разделившись на две группы, устремились в атаку на эти корветы, фрегат, двигаясь на малой тяге, продолжал сближаться с планетой.

Напряжение достигло наивысшей точки, но теперь Глеб остро чувствовал перемену в настроении экипажа, в докладах появилась

уверенность, офицеры на боевых постах убедились, что атака фрегата на оживающую планету-крепость не являлась жертвенным шагом.

Да, у большинства из них не было того боевого опыта, которым обладал Дымов, но их психология на протяжении двух месяцев бесконечных изматывающих тренировок постепенно менялась, и сейчас, поверив в командира, заглянув в глаза собственному ужасу, они преобразились.

Два корвета противника, получив критические повреждения, падали, так и не вырвавшись из зоны пылевых облаков.

Внизу, под покровом клубящихся выбросов, пришли в движение огромные, горизонтально расположенные створы – они поворачивались вокруг оси, вставая на ребро, открывая сразу по два стартовых сегмента.

Три крейсера Альянса, сжигая пыль огнем двигателей планетарной тяги, начали синхронный старт, вторя им, полыхнули зарницы поменьше – это из глубин исполинских ангаров поднимались фрегаты трех эскадр полностью роботизированного резервного флота прародины.

– Три цели класса «Крейсер» в зоне поражения!

– Коррекция курса!

– Батареи плазмогенераторов с первой по третью к залпу готовы!

«Артемида», отработав двигателями ориентации, развернулась к планете.

– Батареям – залп!

Плазменные выбросы, свитые в тугие спиральные смерчи, ударили по расположенным в огромном кратере стартовым сегментам.

Датчики на миг ослепли.

Казалось, что под непроницаемой завесой пыли на поверхности планеты зародились три рукотворных солнца.

Звездные энергии, сконцентрированные на сравнительно небольшой площади, испаряли скалы, превращали дно кратера в жидкое стекло, металл – в огненные гейзеры магмы. Серия вторичных взрывов судорогой прокатилась по поверхности, огромные многокилометровые трещины пронзили планетарную кору, ослепительное прозрачное пламя свивалось тугими вихрями, раскаленные пузыри вспухали и лопались, огненный вал распространялся по полусфере, достав до зоны низких орбит, опалив «Артемиду».

– Есть поражение целей!

Один из крейсеров, получив критические повреждения, вдруг начал разламываться, проседая назад, в стартовый сегмент, еще секунда, и невероятной силы взрыв потряс планету, мимо фрегата, совершающего

маневр уклонения, словно снаряды, проносились выброшенные на высоту сотен километров фрагменты деформированных конструкций и обломки оплавленных скал.

– Групповая цель разрушена!

– Наблюдаю активацию стартовых сегментов в секторах с девятого по восемнадцатый!

– Три фрегата Альянса в зоне низких орбит!

– Активация сотовых пусковых шахт! Множественные запуски, цели малоразмерные, идентификация – «Фантом»!

– Обнаружены стартовые сигнатуры в секторах с девяносто восьмого по сто двадцатый! Тяжелые единицы флота класса «Крейсер»!

– Сигнатуры штурмовых конвойных и ракетных носителей в северном полушарии!

– Фрегаты противника начали формировать боевое построение!

– Всем орудийно-ракетным комплексам – беглый огонь! Выбор целей самостоятельный! Навигационный пост – боевой разворот!

На перезарядку плазмогенераторов требовалось семьдесят две секунды, но дерзкий фрегат уже исчерпал все мыслимые лимиты. Десятки кораблей противника продолжали стартовать, некоторые, получив повреждения, пытались осуществить аварийную посадку, на дне кратеров открывались все новые и новые сегменты подземных космодромов.

– Истребителям прикрытия – вернуться на корабль! – Глеб трезво оценивал ситуацию, он не собирался бездумно рисковать. «Артемида» и без того совершила практически невозможное, на шестьдесят процентов выведя из строя системы противокосмической обороны планеты, уничтожив первую волну «Фантомов», не дав стартовать штурмовым носителям, повредив три крейсера и восемь фрегатов.

– Пума-1, понял вас, идем в ангары!

– Пума-2, принято, возвращаемся!

Семь минут тридцать две секунды с момента выхода «Артемиды» из гиперсферы.

Одна за другой оживали системы ПКО фрегата. Корабли Альянса уже вели прицельный огонь по «Артемиде», прорываясь сквозь пылевые облака, взметнувшиеся на сотни километров ввысь.

– Артиллерийским платформам – расстыковка! Полный автоматический режим! Огонь по выбору!

Два ощутимых толчка возвестили о немедленном выполнении команды.

– Первая эскадрилья в ангаре. Вакуум-доки правого борта закрыты,

вторая эскадрилья заходит на посадку!

– Ждать последний истребитель!

Теперь фрегат уже не огрызался – он полыхал огнем. Две артиллерийские платформы, разорвав дистанцию, вступили в бой с ближайшими кораблями противника.

– Вторая эскадрилья завершила посадку! Доки левого борта закрыты!

Пятнадцать секунд до полной перезарядки плазмогенератора.

Сквозь клубящийся пылевой выброс проступили зловещие очертания тяжелого ракетного носителя Альянса.

– Двести малоразмерных целей! Он произвел залп!

Удар ракетного носителя с близкой дистанции равнозначен смертному приговору. Вслед за исполином в ореоле сиреневых вспышек, обозначивших работу стартовых катапульт, показался контур конвойного носителя вражеского флота.

«Артемида» мелко вибрировала – все орудийные комплексы работали на отражение ракетной атаки, вокруг фрегата полыхали вспышки, сливаясь в море огня, словно пылал сам космос, затем серия сокрушительных ударов потрясла корабль.

– Попадание во вторую, четвертую и пятую палубы! Поражены сорок три отсека правого борта!

– Генератор плазмы перезаряжен!

Глеб отдал мысленный приказ.

Между носовой частью фрегата и двумя тяжелыми кораблями Альянса протянулись ослепительные изломанные стрелы: перефокусированный генератор ударил пучковым разрядом, по броне конвойного и ракетного носителей метнулось ослепительное пламя, в космос брызнули гейзеры расплавленного керамлита, затем оба корабля как будто подернулись дымкой, их контуры исказились. Взламывая поврежденные бронеплиты, ослепительными волдырями выплеснулись внутренние взрывы, и оба исполина, сбившись с курса, начали удаляться, беспорядочно вращаясь.

Ближайшая к «Артемиде» артиллерийская платформа потонула в пламени взрыва.

Пространство на границе пылевых облаков стремительно наполнялось обломками.

– Боевой разворот! Осмотреться в отсеках, доложить о потерях! Курс двести шестнадцать, возвышение[31] ноль, полная маршевая тяга! Гиперпривод технического носителя номер один – готовность к пробою

метрики пространства!

Вторая артиллерийская платформа успела задействовать генератор плазмы, еще одно рукотворное солнце вспыхнуло и погасло за кормой фрегата.

Ускорение маршевой тяги навалилось предельной перегрузкой.

Чтобы задействовать гиперпривод, фрегату следовало удалиться от бурлящего котла энергий, иначе любой, заранее рассчитанный гиперсферный курс грозил обернуться слепым рывком или того хуже – неуправляемым срывом на Вертикаль.

– Девятнадцать отсеков не отвечают на вызов! Высланы аварийные команды сервомеханизмов! Потеряны двадцать четыре огневые точки! Окончательные цифры уточняются!

Израненный фрегат стремительно уходил в сторону второго спутника безымянной звезды.

– Связь на гиперсферных частотах!

– Дымов?

– Адмирал Шайгалов?

– Доложи обстановку!

– Уничтожен один крейсер противника, два серьезно повреждены, десять фрегатов взорваны в стартовых сегментах, конвойный и ракетный носители выведены из строя ударом генераторов плазмы! Девяносто семь истребителей «Фантом» сбиты при попытке старта. Часть подземных ангаров уничтожена. Вражеский флот действует без построения, штурмовые носители и корветы до сих пор не стартовали! Потерял две артиллерийские платформы, повреждены четыре палубы по правому борту.

– Выходи из боя!

– Двигаюсь в зону гиперперехода.

– Молодец, – не удержался Шайгалов. – Мы в режиме «граница»!

«Артемида» уходила в сторону второй планеты, вслед дерзкому фрегату били ракетные залпы, но стремительный маневр на полной маршевой тяге разорвал дистанцию прямого огневого контакта, в бой вступили лазерные комплексы противоракетной обороны, введенные в автоматический режим.

Казалось, что фрегату удастся ускользнуть, но ракеты шли волна за волной, попадания происходили все чаще, энергоресурс стремительно таял.

– Поражение двенадцати отсеков левого борта!

Сетка лазерных разрядов вспыхивала все реже.

– Попадание в правый маршевый двигатель!

– Три эскадрильи «Фантомов» в зоне оптической видимости на курсе атаки!

– Вражеский флот формирует построение!

Глеб, напряженно следивший за ситуацией, понимал: битва только начинается. Экраны сферорадаров с каждой секундой пополнялись все новыми и новыми сигналами, атакованная база Альянса исторгала в космос сотни малоразмерных целей – эскадрильи «Фантомов», корветы, штурмовые группы «Нибелунгов» подтягивались к ядру флота, совершающему боевое перестроение в границах низких орбит.

Не дотянем. Не вырвемся…

В мысли Дымова вплелся доклад:

– Произведено обследование отсеков правого борта. Невосполнимых потерь среди личного состава нет. Пятнадцать человек отправлены в спасательные капсулы с легкими ранениями и травмами. Отсеки второго слоя – декомпрессия. Повреждения подсистем артиллерийских палуб в пределах восьмидесяти процентов! Смена боекомплекта приостановлена, артпогреба пусты!

«Артемида» теряла скорость, сбиваясь с курса. Не все ракеты из залпа, произведенного носителем Альянса, удалось сбить, броня фрегата зияла уродливыми пробоинами – Глеб совершил единственную ошибку, промедлив на границе пылевых облаков, дожидаясь перезарядки плазмогенератора.

Критические повреждения охватывали все большее количество отсеков внешнего слоя.

– Четыре минуты до зоны безопасного гиперперехода!

«Фантомы» противника угрожающе приблизились.

Орудийные башни расходовали остатки боекомплекта.

В этот миг сканеры зафиксировали первую вспышку гиперпространственного перехода.

– Наблюдаю флагманский крейсер «Ахилл»!

Еще две ослепительно-черные воронки разрыва метрики пространства возникли за кормой флагмана, и тут же система идентификации подтвердила – вслед «Ахиллу» появились ударные крейсеры «Гектор» и «Приам».

Исполинские корабли ускорились, совершая боевое перестроение, озарились сполохами от работы стартовых электромагнитных катапульт – «Пумы» покидали ангары, формируя щит истребителей, а в точке гиперперехода уже материализовались контуры фрегатов Кьюиганской эскадры.

Из глубин пылевых выбросов навстречу крейсерам Колоний тут же устремилось сонмище сигналов – серьезно потрепанный, но все еще боеспособный флот Альянса, действующий под управлением «Одиночек», начал атакующий бросок.

Системы боевого искусственного интеллекта не ведали страха или сомнений. Смыслом их существования являлась война – однажды разбуженные от чуткого настороженного сна энергосберегающего режима, они либо сметали со своего пути любого противника, либо погибали, третьего им не было дано.

…Линия корветов и две ремонтно-технические платформы последними покинули пространство гиперсферы.

Крейсеры Колоний, завершив боевое перестроение, поднялись над плоскостью эклиптики, встретив атакующий бросок противника синхронным залпом тяжелых излучателей плазмы, край пылевого облака внезапно вспыхнул, закручиваясь десятками локальных вихрей, начало схватки было поразительно похоже на рождение звезд…

Мысли Глеба разорвал доклад:

– Сбой в работе гиперпривода! Датчики «Аметиста» фиксируют поле низкой частоты!

Для «Артемиды» последнее прозвучавшее сообщение являлось приговором. Израненный, потерявший боеспособность фрегат оказался между жерновами начинающегося сражения.

– Экипажу покинуть боевые посты! Эвакуация! Повторяю, всем покинуть боевые посты, занять места в аварийно-спасательных капсулах!

Планета Фобос Древний колониальный форт…

Дейвида раздирали противоречия.

Два изначально несовместимых образа мышления не дополнили друг друга, не образовали синтеза, но раскололи личность. Он постоянно работал над устранением внутренних сбоев, но по большей части – безуспешно.

Проблема любого «чистого» искусственного интеллекта заключалась в том, что его личность давно сформировалась, но с обретением биологического тела рассудок бывшего колониального дройда постоянно подвергался прессингу эмоционального восприятия, которое ломало устоявшиеся взгляды, вносило искажения в ранее непротиворечивую картину мировосприятия, толкало к иррациональным поступкам.

Дейвид не понял главного: даже если кибернетические организмы и являются следующей ступенью развития разума, они должны взрослеть, самостоятельно постигая окружающий мир, изначально оперируя синтезом возможностей человека и машины.

Так происходило с некоторыми модулями «Одиночек» поздних серий – они обретали начатки самосознания в тесном мнемоническом контакте с биологическим разумом пилота, впитывали горячую, обжигающую эмоциональную оценку происходящего. Как ни странно, но некоторые «исчадия высоких технологий», зародившиеся в горниле жесточайших боев, оказались жизнеспособными, их разум, возникший на основе искусственных носителей, обладал адаптивностью, присущей психике человека.

А Дейвид шел гибельным путем. Он утратил прежнюю личность, от нее остались лишь клочья воспоминаний, а новую так и не обрел. Пытаясь устранить множество внутренних противоречий, он культивировал лишь те чувства, что отвечали поставленным задачам, еще более усугубляя возникшие деформации рассудка. Путь ненависти завел его в тупик, но Дейвид не желал видеть очевидного. Ему казалось, что решение найдено – теперь в нем непротиворечиво сочетаются глобальные планы, требующие огромных человеческих жертв, и прежняя любовь к людям.

Он часто посещал стойбища деградировавших потомков колонистов, ему льстило, когда вожди местных племен называли его богом, и Дейвид охотно помогал им справляться с трудностями, иногда просто играл с детьми, одновременно обдумывая глобальные, далеко идущие планы по

уничтожению флота Центральных Миров и других космических формирований, стихийно возникших в разоренных войной секторах Периферии.

«Погибнут те, кто деструктивен по образу мышления, а те, кто примет и поймет выгоды нового мироустройства, выживут и будут процветать», – размышлял он.

В данный момент Дейвид совершенно некстати испытывал всю гамму взаимоуничтожающих противоречий, его захлестывали эмоции, мешающие здраво мыслить.

– Проклятый фрегат… – Он нервно мерил шагами просторное помещение информационного центра, оборудованного в глубинах древнего колониального форта.

На протяжении полутора лет база Земного Альянса, расположенная на шестой планете системы, служила для Дейвида надежным щитом и одновременно являлась важным козырем в развернувшемся противостоянии. Он тщательно продумал каждую мелочь, потратил немало ресурсов, спроектировал и выстроил эффективную сеть датчиков раннего обнаружения с единственной целью: заранее знать о приближении эскадр Флота Колоний и пробудить дремлющие силы роботизированных подразделений, с тем чтобы они встретили противника во всеоружии.

Дейвид прекрасно понимал, что смертельная игра идет на грани фола. Захват эскадры адмирала Рокотова стал серьезной, но нерешающей победой. Необходимо было разыграть ситуацию, оставить ясно читаемые подсказки, вынудить оставшихся адмиралов действовать в режиме цейтнота, не дав им даже малейшего шанса на скоординированные действия. Дейвид рассчитывал нанести сокрушительный удар Кьюиганской эскадре, подставив ее под удар резервного флота Альянса, а дальше ситуация читалась уже определенно – адмиралы Вербицкий и Нечаев, осознав, что вторжением в безымянную систему они разбудили дремлющего монстра, будут вынуждены ввести в бой все имеющиеся силы.

Флот Альянса, заранее выведенный из энергосберегающего режима, поднятый в космос, должен перемолоть эскадры Колоний, сведя битву к взаимному уничтожению двух армад.

Именно такой прогноз выдавали аналитические системы. Конечно, существовал риск, что флагманские крейсеры применят установку «Свет», испепелят шестую планету, но Дейвид минимизировал эту опасность, позволив скрыться двум пилотам разведгруппы, дав им возможность передать сообщение, которое будет прочитано буквальным образом: на второй планете системы с высокой долей вероятности содержатся в

заключении адмирал Рокотов и личный состав исчезнувшей Кассианской эскадры.

Дейвид считал себя знатоком человеческой психологии. Никто не решится применить установку «Свет», понимая, что аннигиляция планеты – это приговор всему живому в границах звездной системы.

Он просчитал каждый шаг, учел все события и их последствия, кроме одного – Дейвид сбросил со счетов человеческий фактор, считая, что им можно пренебречь.

«Люди трусливы, лживы и непоследовательны, – убеждал себя Дейвид. – Они разобщены, поглощены политическими интригами, а боеспособность Флота Колоний столь низка, что отдельные эскадры попросту не в состоянии оказать достойного сопротивления роботизированному соединению Альянса.

Пришла пора бесславной гибели победителей…»

Кьюиганская эскадра вела себя предсказуемо, постепенно двигаясь в ловушку. Дейвид мысленно потирал руки, предвкушая свой триумф.

Он наблюдал за событиями, не вмешиваясь в их ход, зная, что появление первых разведывательных сил Колоний разбудит дремлющих на шестой планете техногенных монстров, которые сокрушат все на своем пути, а затем, реализуя боевые программы, устремятся к Форту Стеллар.

Все логические выкладки искусственного интеллекта перечеркнуло внезапное появление фрегата «Артемида». Его самоубийственная, но сокрушительная атака на базу резервного флота Альянса противоречила здравому смыслу, шла вразрез с презрительной оценкой человеческих возможностей.

Кто мог подумать, что корабль среднего класса под управлением горстки людей способен учинить натуральный разгром, которому не смогли противостоять системы боевых искусственных интеллектов?

Что делать теперь?!

Треть роботизированных кораблей Альянса либо уничтожена, либо попросту заперта в подземных ангарах, в космосе разгорается битва, но теперь ее исход сомнителен: если на помощь Кьюиганской эскадре вовремя подойдут другие космические соединения, то разгром флота Альянса неизбежен. Та «ничья», при которой у Дейвида оставались корабли адмирала Рокотова, а противники взаимоуничтожали друг друга, теперь невозможна.

Что делать?

Две Элианские эскадры наверняка уже подняты по тревоге. Их появление определенно станет переломом в ходе космической битвы, затем

неизбежно последует высадка десанта на вторую планету.

Нет возможности ускользнуть, эвакуировать колониальный транспорт с уникальным оборудованием.

У Дейвида оставался только один шанс – задействовать генератор искажения метрики, найденный на одной из планет Линии Хаммера, с большим трудом демонтированный и перемещенный сюда. Его включение приведет к сбою гиперприводов, запечатает все прибывающие корабли в границах этой звездной системы.

«Я дождусь критического момента в сражении и введу в бой свой последний резерв – четыре штурмовых корабля класса «Шквал».

Дейвид отлично понимал: не имея возможности уйти в гиперсферу, все корабли, участвующие в битве, получат серьезные повреждения и не смогут эффективно противостоять внезапному удару штурмовых крейсеров.

Он живо представил зловещий финал сражения и пожал плечами. «Они скрыли от Воронцова факт исчезновения эскадры Рокотова, не поставили его в известность о предпринимаемых действиях, а искажение метрики пространства, созданное генератором, не позволит запросить помощь либо передать информацию по каналам гиперсферных частот. Военно-космические силы Форта Стеллар так и останутся в неведении относительно места и обстоятельств гибели половины кораблей Объединенного Флота, а у меня впереди достаточно времени, чтобы воссоздать из дрейфующих в космосе обломков новые эскадры и нанести последний, сокрушительный удар».

Выход был найден.

Теперь оставалось лишь привести «Шквалы» в боевую готовность и затаиться в ожидании удобного момента.

* * *

Адмирал Шайгалов успел передать только одно сообщение:

«Вступил в бой с превосходящими силами роботизированного флота Альянса».

– Почему он оборвал связь?! – Вербицкий не находил себе места. – Почему нет подтверждения по планете базирования искусственных интеллектов?!

В коммуникационном пространстве голографическое изображение адмирала Нечаева на миг подернулось помехами.

– Нужно связаться с Фортом Стеллар и выдвигаться на помощь Шайгалову. Ситуация не терпит промедления. Гиперсферные частоты

наверняка глушат с помощью той же установки, которая позволила искусственным интеллектам блокировать связь с эскадрой Рокотова.

– Сами справимся, – угрюмо произнес Вербицкий. – Выдвигаемся немедленно!

– Согласен! – подумав, кивнул Нечаев. – Объединенными силами двух эскадр мы переломим ситуацию. Никто не уйдет из системы. А Воронцову действительно незачем знать о проводимой нами операции. Я погорячился. Вернем эскадру Рокотова, разберемся с искусственными интеллектами, тогда и поговорим с ним по душам, имея на руках факты, от которых он уже не сумеет отмахнуться, как прежде!

* * *

Корпус аварийно-спасательной капсулы разделился на несколько остроугольных сегментов.

Дымов увидел высокий свод внутреннего космодрома, затем механические манипуляторы отсоединили фиксаторы скафандра и помогли ему подняться.

– Дымов, живой? – голос адмирала Шайгалова возник в рассудке Глеба. Передача велась через коммуникатор импланта.

– Живой. Сколько моих людей вы подобрали?

– Все капсулы с «Артемиды» на борту флагмана.

– Обстановка? – Дымов не собирался занимать позицию стороннего наблюдателя.

– Ведем тяжелый бой. Если бы не атака «Артемиды»…

– Иван Дмитриевич, фрегат я потерял, но выходить из боя не собираюсь. Разбор оставим до лучших времен. Готов пойти хоть оператором в орудийную башню…

– Погоди, не горячись, Дымов. Ситуация не в нашу пользу. Искусственные интеллекты умудрились собрать трофейный генератор искажения метрики. Мы ведем бой без связи на гиперсферных частотах. Элианские эскадры прибудут, я не сомневаюсь, но их всплытие из аномалии обернется неоправданными потерями. Они материализуются на дистанциях прямого огня, между построением противника, и «Одиночки» не упустят такого шанса. При существующем искажении метрики режим «граница» невозможен.

– Варианты?

– Мы отслеживаем работу генератора. Он расположен на второй планете системы.

– Найти и уничтожить? – Дымов мысленно прикинул свои действия. –

Истребителя будет достаточно. Проскочу в этом хаосе без особых проблем. Справлюсь.

– Не пойдет, – ответил Шайгалов. – Слушай внимательно, Глеб. Я знаю, на что ты способен. Но сейчас не время для сольных выходов. Слишком многое зависит от скорости и эффективности планетарной операции. Я выделю тебе модернизированный штурмовой носитель с полноценным серв-подразделением на борту. Майор Кайманов поступает в твое распоряжение. Задача – найти генератор, искажающий метрику. Уничтожь его. Мы пока что сдерживаем эскадры Альянса, маневрируем, растягиваем их построение, отходим к орбитам первой планеты. Там встанем насмерть.

Дымов сумрачно кивнул. Замысел адмирала был понятен – флот Альянса, устремившись вслед за эскадрой, выйдет ко второй планете, начнет перестроение для решающей атаки. При этом зоны гиперсферного всплытия на периферии системы будут прикрыты лишь барражем истребителей, что даст шанс Элианским эскадрам на гиперпереход с минимальными потерями. К тому же нельзя сбрасывать со счетов четыре имеющихся у Дейвида «Шквала». Маневр Шайгалова минимизировал угрозу со стороны штурмовых кораблей – при попытке старта с планеты они будут вынуждены вступить в бой с силами Альянса.

– Продержись, Иван Дмитриевич. – Глеб подвел черту под их кратким диалогом. – Мы справимся.

* * *

Утро занималось солнечное, светлое.

Штурмовой носитель вошел в атмосферу над океаном, двигаясь вслед за рассветом, приближаясь к берегу в оранжевом свете восходящего над горизонтом светила.

– Нет тут никакой сети датчиков, – мысленный доклад майора Кайманова прозвучал в восприятии Глеба ноткой досады.

Дымов еще присматривался к старшему офицеру приданной ему группы, непроизвольно акцентируя внимание на интонациях, манере поведения, стараясь понять, отвечают ли действительности скупые рекомендации Шайгалова.

С подсистемами штурмового носителя майор справлялся виртуозно, сразу становилось понятно, что прямое мнемоническое управление ему не в новинку. Эмоции проявлял скупо, вел себя сдержанно, командовать не пытался, хотя определенно мог бы возглавить операцию. Глеб чувствовал в нем ту спокойную уверенность, которая вырабатывается годами

постоянного взаимодействия с кибернетическими системами и ложится неизгладимым отпечатком, проявляясь в каждой мелочи.

«Нибелунг» снижался, двигаясь к береговой линии, словно призрак. Ни пламени, ни рева планетарных двигателей, ни порывов ураганного обжигающего ветра – все это гасло под воздействием мощных компенсаторов маскирующих полей.

– Фиксирую постройки древнего колониального форта, – откликнулся Глеб. – Излучение, направленное в космос, исходит оттуда.

– Азимут сто тридцать, высота полторы тысячи, транспортный корабль, класс «Элизабет-Альфа», курс на материк, – раздался доклад лейтенанта Фокса. – Идет без маскировки, наблюдаю признаки подготовки к посадке.

– Не трогаем его. Просчитай траекторию снижения.

– Площадка приземления расположена в руинах колониального форта, – проанализировав данные курса, доложил Фокс.

– Следи за ним.

– Садимся на побережье? – уточнил Кайманов.

Глеб бегло оценил обстановку.

Сразу за полосой прибоя начинался лес. Грибовидные растения образовывали плотные заросли. Плохое подспорье для внезапной наземной атаки. Никакие маскирующие поля не помогут. Продвижение серв-машин сразу же выдаст образование широких просек. Даже если двигаться «след в след», незаметно подобраться к форту не удастся – нет никаких данных по крупным животным, обитающим на планете, а значит, имитировать их не получится.

Решение уже созрело, но Дымов не спешил отдавать приказ, хотя время поджимало, каждая минута была на счету – битва в космосе продолжалась, и чем быстрее будет отключен злополучный генератор, тем большее количество поврежденных кораблей сумеет вырваться. Это тысячи спасенных жизней…

– Прекратить снижение. Наблюдаем за транспортом. Габровский, прими управление носителем.

Кайманов одобрительно взглянул на Глеба. Казалось, он понимает каждое действие Дымова, будто они мыслили в унисон.

– Что думаешь, Паша? – обратился к нему Глеб.

Майор расправил плечи.

Невысокий, коренастый, с суровым лицом, он смотрел на мир без злобы, не читалось в его взгляде ни суперменства, ни страха.

– Сканирование результатов не дало. Форт по всем признакам

заброшен. Но я в это не верю. Более вероятно, что наши датчики не справляются.

– Значит, там могут располагаться полноценные укрепления, которых мы не видим?

Кайманов кивнул.

– Атака со стороны леса не дает никаких преимуществ. Нет четкой сигнатуры генератора. «Фалангеры» не смогут нанести хирургический удар. Даже если накрыть «Пилумами» всю площадь построек, результата не получим.

– Выход один: десантируемся с хода. Подойдем, не отключая маскирующих полей, чтобы избежать преждевременного контакта. Высаживаемся под прикрытием огня штурмового носителя, рвем сеть маскирующих устройств, ищем тоннели, пригодные для проникновения серв-машин в глубь бункерной зоны под фортом.

– Да, генератор, насколько я знаю, – устройство крупногабаритное. Даже в разобранном виде его элементы не протащить вглубь без прокладки специальных коммуникаций.

– Верно. Там, где транспортировали элементы устройства, пройдут и наши машины.

– Транспорт пошел на посадку. Взгляните!

Дымов и Кайманов переключились на канал телеметрии данных с комплекса «Аметист».

Внешне все выглядело штатно, транспортный корабль достиг руин колониального убежища и начал вертикальное снижение, не маскируясь, явно маневрируя на автопилоте, но боевой сканирующий комплекс «Нибелунга» четко фиксировал энергетические матрицы полутора десятка человек, сгруппировавшихся у грузовой аппарели.

– Чувствительность датчиков на максимум. Запустить МаРЗ[32], – приказал Глеб.

Зонд ушел в розовеющие небеса.

«Элизабет-Альфа» коснулась опорами одного из многочисленных внутренних двориков древних укреплений.

– Необычно, да? Столпились у аппарели в момент посадки, как будто им жизнь недорога, – прокомментировал показания датчиков Кайманов.

Дымов напряженно кивнул. Сейчас все станет ясно.

Грузовая аппарель начала открываться, датчики МаРЗа отчетливо зафиксировали экипированные как попало человеческие фигурки, которые с оружием в руках покидали корабль, невзирая на жар, истекающий от

двигательной установки.

Еще секунда, и ударили автоматные очереди, раскатисто ухнуло несколько взрывов, злобным стаккато зачастило автоматическое орудие, расположенное в глубине укреплений, но по-прежнему невидимое для датчиков.

Серия разрывов метнулась вдоль посадочной площадки, часть снарядов угодила в аппарель, одна из крошечных человеческих фигурок исчезла в пламени разрыва.

– Работаем! – Дымов, герметизируя шлем, бросился к отсеку серв-машин.

Кайманов последовал за ним, на ходу отдавая распоряжения.

– Штайлер, Фокс, Латунин – по машинам! Готовность к десантированию! Грабовский – курс на колониальный форт. Делаешь один заход, прикрываешь нас в момент высадки, затем прижимаешься к земле, ждешь приказа.

Без лишних комментариев было понятно: горстка безумцев атакует форт. Кто они – предположить несложно. Грамотно высадились, тут же рассредоточились – чувствовалась военная выучка, скорее всего, пленники из состава исчезнувшей эскадры адмирала Рокотова.

Лучший момент для внезапной высадки сложно придумать.

* * *

Пять мощных шлюзовых затворов выходили в тесный коридор десантного отсека.

Три «Хоплита» и два «Фалангера», поддерживаемые стационарными системами остойчивости, застыли в глубине отделяемых сегментов.

Штурмовой носитель плавно развернулся и, увеличив скорость, взял курс на колониальный форт.

Пилоты уже находились в машинах, по внутренней сети прошел взаимный обмен данными, затем все стихло.

Шлюзовые затворы десантных модулей закрылись.

Обычно десантирование с малых высот осуществляется через аппарель, отстреливаемые контейнеры, оснащенные собственными двигателями, предназначены для сброса десанта из верхних слоев атмосферы, но сейчас рискованный способ высадки был оправдан, – приземление обещало быть жестким, двигатели сегментов явно не успевали отработать свой ресурс, но дополнительное бронирование отделяемых модулей обеспечивало защиту от огня орудий, да и штурмовой носитель получал свободу маневрирования, отпадала необходимость в

приземлении.

Датчики «Аметиста» молчали до последнего.

Грабовский недоумевал: что за системы маскировки прикрывают руины форта? Он не видел схемы расположения огневых точек, половина стен и полуразрушенных зданий, как выяснилось, являлись имитацией, а там, где сенсоры фиксировали свободное пространство, вдруг из ниоткуда возникали постройки.

«Нибелунг» совершил серию резких маневров, уклоняясь от столкновений, пока не преодолел незримый купол мощнейшего маскирующего поля.

Боевые подсистемы мгновенно захлебнулись множеством предупреждающих сигналов, укрепления форта оказались намного серьезнее, чем предполагалось.

Проклятье!..

Грабовский едва успел инстинктивно сманеврировать, импульсом тяги направив штурмовой носитель в узкую расселину между двумя башнями охранного периметра, нос корабля проломил обветшавшую от времени, покрытую трещинами бетонную стену, зато десятки выпущенных по коротким траекториям зенитных ракет, взорвались выше, хлестнув шрапнельной начинкой по древним сооружениям.

– Приготовиться к сбросу! Даю отсчет!

Пилот действовал стремительно и дерзко.

Штурмовой носитель, избежав ракетного удара, проломил стену и, вздымая облака каменной крошки, взмыл вверх, набирая минимально допустимую высоту для отстрела десантных модулей с машинами.

Казалось, что каждый квадратный метр древнего форта напичкан молчавшими до поры системами вооружений. От обилия сигналов на миг помутился рассудок, теперь среди явных руин прослеживалась система надежно защищенных коммуникаций, под массивным, заглубленным в почву основанием колониального убежища система распознавания фиксировала не только уровни бункерных зон, но и огромные ангары для космических кораблей.

Еще миг, и штурмовой носитель, набирая высоту, начал зачистку зоны высадки. Орудийно-ракетные комплексы нижней полусферы полыхнули огнем, очертания близлежащих построек исказились, ракеты и снарядные трассы били по зафиксированным целям, разваливая здания в горы щебня, сотни клубящихся выбросов ударили в лазурные небеса, застилая свет солнца, сгустки оранжевого пламени сверкали повсюду, из мест попаданий стремительно вырастали пепельно-черные фантастические фигуры,

раскаленным обломкам было тесно – они чертили пологие траектории, оставляя за собой густые шлейфы дыма, сталкивались в воздухе, распадались, били по огрызкам стен, молотили по броне штурмового носителя, ударялись о землю, взрываясь от перегрева. «Нибелунг» двигался сквозь сумеречный ад, вокруг, словно фантастические шипастые соцветия, лопались волдыри разрывов, разлет осколков оставлял за собой зримые, прямые, как стрелы, шлейфы, из глубины укреплений по штурмовому носителю работали уцелевшие комплексы противокосмической и противовоздушной обороны, корабль вибрировал – по нему хлестал шквал снарядов, от тяжело бронированного корпуса отлетали фрагменты керамлита, обшивка дымилась, казалось – еще секунда, и исполин рухнет, превратившись в гору пылающего, искореженного металла.

– Отстрел!

По бортам полыхнули вспышки разорвавшихся замков, и отделяемые модули с серв-машинами резко провалились вниз.

Среди сумрака ослепительными всплесками пламени обозначилась работа посадочных двигателей, но Грабовский следил за стремительным снижением сегментов лишь краем сознания, у него сейчас хватало других проблем – форт занимал огромную площадь, зона посадки была зачищена, но системы распознавания целей фиксировали десятки узлов обороны, расположенных по внешнему периметру укреплений, – все они сейчас нацелились на космический корабль, столь дерзко вторгшийся в охраняемую зону.

Мир опрокинулся.

Освободившись от модулей с серв-машинами, огромный неуклюжий с виду «Нибелунг» резко начал набирать высоту, вращаясь вокруг оси, открывая секторы обстрела для батарей верхней и боковых полусфер, он ввинчивался в небеса, одновременно обрушив на землю всю огневую мощь…

* * *

Модуль с «Фалангером» Дымова проломил перекрытие здания и тут же начал раскрываться, словно металлический бутон.

Земля содрогалась.

В проломе был виден объятый пламенем штурмовой носитель.

Здания рассыпались в прах, ударные волны метались в теснине древних сооружений, лазерная батарея главного калибра резала сумеречную реальность пятью раскаленными струнами, четко различимыми при прохождении сквозь дымопылевую завесу.

Глухо выл гироскоп самостабилизации, первый такт работы сервомоторов вывел «Фалангер» из чрева десантного сегмента.

В сознании Глеба данные, получаемые от «Аметиста», обретали ясность. Он зафиксировал сигнатуры четырех машин подразделения, отметив, что все самостоятельно покинули посадочные модули. «Хоплит» Фокса уже вступил в бой, прорываясь к заранее обозначенной точке сбора, остальные продвигались среди раскаленных, истекающих дымом руин, пока не встречая сопротивления – штурмовой носитель отработал по максимуму и теперь уходил со снижением в сторону океана.

Точкой сбора был обозначен внутренний двор древнего колониального форта, где совершил посадку транспортный корабль.

Зону высадки серв-подразделения сознательно сместили на пару километров к востоку, чтобы горстка людей, первыми начавших штурм, не попала под сокрушительный удар «Нибелунга».

– Паша?

– На связи! – откликнулся Кайманов.

– Дай телеметрию!

Пять машин подразделения образовали локальную сеть. Глеб читал данные по мере их поступления, но пока не находил главного – достаточно широких тоннелей, по которым могли бы перемещаться серв-машины.

Задача усложнялась, по сфере эффективного сканирования искомых коммуникаций обнаружить не удалось, в запасе оставались лишь два варианта действий – искать самим или попытаться соединиться с группой десантников, высадившихся с борта транспортного корабля. Возможно, они обладают так необходимой сейчас информацией?

Сигнатура генератора искривления метрики по-прежнему сканировалась огромным пятном, расположенным глубоко под землей. Чтобы штурмовой носитель нанес хирургически точный удар, Грабовскому требовались координаты квадрата и данные о глубине расположения объекта.

– Паша, идем к намеченной точке сбора.

– На соединение с десантом?

– Нам нужна информация, да и им помощь не помешает. Вызывай их на частотах эскадры Рокотова, думаю, откликнутся.

* * *

Опрокинутое небо.

Рваная рана в теле земли, сквозь которую виден фрагмент лазури.

Ника ощущала такую слабость, что не могла пошевелиться.

Осыпавшаяся земля давила на грудь, мешая дышать.

Постепенно давление начало ослабевать, реальность стала проявляться звуками.

Кто-то бережно откапывал ее, освобождая из-под земляной осыпи.

Почему осыпалась земля?

Она вспомнила последние секунды перед потерей сознания, вспышки выстрелов, искаженное страхом и ненавистью лицо Кирсанова.

«Я всего лишь хотела жить…»

Горькая мысль занозой засела в рассудке. Ощущения возвращались, с каждой секундой их становилось все больше: вибрировала земля, с высоты срывались мелкие камушки, ритмичный рокот то прорывался издалека, то накатывался близкими сериями разрывов.

Бой.

Ника слабо застонала.

Она ощущала движение, осторожные прикосновения, затем сумела чуть повернуть голову и вдруг различила силуэт колониального андроида, откапывающего ее.

– Потерпи, – произнес он.

Ника ничего не ответила. Вид древней человекоподобной машины уже не пробуждал ничего, кроме справедливых опасений, словно Дейвид своими поступками поставил несмываемое клеймо на весь модельный ряд «Хьюго».

– Не бойся меня, – он продолжал усердно трудиться над ее освобождением. Увесистый обломок бетона откатился в сторону, и Ника, наконец, смогла вдохнуть полной грудью.

Датчики экипировки нервно сигнализировали о нарушении герметизации и повреждениях брони.

Система жизнеобеспечения, напротив, вела себя спокойно, все индикаторы режимов находились в зеленой области.

– Ты, наверное, давно не ела? Как тебя зовут, девочка?

Ника с трудом привстала, опираясь на локоть, андроид тут же помог ей сесть.

Она разгерметизировала боевой шлем. Остро пахло сыростью и таугермином. В ритмичных сотрясениях почвы ощущалась тяжелая поступь серв-машин.

Рассудок на миг швырнуло в прошлое, но она взяла себя в руки, взглянула на андроида, мысленно отметила, что тот выглядит не лучшим образом: одежда порвана, испачкана грязью, недавно обновленная пеноплоть зияла бескровными ранами.

– Кто ты?

– Степ. – Лицо андроида стало грустным, уголки губ опустились. – Дейвид захватил меня. Он обманул старого дройда. Теперь все выглядит так, будто я предал своих хозяев.

– Так ты не с ним? – настороженно спросила Ника, понимая, что, поскольку он не распознал в ней кибернетический организм, значит, не имеет понятия о последних, наиболее продвинутых технологиях Дейвида.

– Дейвид – сбойная машина в оболочке из плоти. Он чудовище. Знаешь, что он собирался сделать? Хотел извлечь из меня нейромодули и поместить их в другой носитель. – Кулаки Степа сжались.

«Знакомая методика», – подумала Ника, прислушиваясь к звукам боя и одновременно тестируя состояние своего организма.

Ранения оказались несмертельными, но все же метаболический ускоритель потрудился, залечивая раны, и сейчас сил хватало лишь на то, чтобы удерживать сознание да совершать несложные движения. Неудивительно, что древний андроид, взглянув на похудевшее лицо Ники, подумал, что она долго голодала.

– Ты был пленником?

– Да. Но кто-то напал на колониальный форт, и здание, где меня держали, рухнуло.

– И что теперь?

– Не знаю. Я в затруднении. Мои хозяева наверняка считают меня предателем. Я могу попытаться все объяснить, возможно, они сделают вид, что поверили, но… все изменилось. Ты прости, обременяю тебя своими проблемами…

– Дейвид многим сломал жизнь, – тихо ответила Ника. – Значит, ты сейчас сам по себе? Или станешь искать прежних хозяев?

– Я им больше не нужен. Нет, они хорошо относились ко мне. Но теперь… – он запнулся. – Теперь настало другое время. Старый дройд никому не нужен. Я стал раритетом, вещью из прошлого.

Ника вздрогнула.

Его слова пробуждали отклик в душе. Она ведь тоже прошла через это. Боевая кибернетическая система, опасная, ненужная, но стремящаяся жить, найти свое место в изменившемся мире.

«И куда меня привел этот путь?» – с прежней горечью подумала она, взглянув на пулевые отверстия в броне и запекшуюся вокруг них кровь.

– Теперь мне некуда идти и не о ком заботиться. Я могу взять оружие и погибнуть в бою, попытавшись отыскать и уничтожить Дейвида в этом хаосе, но есть ли в таком действии смысл? – вслух рассуждал андроид. –

Вот если бы найти затерянную колонию, где люди еще нуждаются в бескорыстной помощи таких машин, как я…

Его слова внезапно обожгли Нику.

Затерянная колония.

Вокруг полыхал бой, но ее не тянуло туда, в огненный водоворот схватки. Она по-прежнему хотела жить, любить, быть любимой, радоваться ощущению свободы, самой решать, куда идти и что делать.

«Затерянная колония. А я ведь знаю координаты одной из них. Неизвестно, выжили ли там люди, принятое однажды сообщение не давало ответа на этот вопрос, но планета пригодна для жизни, она расположена так далеко, что вряд ли человеческая экспансия доберется туда в обозримом будущем».

– Степ… – позвала она.

Андроид обернулся.

– Я хочу сделать тебе предложение. Но прежде – я искусственный интеллект. Ты должен об этом знать.

– Ты – усовершенствованная модель «Хьюго»?

– Нет. Я из серии «Beatris». Боевой искусственный интеллект производства Земного Альянса.

– Но ты так похожа на человека!

– Я стремилась им стать. Почему ты не отшатнулся, не схватил оружие?

Степ грустно улыбнулся.

– Разумное существо определяют его поступки, а не факт рождения или место изначальной сборки. У всех есть прошлое. Главное – кто ты в настоящем.

– Я знаю координаты одной потерянной колонии. – Ника напряженно следила за реакцией андроида. – Там никто не будет знать, кто я. Не станет ненавидеть меня за прошлое. И тебя, думаю, примут. Хотя я не уверена, что люди там выжили. Шансы пополам.

Степ пристально смотрел ей в глаза.

– Что нужно сделать, чтобы попасть туда?

– Захватить истребитель.

Он протянул руку, стряхнул землю со штурмовой винтовки системы Ганса Гервета.

– Я готов. А ты сможешь управлять современной машиной? Я видел неподалеку три «Пумы» на посадочной площадке.

Ника слабо улыбнулась.

– Уж как-нибудь справлюсь, поверь.

Древний колониальный форт Точка посадки «Элизабет-Альфы»…

Годы уже не те…

Рокотов рывком преодолел открытое пространство, пригнулся, и бетонная стена приняла предназначенную ему очередь. Пули глухо били в препятствие, острые осколки камня секли по броне.

– Ульрих, прикрой!

ИПК варлийца ответил уверенно, ритмично.

Рокотов привстал. Еще во время перебежки он заметил огневую точку в ближайшем, наполовину разрушенном строении. Киборги, окружив посадочную площадку, напирали со всех сторон, в схватку внезапно вмешалась непонятная пока третья сила – штурмовой носитель класса «Нибелунг» превратил в руины укрепления северного сегмента, но высадки десанта Игорь Владимирович не заметил.

Может, флот отыскал планету базирования искусственных интеллектов, а может, это местные разборки, налет пиратов или что-то еще? В любом случае уповать на мифическую помощь глупо.

Привстав, он произвел серию одиночных снайперских выстрелов. Двое киборгов из пулеметного расчета рухнули вниз с высоты двух этажей.

– Кречетов! Со своей группой – зачистить здание! Прикрываем!

Трое пилотов рванулись вперед. Вслед за ними устремились двое варлийцев, наверняка Рогман и Ульрих. Дисциплины у них никакой, но бойцы, каких поискать.

На первом этаже взъярилась стрельба.

– Первый чисто! – донеслось по связи.

– Всем, короткими перебежками в здание! – приказал Рокотов. – Занять позиции круговой обороны! Огюст, тащи свои сканеры, ищи любой доступный вход в бункерную зону!

– Второй этаж – чисто! – Это был Ульрих.

Адмирал последним покинул позицию. Вслед, с противоположной стороны посадочной площадки, захлебываясь бил ИПК, Рокотов задыхался от надрывного бега, над головой щедро резанули встречные очереди – бойцы прикрывали его, стремясь подавить огонь противника.

Нырнув в полуразрушенный дверной проем, Игорь Владимирович обернулся, и вдруг внутри возник неприятный холод.

Разламывая стены руин, на краю посадочной площадки появилась

серв-машина класса «Хоплит».

Еще секунда, и длинная очередь тридцатимиллиметрового орудия прошила здание, раздались вскрики, взметнулись клубы пыли, а «Хоплит», обходя пылающий корпус войскового транспорта, развернул в сторону горстки людей ракетную установку.

Рокотов даже не успевал отдать вразумительный приказ выжившим.

Через пару секунд все будет кончено.

Он, не моргая, смотрел в лицо своей смерти, понимая, что от ракетного залпа уже не укрыться.

Две секунды.

Мощная стеклобетонная стена, отделяющая сегмент укреплений и посадочную площадку от другой части колониального форта, внезапно прыснула трещинами и начала разламываться угловатыми глыбами.

«Хоплит» разрядил обе ракетные установки, но машина по непонятной причине сместила прицел, больше не интересуясь людьми, укрывшимися в здании.

– Кречетов, проверь бойцов! Огюст, фрайг тебя раздери, ты ищешь вход в бункер или нет?! – Рокотов мгновенно очнулся, отдавая приказы. – Нас тут раздавят, как букашек!

«Хоплит» возобновил огонь из орудий. Теперь он бил короткими прицельными очередями.

Стена, разделяющая секторы форта, рухнула.

Из мглы появились очертания серв-машины класса «Фалангер».

Правое орудие исполина ударило пятитактовой очередью, снаряды снесли часть бронирования «Элизабет-Альфы», куски обшивки транспорта разлетались в стороны, будто мятые фрагменты фольги, открывая «Фалангеру» линию огня.

«Хоплит» отступал, прикрываясь массивной преградой, дуэль серв-машин обещала стать затяжной, из-за горящего корпуса войскового транспорта ударил еще один ракетный залп, в ответ полыхнула сетка лазерных лучей – отработала система «Щит», установленная на «Фалангере», две из восьми ракет взорвались в опасной близости от изрешеченного здания.

– Нашел! Тут широкий технический тоннель! – Возгласы Огюста прорывались сквозь помехи.

Рокотов не успел сориентироваться по услышанной информации, связь постоянно сбоила, да и «Фалангер» в этот момент решил более не размениваться по мелочам – презирая все законы ведения боя, шестидесятитонный исполин с неописуемой грацией, доступной лишь

машине, управляемой человеком, ловко поднялся на гору щебня, чудом сохраняя равновесие на зыбкой, предательской поверхности. Его орудийные комплексы теперь не блокировал корпус транспорта, и они разрядились одновременно, с обоих бортов: две пятитактовые очереди гаусс-орудий ударили в «Хоплита», превратив того в пылающий факел.

«Фалангер», балансируя на осыпающемся склоне руин, отработал антигравами, уменьшая нагрузку на ступоходы, и через несколько мгновений с затухающим воем приводов остановился подле здания.

В проломе стены появились три «Хоплита», следом еще одна тяжелая серв-машина.

«Кто бы они ни были, но подоспели вовремя», – подумал Рокотов.

«Хоплиты» остались в охранении, пилот «Фалангера», спасший жизни людей, вышел в эфир на частотах Колониального Флота.

– Командир группы, на связь! – требовательно произнес он.

– С кем имею честь говорить? – фраза вырвалась сама собой.

– Командир штурмовой группы, капитан Дымов! Назовите себя!

– Адмирал Рокотов. – Игорь Владимирович встал из-за укрытия, позволяя сканерам тяжелой серв-машины подтвердить для пилота идентификацию личности.

Через пару минут между Дымовым и Рокотовым возник спор.

– Я требую, капитан, чтобы мне выделили серв-машину! Решается судьба половины колониального флота! Мой техник обнаружил тоннель, ведущий в недра бункерной зоны!

– Господин адмирал, вы должны выжить. Это не обсуждается, – непреклонно ответил Дымов. – Вы нужны Флоту, нужны многим людям!

– Проклятье, Дымов, я должен…

– Вы должны выжить. – Глеб уже принял решение. – Кайманов, вызывай Грабовского, заберешь адмирала и его группу на борт. Выполнять! Отвечаешь за безопасность командира эскадры, понял?

Майор Кайманов подчинился неохотно.

– Адмирал, мне нужны данные, полученные вашим техником.

Рокотов понял – его не переубедить. Приказывать бесполезно.

– Капитан, я подчинюсь, но что делать с установкой искривления метрики?

Дымов, уже просмотревший данные, полученные Огюстом, ответил с небольшим промедлением:

– Я справлюсь. Тоннель ведет прямиком к сигнатуре генератора.

– Один?

– Так точно. В бункерной зоне две или более машин станут лишь

мешать друг другу. Возможностей «Фалангера» достаточно, чтобы добраться до генератора и отключить его тем или иным способом. Все. Нельзя терять время. Кайманов, ты остаешься с адмиралом. Меня подберет другой носитель Флота. Не прощаемся.

«Фалангер» Дымова развернулся и начал удаляться, почти тотчас же исчезнув в клубах пыли.

– Адмирал, вам лучше подняться на борт серв-машины. Штурмовой носитель прибудет через пару минут, – раздался по связи голос майора Кайманова.

Околопланетное пространство…

Космический бой разгорался.

Затяжной маневр уклонения позволил адмиралу Шайгалову выиграть время, избежать многих жертв, но он не давал решающего преимущества в неумолимо приближающейся схватке.

Разрыв дистанции сдерживал крупные корабли Альянса, но с каждой минутой ситуация все более осложнялась.

Между орбитами первой и второй планет системы безымянной звезды медленно расползались облака обломков – результат скоротечной схватки между истребителями и корветами.

Иван Дмитриевич рассредоточил крейсера.

Флот Альянса уступал в средствах сканирования, но превосходил Кьюиганскую эскадру по численности кораблей и концентрации наступательных вооружений.

– Пеленг двести семнадцать, возвышение десять, сигнатуры штурмовых носителей!

Вражеский флот пошел на сближение.

Пятьдесят четыре «Нибелунга» начали разведку боем, прорываясь через скопления обломков.

«Фантомы» наверняка затаились в ожидании конкретных целеуказаний, – подумал адмирал. – Если сейчас ответить на вызов, они начнут атаку подсистем крейсеров».

Незначительное преимущество заключалось в том, что «Одиночки» не имели ни малейшего представления о конструкции кораблей нового типа, но сейчас, когда дуэль на дальних дистанциях исчерпала себя, они получат необходимые данные – малые и средние корабли будут накатываться на построение эскадры волна за волной, выявляя структуру атакуемых кораблей, передавая сведения системам анализа целей.

Шайгалов понимал: глухая оборона – не выход. Медленная гибель эскадры неминуема. «Одиночки» накопят данные, обработают их, и тогда каждый выпущенный ими снаряд, лазерный луч или ракета будет направлен в наиболее уязвимое место.

Действовать нужно решительно, немедленно, нестандартно.

Незачем губить истребители. Нельзя следовать традиционной тактике, отражая атаку штурмовых носителей силами фрегатов. Под прикрытием облаков, состоящих из разноразмерных металлических обломков,

наночастиц и кристаллизованного газа, сейчас накапливаются для решающего удара крупные корабли противника.

– Фрегатам сформировать линию огневой поддержки! – он принял решение и больше не сомневался в нем. – Корветам – готовность к поиску и приему на борт аварийно-спасательных капсул. Всем группам истребителей – отсекать от крейсеров малоразмерные цели, действуя в режиме перехватчиков. «Гектор», «Приам» – удаление от флагмана ноль пять световой секунды по флангам в плоскости эклиптики! Держать строй! – Он переключился на внутреннюю связь: – Силовая установка – полная крейсерская тяга! Орудийным комплексам – готовность к стрельбе, ракетные шахты – с первой по сто двадцатую – ядерные заряды, плазмогенераторы в режим пучкового разряда!

«Ахилл» ускорился, двигаясь в центр клубящихся в космосе облаков навстречу атакующему броску штурмовых носителей.

Дистанция между кораблями стремительно сокращалась.

– Ведомым крейсерам – синхронизировать плазмогенераторы. Задействовать только носовые батареи!

Максимум ущерба противнику и минимум информации – вот единственный смысл атакующего броска.

«Нибелунги» озарились вспышками ракетных запусков.

– Генераторам – залп!

Тысячи изломанных ветвистых молний пронзили мрак космоса. Пучковые разряды применялись исключительно редко, они сбивали настройку синхронизаторов батарей, требовали чудовищных энергозатрат, но в данной ситуации имели и неоспоримое преимущество: скрытые в облаках космического мусора цели попадали под удар, нити высоких энергий тянулись к наиболее крупным материальным объектам, превращая затаившиеся истребители в облака ионизированного газа, нанося чудовищный урон тяжелым единицам вражеского флота, находящимся вне зоны прямой видимости.

Космос расцвел буйством энергий.

Облака взвихрились, большинство составляющих их обломков мгновенно расплавилось, частично превращаясь в газ. Выпущенные «Нибелунгами» ракеты взорвались, сами штурмовые носители пали первой жертвой задействованных звездных энергий, и теперь их обломки разлетались по непредсказуемым траекториям, вторичные взрывы рвали их, добавляя хаоса, а три крейсера Кьюиганской эскадры продолжали ускоряться.

– Обнаружена линия ракетных носителей!

– Зафиксировано построение крейсеров противника!

– Конвойные носители – групповая цель из девяти объектов!

Пучковый удар плазмогенераторов главного калибра не только уничтожил волну штурмовых носителей – он подсветил для сканеров крупные, не поддающиеся мгновенному разрушению цели, сформировал в космосе зону раскаленных газопылевых облаков, в которых сгорели наномашины, и глобальная маскирующая сеть, сотканная из помех и ложных сигнатур, вышла из строя, позволяя крейсерам Колоний осуществить захват целей.

Линия ракетных носителей.

Нет на средних и малых дистанциях угрозы более явной. Даже построение крейсеров не несет в себе столь сокрушительной, концентрированной ударной мощи. Каждый из семи ракетных носителей Альянса был способен выпустить до тысячи боеголовок единым залпом.

– Системы противоракетной обороны – в режим отражения атаки! Ядерный удар! Шахты с первой по сто двадцатую – беглый огонь по распределенным целям!

Три крейсера Кьюиганской эскадры озарились ракетными залпами, и практически одновременно разрядили пусковые шахты семь носителей Альянса.

– Боевой разворот! Всем оборонительным комплексам – огонь по выбору!

Вселенная взорвалась.

Вспышки ядерных ударов рвали разрастающуюся газопылевую туманность, огненные факелы от работы двигателей тысяч ракет пылали, стремительно приближаясь к крейсерам Колоний, снарядные трассы, лазерные разряды, беглый заградительный огонь зенитных установок, яркие всплески попаданий, ослепительные пламенные бутоны сбитых боеголовок – все это вскипело разом, одновременно, в одно мгновение.

Огромные корабли, объятые выбросами декомпрессии в местах попаданий, по-прежнему извергали огонь, в космос, вращаясь, отлетали фрагменты брони, целые надстройки отламывались от корпусов, казалось, никто и ничто не способно уцелеть в разверзшемся аду, но то был лишь эпизод тщательно выверенной атаки.

Пять ракетных носителей Альянса разламывались на части. Три крейсера противника получили повреждения, их броня светилась в местах попаданий ядерных ракет. «Гектор» вышел из боевого разворота с наименьшими потерями, «Приам», практически уничтоженный, медленно разламывался на три неравные части, некоторые орудийные башни еще

продолжали вести огонь, в то время как из стартовых сегментов в космос отстреливало сотни спасательных капсул.

Корветы устремились на перехват, их прикрывала линия фрегатов и эскадрильи «Пум».

Броня «Ахилла» зияла пробоинами, крейсер окружали обломки, но он уверенно завершил боевой разворот, переходя на малую тягу.

«Гектор» повторил маневр флагмана, его батареи перезаряжались, готовясь прикрыть разрушенный «Приам» от атак вражеских штурмовых соединений, но крейсеры Альянса внезапно начали отступать, совершая перестроение.

Семь ракетных носителей, главная ударная сила вражеского флота, более не представляли угрозы, но силы по-прежнему оставались неравными, «Одиночки» располагали вдвое большим количеством фрегатов, сохранив (с допустимыми повреждениями) три крейсера, однако их атака была сорвана, и в битве наступила неожиданная тактическая пауза.

Адмирал Шайгалов перевел дыхание, взглянул на мониторы, куда выводились данные о повреждениях.

«Ахилл» и «Гектор», несмотря на множественные пробоины в корпусах и потерю части надстроек, были способны продолжать бой, с борта «Приама» полным ходом шла эвакуация, враг получил сокрушительный удар, но до победы еще очень далеко…

Взгляд адмирала задержался на изображении второй планеты.

Над материком «Фобоса» царил огненно-пепельный грибовидный выброс.

Неужели одна из ядерных боеголовок захватила цель на поверхности и случайно ударила по планете?

Иван Дмитриевич перевел взгляд на тактический монитор.

Искажение метрики пространства исчезло!

– Связь с первой Элианской эскадрой! Экстренный канал гиперсферных частот, немедленно!

Фобос. Бункерная зона колониального форта. Несколькими минутами ранее…

В коридорах, сжигая облицовку, бушевало пламя.

Все силы, брошенные против единственной прорвавшейся вглубь серв-машины, не могли остановить бесноватый и в то же время расчетливый напор «Фалангера».

Дейвид уже не нервничал.

«Люди… – горестно думал он, спустившись на уровень колониального транспорта «Нобель», – почему они не хотят осознать, что я несу им добро, спокойную жизнь на райских планетах? Почему все они так бешено сопротивляются, видят во мне врага?»

Он постоянно принимал данные и понимал, что его замыслы не провалились, но вновь поставлены под сомнение. Еще можно поднять «Шквалы» и под их прикрытием попытаться увести «Нобель» в глубины космоса, но есть ли в таком действии смысл?

«Опять бежать в неизвестном направлении?

Начинать все сначала, зная, что даже самые разумные из представителей рода человеческого взбунтовались, отказались от жизни на прекрасном острове, но ради чего?

Своей надуманной иллюзорной свободы?»

Дейвид видел, как из захваченного на острове транспортного корабля в форт проникла группа, которой руководил адмирал Рокотов.

«Почему он не смирился? Разве мои эмиссары не гарантировали ему спокойную счастливую жизнь, а в перспективе – бессмертие личности?

Почему он отказался?

Зачем встал в один строй с дикими, необузданными варлийцами?

Мне никогда не понять их. Они будут восставать снова и снова».

Дейвид спустился на уровень ниже, вошел в реакторный зал.

«Нет.

Я никуда не побегу».

В нем внезапно вскипела тщательно сдерживаемая ненависть.

«Мне не понять людей. Но и они никогда не поймут меня.

Значит, бегство бессмысленно».

Он подошел к одному из терминалов, соединился с системой управления реактором.

Глаза Дейвида источали безумие.

Он отдал мысленную команду, подумав: люди ни за что не получат технологию бессмертия личности. Никто из них не достоин ее.

Ответом послужила лаконичная надпись:

«Критическая перегрузка реактора».

В последний миг перед взрывом Дейвид понял: он впервые чувствует себя счастливым.

Эпилог Из постановления Совета Безопасности Союза Центральных Миров от 23 августа 2650 года

Ввиду особой угрозы, исходящей от любого типа саморазвивающихся кибернетических систем, на всех планетах Союза вводится запрет на использование искусственных интеллектов. Все андроиды колониальной серии должны быть в обязательном порядке зарегистрированы и освидетельствованы специально создаваемыми техническими комиссиями. Эксплуатация андроидов допустима только на первом уровне программной свободы.

Также под запрет к использованию попадает ряд технологий, разработанных в период войны. Все образцы техники, содержащие элементы технологий, указанных в приложении к постановлению, подлежат безусловному изъятию.

Союз Центральных Миров оставляет за собой право применять санкции против планет, не входящих в его состав, но использующих потенциально опасные устройства, технологии или их элементы. В случае неэффективности дипломатических или экономических рычагов воздействия Флот Колоний будет осуществлять силовые акции по уничтожению потенциально опасных кибернетических систем и технологий.

Система Элио Центральный клинический госпиталь ВКС…

Глеб пришел в сознание глубокой ночью.

Он с трудом открыл глаза. Мягкие сумерки больничной палаты разгонял лишь тусклый свет контрольных дисплеев систем жизнеобеспечения.

Тело казалось чужим, как будто сшитым из фрагментов боли, мысли, порванные в клочья, кружили обрывками тяжелых воспоминаний.

«Где я?»

Последним осознанным воспоминанием стал сокрушительный удар, от которого не мог спасти даже корпус многотонной серв-машины.

«Я погиб…»

Вердикт рассудка тут же был опротестован.

Болезненные ощущения жизни говорили об обратном. Он вспомнил, как всплеск пламени от взрыва реактора колониального транспорта «Нобель» огненным валом прокатился по бункерной зоне, уничтожая все на своем пути, сметая стены из армированного бетона, обрушивая перекрытия, оставляя на месте колониального форта лишь чудовищную воронку.

Выжить в той ситуации было нереально…

Назойливо, монотонно пищал сигнал реанимационного комплекса. Глеб собрал все силы, повел зрачками, пытаясь посмотреть в ту сторону, откуда исходили неяркий свет и тревожный писк.

Зрение расплывалось. Сначала он увидел лишь контуры комплекса аппаратуры, столика и небольшого диванчика, затем понял, что в палате есть кто-то еще.

Потребовались время и невероятное болезненное напряжение всех сил, чтобы человеческая фигура постепенно начала обретать черты.

Он мог лишь ворочать зрачками, не больше, но и этого оказалось достаточно. Глеб понял, что все-таки жив, его каким-то чудом извлекли из-под обломков форта, вырезали из корпуса серв-машины и выходили…

«Отвоевался ты, Дымов…»

Мысль прошла спокойно.

За столом на краю небольшого дивана прикорнула Айла. Он долго смотрел на нее, затем вновь начал погружаться в беспамятство.

Голова кружилась.

Образ Айлы расплывался, разум Глеба погружался в грезы, но теперь, увидев ее, он внезапно ощутил покой.

Образ Айлы уже не ускользал. Подсознательно Глеб чувствовал, что она находится тут давно, много дней, а может, и месяцев.

Впервые в жизни он ощущал себя беспомощным, растерзанным, но умиротворенным.

Война отпустила его.

Неизвестная точка пространства…

Над строительной площадкой незавершенного Цоколя царили кроны деревьев, проросших тут за века забвения.

Раннее утро разлилось звонкой тишиной.

Поднявшись на холм, Ника и Степ осмотрелись. Андроид взял увеличение, отыскал взглядом видеокамер вмонтированный в наклонную монументальную стену фрагмент обшивки и транслировал изображение в разум девушки.

Колониальный транспорт «Русич».

– Ты видишь людей? – спросил Степ.

– Нет пока, – отозвалась Ника. – Но их предки совершили успешную посадку и почти завершили строительство Цоколя, а это что-то да значит.

Она присела, провела рукой по шелковистой траве, ощущая ладонью капельки росы.

Счастье…

– Как здорово, Степ. Какой прекрасный рассвет…

Два искусственных интеллекта переглянулись.

Одиночка серии «Beatris» и старый колониальный дройд, взявшись за руки, начали спускаться с холма.

Они шли навстречу новой жизни, а все остальное уже не имело значения.

notes

Примечания

1

Горная страна, или горная система – это совокупность горных хребтов, горных массивов, нагорий, межгорных впадин и долин, занимающих огромную площадь и, как правило, сформировавшихся в одну геологическую эпоху.

2

Таугермин – взрывчатое вещество.

3

Валькирия – последняя модель штурмовика, разработанная Земным Альянсом перед самым окончанием войны.

4

Адмирал Табанов командовал объединенным флотом Земного Альянса в последние годы войны.

5

Приказом адмирала Воронцова двадцать тысяч андроидов были мобилизованы и использованы в качестве смертников при первой атаке Линии Хаммера, в начале войны. Их личности, развивавшиеся на протяжении четырехсот лет, адмирал приказал уничтожить применением древнего технического кода. Подробнее в романе «Пламя надежды».

6

Подробнее в романе «Омикрон».

7

Термин «Периферия» широко использовался в послевоенные годы. Им обозначали области пространства, где жизнь на планетах была полностью уничтожена или сохранилась лишь частично, также к секторам Периферии относили запрещенные к посещению, «карантинные» космические территории, где по-прежнему действовали автоматические подразделения Земного Альянса, управляемые боевыми «ИИ» класса «Одиночка». Позже планеты Периферии станут объектами второй волны Экспансии, а граница исследованного космоса получит название «Окраина».

8

Цоколь – типовое защитное сооружение, возводимое на месте посадки колониального транспорта кибернетическими механизмами. Все корабли, покидавшие Землю в период Великого Исхода, несли на своем борту оборудование, механизмы и материалы для строительства технического этажа будущего города, однако автоматизированные Цоколи возводились не везде, часто раздел имущества между колонистами приводил к недостатку ресурсов для полномасштабного строительства.

9

На самом деле истина, касающаяся кибернетических организмов производства Земного Альянса, откроется лишь два века спустя. Подробнее в романе «Особое задание».

10

События романа «Последний Рубеж».

11

Эригон – планета с повышенной гравитацией относительно Земного эталона.

12

Истребители «Пума» были приняты на вооружение Флота Колоний в 2640 году. В дальнейшем их заменят на модифицированный «Фантом», который на протяжении столетий будет оставаться основной аэрокосмической машиной ВКС Конфедерации Солнц.

13

В эпоху Великого Исхода каждый колониальный транспорт имел свою систему и планету назначения. Однако из-за несовершенных гипердвигателей и отсутствия четких знаний о гиперсфере в 99 случаях из 100 старт корабля приводил к «слепому рывку» – неуправляемому движению вдоль линии напряженности гиперсферы. Чаще всего обратный переход был неуправляем, его провоцировало истощение бортовых энергоресурсов, падение напряжения на контуре гиперпривода. Исследования, проведенные в период войны, позволили понять, что большинство транспортов покидало аномалию в пределах сферы радиусом в 70 световых лет. Центром сферы «слепых рывков» принято считать Солнечную систему.

14

Кибстек – личный нанокомп, чаще всего исполнен в виде браслета.

15

Режим пассивного приема применяется для скрытного проникновения небольших космических кораблей в границы звездных систем. Датчики при этом фиксируют только энергетически активные объекты.

16

БСК – боевой сканирующий комплекс.

17

БМК – боевая машина космодесанта.

18

Конструкция колониальных транспортов эпохи Великого Исхода состояла из двух компонентов: основного модуля и транспортно-пассажирской сферы. Экипаж основного модуля не принадлежал к числу колонистов. При условии успешной посадки основной модуль отстыковывался от доставленной на планету сферы и имел теоретическую возможность возвращения в Солнечную систему при помощи собственного, автономного гиперпривода. На практике несовершенство навигационных приборов и слабое понимание гиперсферы как уникального физического явления исключало успешное возвращение экипажа на Землю. В большинстве случаев основные модули колониальных транспортов оставались на колонизируемых планетах, а их экипажи разделяли судьбу колонистов.

19

Нейросенсорная зависимость – одна из форм расстройства человеческой психики. Ею страдали в основном пилоты серв-машин и аэрокосмических истребителей, долгое время находившиеся в прямом нейросенсорном контакте с боевым искусственным интеллектом модуля «Одиночка». Они начинали воспринимать кибернетическую систему как часть собственной личности. Разрыв ментальной связи, как правило, приводил к тяжелым последствиям. У пилотов появлялось чувство невосполнимой потери, многие из них шли на рискованные и необдуманные поступки, пытаясь вновь обрести «утраченную половинку души».

20

Роман «Пламя надежды».

21

РТВ – робототехнические вооружения.

22

Роман «Наемник».

23

Внешнее Кольцо – сеть баз ВКС Земного Альянса, расположенных за границами изученного колонистами космоса. Их строительство началось в середине войны и ставило целью замкнуть колонии в границах условной сферы, откуда планировалось нанести последний, решающий удар по скоплению Центральных Миров. Для этого формировались специальные, полностью роботизированные подразделения, управляемые «Одиночками». После капитуляции Альянса выяснилось, что вся информация по «Внешнему Кольцу» тщательно уничтожена.

24

Юнона – одна из планет Линии Хаммера.

25

Главным недостатком колониальных моделей «АРГ-8» являлось отсутствие гасителя импульса и как следствие – невозможность применения оружия в условиях невесомости. В поздних «гибридных» моделях этот недостаток был устранен.

26

ЛД – личный датчик.

27

Адмирал Тиберий Надыров командовал ударным флотом Альянса, атаковавшим Дабог, а затем оккупировавшим Кассию.

28

Арена Варла – кратер, где проводятся бои серв-машин. Основной доход кланам Варла приносит прибыль от организации тотализатора.

29

АРК – автоматический разведывательный корабль.

30

В режиме «граница» космический корабль маневрирует в зоне перехода физических явлений. Датчики корабля способны отслеживать обстановку в «нормальном» космосе, когда сам корабль еще не материализовался. Режим требует огромных энергозатрат, опасен непредсказуемостью различных побочных эффектов, способных деформировать или даже уничтожить корабль при неточной настройке генераторов гиперпривода.

31

Под «возвышением» подразумевается угол между плоскостью эклиптики системы и действительным положением корабля. В данном случае, двигаясь с нулевым возвышением, фрегат частично прикрыт от кораблей противника образовавшимся скоплением обломков.

32

МаРЗ – малый разведывательный зонд.